

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2017. Т. 12

№3 (167)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Sciences

2017. T. 12

№ 3 (167)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутич**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

Ф. С. Исмагилова,
докт. психол. наук, проф.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

Р. Р. Муслумов,
канд. психол. наук

Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук., доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

К IV МЕЖДУНАРОДНОМУ НАУЧНОМУ СИМПОЗИУМУ «АВСТРИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ЕВРОПЫ»

- Давлетшина А. М.* Проблемы идентичности еврейских граждан в правовой реальности Австрии довоенного и межвоенного периода 5
- Черепанова Е. С.* Критика языка и проблема ценностей в австрийской культуре межвоенного периода: Г. Брех, К. Краус и Ф. Эбнер..... 14

ПОСТИМПЕРСКАЯ СИТУАЦИЯ И ВОЙНА КАК ПРЕДМЕТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

- Меньшиков А. С.* Война как социально-философская проблема в контексте теории модерности: методологические замечания.....27
- Логонов А. В.* Оправдание войны: дебаты о легитимности37
- Сухарева В. А.* Первая мировая война как неклассический объект: становление неклассической философии45
- Тейтельбаум Е. С.* Философско-художественное осмысление постимперской ситуации в интеллектуальной жизни Испании первой трети XX в.: «поколения 98-го и 14-го годов»53

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

- Кравченко А. И.* Кризис поколений? Или наших представлений?.....61
- Абрамова С. Б.* Факторы, определяющие выбор профессии ученого.....71
- Каташинских В. С., Кузьминская А. В.* Противоречия образовательных ориентаций студентов на обучение в магистратуре в современных условиях.....82
- Меренков А. В., Гурарий А. Д.* Изменение ценности гуманитарного образования в современном мире.....90

- Дронишинец Н. П., Носырев Н. А.* Проблемы ядерного образования в ежегодных докладах МАГАТЭ: социологический анализ..... 101
- Лебедева-Несевря Н. А., Барг А. О., Соловьев С. С.* Здоровье в субъективных оценках работающего населения России..... 108
- Грунт Е. В., Смирнова О. Г.* Отношение россиян к протестантизму в современных условиях: региональный аспект 115

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Комлева Н. А.* Гибридная война: сущность и специфика 128

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Табаринцева-Романова К. М.* Архетипы в современной европейской идентичности: философское переосмысление 138
- Кузьминых Н. Е.* Программа Европейской волонтерской службы (EVS) как инструмент реализации культурной политики ЕС..... 147
- Михайленко В. И., Довжик Н. Р.* Восточное партнерство и польские концепции реформатирования Центрально-Восточной Европы 153
- Кузьмин В. А., Соколов Н. В.* Действия Саудовской Аравии и Ирана в йеменском конфликте в 2015–2016 гг. 165
- Сомкамнерд Н.* Проблема незаконной миграции народности рохинджа в Юго-Восточной Азии..... 175

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

- Головнёва Е. В.* Региональная идентичность и идентичность региона..... 182
- Авторы номера 190
- Summa 193

К IV МЕЖДУНАРОДНОМУ
НАУЧНОМУ СИМПОЗИУМУ
«АВСТРИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ЕВРОПЫ»

Мы продолжаем публикацию материалов, поступивших в редакцию в рамках подготовки к симпозиуму, который состоится в нашем университете 26–27 октября 2017 г.

УДК 159.923.2 + 323.12(=411.16) + 340.11 + 94(436)“19”

А. М. Давлетшина

**ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРЕЙСКИХ ГРАЖДАН
В ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ АВСТРИИ ДОВОЕННОГО
И МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА***

В статье анализируются проблемы идентичности еврейских граждан, связанные с изменением их статуса в правовой реальности Австрии в период с конца XIX в. до первой трети XX в. Подробно рассматриваются процесс эмансипации еврейских граждан Австро-Венгрии вследствие принятия ряда законодательных документов, успехи и неудачи ассимиляционного процесса на примере «венских евреев», возникновение антисемитизма и последующее после распада Австро-Венгрии ущемление еврейского населения в гражданских правах. Демонстрируется, что гражданское равноправие представляло собой «формальное равноправие». В статье делается вывод, что изменения правовой реальности Австрии остро переживались еврейской интеллигенцией и повлияли на конструирование «еврейской идентичности».

К л ю ч е в ы е с л о в а: кризис идентичности, еврейская идентичность, правовая реальность, правовые переживания, правовой опыт, антисемитизм, ассимиляция, довоенный период, межвоенный период.

Кризис идентичности является одной из наиболее важных тем в философии конца XIX — начала XX в. Наиболее ярко проблема персональной идентичности проявила себя в Западной Европе, в частности на территории Австрии в среде еврейской интеллигенции в довоенный и межвоенный период. Кризис еврейской

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

идентичности интересен тем, что на него повлияло множество процессов, происходивших в Австро-Венгрии: завершение эмансипации еврейских граждан и успехи ассимиляционного процесса, с одной стороны, и развитие антисемитизма и национализма — с другой.

Австрия подобно многим немецким государствам избрала для себя путь постепенной интеграции евреев в гражданское общество, которая бы осуществлялась под контролем государственной власти. Выбор этого пути австрийское правительство объясняло тем, что к немедленной интеграции не готовы как еврейские граждане, так и само общество не может пока принять эту идею. Эмансипацию в Австрии отличала ее направленность: главной задачей являлась ассимиляция евреев к немецкой культуре, что означало на практике, в виде жесткого требования, отказ от иудаизма¹. Но, учитывая специфику многонациональной Габсбургской империи, нужно отметить, что в реальной правовой и политической практике еврейские граждане должны были решать для себя вопрос более широко — не ассимилировать и оставаться евреем, которого не принимает общество, или ассимилировать и стать немцем, венгром, чехом и т. д. и быть частично принятым обществом? Именно поэтому многие исследователи говорят, что в случае с ассимиляцией части еврейского населения в Австрии правильнее говорить о процессе аккультурации, когда не происходит полного растворения в какой-либо социальной группе.

Одним из первых шагов по уравниванию в гражданских правах, предпринятых в XIX в., стала Конституция Австрийской империи, принятая в 1848 г., которая содержала в себе многие пункты о равноправии всех граждан, в частности, § 17 конституции предоставлял свободу вероисповедания и свободу совести, § 24 — право приобретения недвижимого имущества, § 25 — равенство перед законом, в том числе в отношении воинской повинности и налогообложения, § 31 гарантировал иудейской религии свободное исполнение богослужения. Императорский указ от 20 октября 1848 г. для всех евреев установил обязательный подушный налог и налоги местной полиции, включая существующий только для Вены налог на пребывание в городе [6, 46]. Для еврейских граждан данная конституция значила много. Они были освобождены, помимо всего прочего, от ограничений в праве на место жительства и получили активное и пассивное избирательное право. Но расширение прав еврейского населения было воспринято негативно со стороны других национальных групп: в ряде городов прошли народные волнения, появилось большое количество антиеврейских брошюр. В итоге в 1852 г. император Франц-Иосиф (1848–1916) был вынужден издать указ об отмене конституции 1849 г., что привело к постепенному восстановлению правовых ограничений для еврейских граждан. В частности, местные власти снова стали требовать, чтобы еврейское население просило разрешение на заключение брака, было запрещено арендовать недвижимость, вновь был возвращен запрет на право быть нотариусом и т. д.

¹ Обращение в католицизм обычно диктовалось насущной необходимостью для получения работы. При этом в глазах культурно ассимилированных евреев еврей, перешедший в католицизм, представлял собой жалкую фигуру.

Еще больше ситуация усложнилась в 1855 г., когда был заключен конкордант между Австрией и Римским папой. Это привело к тому, что из школ и университетов стали увольнять еврейских преподавателей в связи с контролем над образованием католической церкви. Но все же в 1857 г. многие из этих ограничений были отменены и австрийское правительство обещало издавать законы, которые бы улучшили положение еврейского населения в Австрии. Так, в феврале 1860 г. был издан закон о праве евреев приобретать недвижимость повсеместно, с некоторыми ограничениями для альпийских областей и Галиции [6, 50]. А 1867 г. было заключено австро-венгерское соглашение и образована двуединая монархия, что повлекло принятие новой Конституции Австро-Венгрии, включавшей в себя многие пункты прошлой Конституции и провозгласившей окончательную эмансипацию еврейских граждан.

После принятия конституции произошел резкий рост еврейского населения за счет эмигрантов из соседних империй, а также увеличилось количество еврейских граждан в Вене за счет переселения из других областей Австро-Венгрии. Несмотря на гарантирование гражданских прав государством, еврейское население не ощущало защиты своих прав. Поэтому Ю. Волин отмечал, сравнивая российских и австрийских евреев, что еврей Российской империи страдает от нищеты, гнета, бесправия и насилия, в то время как страдания западных евреев еще более глубокие: уравненные в правах, они не чувствуют себя равными с остальными гражданами Австро-Венгрии и никто их таковыми не считает [Там же, 7].

Одним из достижений эмансипации еврейского населения можно считать возможность получения образования в школах и университетах. Многие исследователи австрийской культуры отмечают, что австрийских евреев, и в еще большей степени евреев Вены, отличал высокий уровень образованности [3, 9]. Изменение правовой реальности Австро-Венгрии, уравнение в гражданских правах дало им возможность поступать в университеты, участвовать в культурной жизни столицы. Еврейские семьи в последней трети XIX в. буквально брали штурмом образовательную систему, видя в ней лучшее средство ассимиляции и повышения своего социального статуса. С. Цвейг (1881–1942) писал, что евреи благоговели перед образованностью. «Подлинная воля еврея, его имманентный идеал — взлет в духовные выси, в более высокую культурную сферу. Уже в восточном ортодоксальном еврействе, где слабости, как и достоинства всей нации, проступают ярче, это высшее проявление воли к духовному через чисто материальное находит свое наглядное выражение: благочестивый человек, талмудист почитается в общине в тысячу раз больше, чем состоятельный; даже первый богач охотнее выдаст свою дочь за нищего книжника, чем за торговца. Это благоговение перед духовным у евреев свойственно буквально всем сословиям; самый бедный уличный торговец, который тащит свой скарб сквозь ветер и непогоду, попытается выучить хотя бы одного сына, идя на тяжелейшие жертвы, и это считается почетом для всей семьи, что в их роду есть свой ученый: профессор, музыкант — словно *он* своим положением делает их аристократами» [10, 49–50]. В итоге в начале XX в. среди врачей, инженеров, адвокатов, судей, журналистов, писателей было очень много евреев.

В 1895 г. был принят законопроект, по которому иудейство признавалось равноправным с католичеством, протестантским и православным вероисповеданиями в качестве возможности перехода из одной веры в другую. Это значило, что браки между христианами и иудеями объявлялись законными, по какому бы обряду они ни совершались [6, 54]. Именно это признание иудейской веры считается окончательной эмансипацией евреев с конфессиональной точки зрения, в связи с чем для многих просвещенных еврейских граждан этот период, несомненно, был золотым веком. С. Цвейг описывал австрийскую монархию довоенного периода как эпоху надежности: «права, которые оно (государство. — А. Д.) обеспечивало своим гражданам, было закреплено парламентом, этим свободно избранным представителем народа, а каждая обязанность строго регламентирована» [10, 42].

Несмотря на то что правовое положение еврейских граждан улучшилось благодаря либеральной программе, эта группа населения оставалась зависимой от административной опеки, от покровительства или произвола чиновников. В частности, господство бюрократии, которой так славилась Австро-Венгрия, привело к тому, что закон каждый мог толковать по-своему и он становился инструментом беззакония, причем непонимание этих правовых документов толкователями закона компенсировалось автоматизмом в низших звеньях бюрократического аппарата, который, по сути, и принимал все правовые решения. Ситуация не изменилась и после распада Австро-Венгерской империи и формирования нового государства — Австрийской республики. Еврейские граждане бывшей империи столкнулись с новыми правовыми порядками в момент получения гражданства, которые к тому же были национально окрашены. Г. Бюргер отмечает, что для «евреев и еврейских женщин путь к получению нового гражданства в одном из государств-правопреемников стал длительным и сложным процессом. Нередко он заканчивался отказом в гражданстве. Монархический закон о гражданстве... отличался принципом надэтнической нейтральности, в то время как законы о гражданстве новых республик в значительной степени следовал национально-государственной, этнической логике» [1, 132–133].

Процесс ассимиляции и признания гражданских прав евреев проходил очень тяжело. С одной стороны, император Франц-Иосиф взял на себя роль покровителя евреев, ибо видел в них государственный народ, опору своей монархии. И, несомненно, еврейские граждане считали себя истинными австрийцами, именно они переживали распад империи тяжелее, чем другие национальные группы. В то же время антисемитски настроенные политики активно ставили под вопрос равенство евреев с австрийскими немцами. «Общество, столкнувшись с проблемой политического, экономического и правового равенства для евреев, совершенно ясно дало понять, что ни один из его классов не был готов обеспечить им равенство в социальном плане и что представители еврейского народа будут приняты только в исключительных случаях» [4, 103–104].

Равенство в гражданских правах еврейского населения с австрийскими немцами было «формальным», на что постоянно указывалось как «просвещенной» интеллигенцией, так и простыми жителями Австро-Венгрии. «Требую — и часто добиваясь — от евреев “эвтаназии” их религиозной идентичности и тем не менее

отказывая им в полном и немедленном уравнении в правах с другими гражданами (которое, несомненно, облегчило бы для них процесс интеграции), немецкий и австрийский либерализм подверг программу ассимиляции двойной опасности: немецкие и австрийские евреи в значительной степени уже пожертвовали своей идентичностью, чтобы войти в мир немецкой культуры, и тем не менее им приходилось довольствоваться статусом “народа-гостя” (*Gastvolk*), зависимого от доброй воли принявшего его народа. Впечатление, будто евреи добились наконец демократических свобод и равноправия, оставалось иллюзией, потому что одновременно сохранялся архаический образ гетто, подпитываемый еще не устраненными ограничениями и различиями между действующими законодательствами» [9, 347]. Можно говорить о том, что правовая реальность Австро-Венгрии не носила однородный характер, — то, что было утверждено на государственном уровне императором, практически не реализовывалось в реальных бюрократизированных правоотношениях, а такие правовые идеалы, как равенство, свобода и справедливость, в правосознании большей части общества не воспринимались как общие для всех.

Ф. Кафка (1883–1924), изнутри знающий бюрократическую систему Австрии и проблемы еврейского населения, в романе «Замок» очень хорошо описывает место еврейского гражданина в этой правовой реальности. К. — везде чужой, он не относится к Деревне или Замку: «Вы не из Замка, вы не из Деревни. Вы ничто». При этом он как-то связан с властями, ведь как-то он оказался в Деревне, хотя законного права на жительство в Деревне у него нет. По мнению низших бюрократических органов существование К. является бюрократической случайностью и его гражданское существование принесет только проблемы. Ему постоянно ставят в упрек, что он чужой, он всем мешает и терпят его только из милости. При этом он не просит для себя особых прав, но и не понимает, как можно просить о законных правах, которые должны быть у всех. В итоге К. в романе Ф. Кафки обрекает себя на одиночество в этом мире, не приняв предложение Замка и не являясь частью Деревни. Как отмечает Х. Арендт, «вся проблематика ассимилирующего еврейства не вместились бы так точно ни в какую другую картину, как в это альтернативное предложение — либо ты лишь для видимости принадлежишь к народу, а на самом деле к властям, либо совсем отказываешься от покровительства властей и уповаешь на народ» [5, 84].

Ассимиляция не коснулась всех, основная масса евреев оставалась верна традициям, подвергаясь по большей части лишь бытовой ассимиляции. Д. Х. Бекмухаметова пишет: «Чем больше становилось число евреев, занимающих важные экономические позиции или видное положение в культурной жизни, тем более и более усиливалась травля антисемитских кругов и росло количество тех, кто враждебно относился к евреям и противился “еврейскому засилью»» [6, 53]. Процесс эмансипации и экономического успеха евреев все больше и больше воспринимался негативно в обществе, что привело к появлению антисемитских идей. Особенно сильный толчок к развитию антисемитского движения получило после экономического кризиса 1873 г., после чего к этому движению присоединились представители практически всех слоев общества: аристократы, мелкие ремесленники, студенты, политики и т. д.

Наиболее известной партией, использовавшей в своей политической программе антисемитские идеи, была Христианско-социальная партия, объявившая своей задачей борьбу против «еврейского капитала». Например, К. Люгер (1844–1910), член этой партии и в будущем бургомистр Вены (1897), в своей речи, произнесенной в ходе парламентских дебатов по поводу Закона о гражданском статусе еврейских религиозных общин, говорил: «В Вене евреев не меньше, чем песка на морском берегу, куда ни сунешься, везде одни евреи, пойдешь в театр — там одни евреи, на Рингштрассе — одни евреи, в городской парк — одни евреи, на концерт — одни евреи, в университет — опять-таки одни евреи. ...Мы, конечно, не кричим “хеп-хеп-хеп”, но стараемся не допустить, чтобы все христиане стали жертвами угнетения и чтобы на месте старой христианской империи, Австрии, возникла новая империя — Палестина. В этом и заключается причина антисемитизма. Речь не идет о ненависти к отдельным личностям, о ненависти к бедным, маленьким евреям. Нет, господа, мы ненавидим только угнетающий нас крупный капитал, который сосредоточен в руках евреев» [9, 350].

Граждане, поддерживавшие антисемитизм, делали все возможное, чтобы посеять сомнение в ассимилированности еврейского населения. Часто в судах рассматривались дела о ритуальных убийствах, совершенных евреями (например, обвинение группы евреев города Тисаэслар в 1882 г., суд в Польне в 1899 г. и т. д.). По многим судебным делам впоследствии при повторном обсуждении выносился оправдательный приговор. Подобные дела очень остро переживались еврейской интеллигенцией, особенно в связи с тем, что им приходилось решать, кого они поддерживают — обвиняемого или обвинителей. Так, К. Краус, комментируя судебный процесс 1899 г. об обвинении в ритуальном убийстве еврея Л. Хильснера, старался описывать все так, чтобы никто не заподозрил его в «еврейской солидарности».

Только в искусстве еврейская интеллигенция могла быть избавлена от общественного и политического вмешательства и быть частично принятой в немецком интеллектуальном обществе при условии хотя бы «внешней» ассимиляции. Но одновременно с этим евреи всегда оставались евреями, даже если принимали католичество и говорили на немецком языке. В связи с этим А. Шницлер писал: «Теперь у еврея, особенно причастного к публичной жизни, уже не было возможности забыть, что он еврей, поскольку другие об этом не забывали — ни христиане, ни тем паче евреи. Перед ним открывалось два пути: казаться нечувствительным, назойливым, наглым, или, напротив, — чувствительным, робким, помешанным на преследованиях. Но даже если кто-то сохранял внутреннее и внешнее самообладание в такой мере, что его нельзя было причислить ни к одной, ни к другой категории, совсем не реагировать на происходящее он не мог — как не может оставаться равнодушным человек, которому хотя и сделали анестезию, но он вынужден с открытыми глазами наблюдать, как нечистый нож царапает и режет его кожу, пока не выступит кровь» [Там же, 385].

Двойственность положения как в правовой, так и в культурной реальности поставила еврейских интеллектуалов перед вопросом: кто такой еврей? Ответ на него они искали на протяжении всего межвоенного периода в разных сферах

искусства — в литературе, кинематографе, психологии и т. д. [3]. Решение этой проблемы объединило таких разных в своем творчестве З. Фрейда, О. Вейнингера, Й. Рота, С. Цвейга, К. Крауса, Т. Герцля, Ф. Кафку и т. д. Каждый из них задумывался над этим вопросом и предлагал свое решение как для себя, так и для других, одновременно пытаясь понять, является ли он таким «евреем» или должен искоренить в себе все «еврейское», чтобы быть частью европейской культуры. Ж. Ле Ридер делает одно важное, на наш взгляд, наблюдение: «Тревожащее нас разнообразие предложенных ими (еврейской интеллигенций. — А. Д.) ответов наводит на мысль, что в исторической и культурной ситуации венского «модерна» уже нельзя было говорить ни о каком ином еврее, кроме «еврея воображаемого». Еврейская идентичность определялась для каждого из них в форме вымысла, пространного повествования, в котором интимная биография и личное бессознательное играли не менее важную роль, чем история еврейского народа и тексты религиозной традиции» [9, 12].

Особенно сильным ощущение пустоты было после Первой мировой войны, когда вместе с рефлексией над прошедшей катастрофой сформировалось четкое понимание ущербности правовой системы Австро-Венгрии и провала либеральной стратегии ассимиляции, которая была хорошо заметна в правовых реалиях Австрийской республики, построенной на руинах бывшей империи. Сталкиваясь с вымыслами антисемитов, убежденных, что они знают, что такое «еврей», еврейские интеллектуалы в ситуации «потерянной» идентичности были вынуждены реконструировать ее, комбинируя разные элементы из своей личной истории и истории своего народа.

Антисемиты поставили под вопрос ассимилированность еврейских граждан, их принадлежность к немецкой культуре, тем самым спровоцировав повышение интереса к еврейской идентичности и «поразительное множество индивидуальных процессов идентификации с мифами и фигурами, имеющими персональную или коллективную ценность» [Там же]. Еврейская интеллигенция предложила в конце XIX — первой трети XX в. разные пути и способы решения проблемы идентичности: понимание «еврейства» как этнической или национальной характеристики, трактовка как мифологического или религиозного конструкта. Предлагались индивидуальные и коллективные способы решения еврейского вопроса, реконструирование еврейской идентичности на основе иудейских традиций и отказ от своей еврейской идентичности с дальнейшей культурной ассимиляцией и поддержкой антисемитизма. Так, О. Вейninger (1880–1903) определял «еврейство» не через понятия «этнос» или «нация», а через понятие «психической конституции»: «Под еврейством следует понимать только духовное направление, только психическую конституцию, которая для всех людей является возможностью, а в историческом еврействе нашла лишь самое грандиозное свое осуществление» [7, 292]. В связи с этим еврейский вопрос, по его мнению, может быть решен только индивидуально. «Но зато еврей, который достиг бы победы, еврей, который стал бы христианином, безусловно обладал бы полным правом на отношение к нему со стороны арийца как к единичному лицу, а не как к члену расы, над которой он давно вознесся в своем моральном стремлении» [Там же, 301].

Рост антисемитизма в Австрии привел к подъему национального движения среди еврейского населения: в большом количестве создавались различные союзы по защите прав еврейских граждан, все чаще звучали идеи о создании своего национального государства. Наиболее ярко это проявилось в сионизме, целью которого Т. Герцль (1860–1904) видел объединение еврейского народа на общей родине. По его мнению, еврейский вопрос существовал всегда, и было бы глупо это отрицать. Но решением его является не ассимиляция и не эмиграция в другие государства. Единственным выходом является переселение евреев в еврейское государство, которое обязательно будет поддержано мировыми державами [8].

Но программа по созданию еврейского национального государства не получила поддержки среди еврейской интеллигенции, которая видела в Австрии свою родину и не могла серьезно воспринимать такие предложения, как создание государства в Аргентине или Палестине, как предлагал Т. Герцль. «Следует ли нам выбрать Аргентину или Палестину? Мы возьмем то, что нам дадут и что предпочтет еврейское общественное мнение. ...Аргентинская Республика получит значительную выгоду, уступив нам часть своей территории... Палестина — это наша незабвенная историческая родина. ...Предположим, Его Величество Султан уступил бы нам Палестину — в благодарность мы могли бы взять на себя обязательство отрегулировать всю финансовую систему Турции. Мы также отчасти приняли бы на себя роль оплота Европы против Азии, стали бы форпостом цивилизации в землях варваров» [Там же, 443–445]. Еврейская интеллигенция по большей части не понимала, как можно отказаться от австро-венгерского гражданства, дающего доступ к высокой немецкой культуре, и начать с чистого листа. В «Короне для Сиона» К. Краус в лице Т. Герцля обвиняет сионизм в усвоении программы антисемитизма, направленной на то, чтобы изгнать евреев из Вены в «новое гетто» [2, 4], и тем самым оживляющей антисемитские страсти, которые, если бы не его вмешательство, очень скоро были бы забыты. Сионизм, по его мнению, является идеей ассимилированных, богатых евреев, которые дают бедным евреям Центральной Европы обманчивые иллюзии. Краус отмечает, что эти интеллектуалы, давно порвавшие с еврейской традицией, вдруг стали ссылаться на Библию и библейских пророков. Еще более смешно для Крауса, что многие сионисты говорят о Палестине, не зная ничего о ней. Эти идеи абсурдны и опасны; чтобы покончить с антисемитизмом, нужно ликвидировать те остатки еврейского сепаратизма, которые пагубным образом культивируются раввинами, особенно в восточных провинциях. Следует улучшать положение евреев в Европе — вместо того, чтобы заманивать их в Палестину [Там же].

К. Краус, как и большинство еврейских интеллектуалов, считал Австрию своей родиной. В принципе этой позиции придерживались многие еврейские граждане, и именно поэтому военная мобилизация в период Первой мировой войны воспринималась ими не только как трагическое событие или противоречащее еврейской культуре (что очень хорошо показано в романе Й. Рота «Иов»), но и как возможность отдать долг империи, показать свою лояльность. «В ряде случаев евреи воспринимали эту войну не только как возможность выполнить свою гражданскую обязанность, но и как доказательство своей лояльности и принадлежности

государству» [1, 131]. К сожалению, выполнение воинской обязанности было недостаточным: чем дольше продолжалась война, тем чаще звучали антисемитские лозунги про еврея как «внутреннего врага», «пятую колонну» [Там же] и т. д. Это привело к тому, что в последние годы войны еврейское население искало любые способы, чтобы избежать призыва.

После окончания войны в Вену двинулся поток еврейских иммигрантов из окружающих ее государств, что в период с 1918 по 1920 г. сыграло большую роль в формировании правовой реальности новой республики. Под давлением общества представители всех политических сил, включая социал-демократов, вскоре согласились с тем, что необходимо найти способ отказа в гражданстве в Вене еврейским иммигрантам. Таким решением стало принятие проекта немецко-австрийского закона о гражданстве от 27 ноября 1918 г., который бы сделал процесс получения гражданства зависимым от признания немецким государством [Там же, 136]. Однако он не был официально ратифицирован, поскольку сразу бы вызвал возмущение со стороны прессы в связи с нарушением прав меньшинств. В итоге возможность получения гражданства регламентировалась статьей 80 Сен-Жерменского мирного договора, в соответствии с которым в течение шести месяцев бывшие граждане австро-венгерской монархии могли выбрать для себя гражданство по принципу «расы и языка» (*nach Rasse und Sprache*) [Там же, 137]. Но опять же, как отмечает Г. Бюргер, на территории бывшей империи по этой статье еврейскому населению было сложно получить гражданство. Одновременно с нарастающим антисемитским настроением еврейское население вновь ощутило всю остроту своего особого положения. Даже те интеллектуалы, которые считали себя в первую очередь европейцами и космополитами, ощущали гнетущую атмосферу разрушенной империи и приближение новой катастрофы. С. Цвейг, вспоминая Австрию межвоенного периода, писал: «Вырос в Вене, в этой двухтысячелетней наднациональной столице, и вынужден был покинуть ее как преступник, прежде чем она деградировала до немецкого провинциального города» [10, 38]

Можно говорить о том, что в период с конца XIX в. по 30-е гг. XX в. вместе с трансформацией правовой реальности Австрии менялся и правовой статус еврейских граждан. В довоенный период, с одной стороны, они получили основные гражданские права, а с другой, это равенство оказалось «формальным». В послевоенный период их правовое положение стало постепенно ухудшаться, несмотря на новые расширения в гражданских правах (в 1920 г. избирательное право было дано еврейским женщинам), так как на фоне экономического кризиса антисемитизм становился сильнее. Иллюзорность равенства в правах очень остро переживалась еврейскими интеллектуалами, и опыт этого переживания проявил себя в рефлексии по поводу еврейской идентичности. Ответ на вопрос «что значит быть евреем?» стал определяющим для еврейской интеллигенции предвоенного и межвоенного периода.

1. *Burger H.* Heimatrecht und Staatsbürgerschaft österreichischer Juden. Wien ; Köln ; Weimar, 2014.

2. Kraus K. Eine Krone für Sione. Wien, 1898.
3. Wien und die jüdische Erfahrung 1900–1938. Akkulturation – Antisemitismus – Zionismus / F. Stern, B. Eichinger. Wien ; Köln ; Weimar, 2009.
4. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
5. Арендт Х. Скрытая традиция : эссе / пер. с нем. и англ. Т. Набатниковой, А. Шибаровой, Н. Мовниной. М., 2008.
6. Бекмухаметова Д. Х. «Еврейский вопрос» в Австро-Венгрии в последней трети XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Ставрополь, 2011.
7. Вейнингер О. Пол и характер : Принципиальное исследование. М., 2012.
8. Герцль Т. Возможное решение еврейского вопроса // Евреи в современном мире. История евреев в Новое и Новейшее время : ант. док. М., 2006. С. 438–447.
9. Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности / пер. с фр. Т. Баскаковой. СПб., 2009.
10. Цвейг С. Вчерашний мир. М., 1991.

Рукопись поступила в редакцию 5 июля 2017 г.

УДК 1(091) + 94(436)“18” + 821.511.141 + 316.752

Е. С. Черепанова

**КРИТИКА ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ
В АВСТРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА:
Г. БРОХ, К. КРАУС И Ф. ЭБНЕР***

В статье рассматривается трансформация критического анализа языка и понимания проблемы ценностей в австрийской литературе и философии. Анализируется понимание указанных вопросов Г. Брохом, К. Краусом и Ф. Эбнером (на основе текстов, написанных до 1914 г. и в межвоенный период). Представлен также культурно-идентификационный контекст формирования специфики видения лингвокритической и аксиологической проблематики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: критика языка, проблема ценностей, война, антропологическая проблема, имперская и постимперская ситуация, межвоенный период австрийской истории.

Девяностые годы XIX в. Австро-Венгрии обычно называют временем формирования особого австрийского мироощущения, которое нашло отражение в философии и литературе. К тому моменту Габсбургская империя пережила целый ряд политических событий, которые привели к усугублению межэтнических противоречий, особенно в Королевстве венгров (было учреждено в 1867 г.) и в Богемии. В наиболее сложной ситуации (в плане культурной идентичности) оказались те граждане империи, которые считали себя австрийцами. Новое государство, Австро-Венгрия, в своем официальном названии объединенных территорий разделилось на две области: Транслейтанию – Венгрию и остальную

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

территорию — Цислейтанию, куда вошли Австрия, Чехия, Моравия, Силезия, Галиция, Буковина, Далмация. То есть оказалось, что быть австрийским немцем и немцем — это разные национальные стратегии в контексте новой идеологии.

Австрийцы выступали за централизм, за единство Дунайской монархии, до 1887 г. они были основной опорой Франца-Иосифа в парламенте. И это не было этнически однородное сообщество. Так, к примеру, значительную часть «Национального немецкого союза, созданного в 1882 г., составляли представители высшего слоя еврейской интеллигенции» [12, 328]. Затем наступает период доминирования федерализма в рейхсрате. И в связи с этим происходит рост пангерманистских настроений, которые в равной мере отражали реакцию как этнических немцев, так и тех граждан империи, которые хотели сохранить целостность государства. К тому же наследник кайзера эрцгерцог Франц-Фердинанд активно развивал собственный проект государственных реформ, которые он планировал реализовать при поддержке Германии. При этом надо принять во внимание, что после поражения Австрии в войне с Пруссией и исключения Австрии из Германского союза в общественном сознании сложилась неоднозначная оценка этой перспективы.

В Богемии и Венгрии особенно остро стоял вопрос о статусе немецкого языка. И Высшая техническая школа, и Карлов университет в Праге фактически разделились на две части — немецкую и чешскую, при этом большая часть студентов предпочитала чешских преподавателей. Был издан целый ряд указов об использовании чешского языка, что привело к тому, что в среде чиновников Богемии практически не осталось тех, кто знал только немецкий язык. В Венгрии к 90-м гг. все жители королевства должны были изучать в школе венгерский язык, хотя ранее от этого были освобождены хорваты и немцы. Немецкие оперы исполнялись на венгерском языке, а в литературе преобладали венгерские писатели.

В силу этих обстоятельств в империи возникает специфическая культурная ситуация, которая сформировалась в результате сложных идентификационных процессов, в которые были включены лидеры австрийской культуры [28].

Тема настоящего и будущего империи становится предметом не только политической полемики, в философии и литературе очевидно проявлялась тенденция к переоценке отношения к немецкому языку и ценностям католической культуры, то есть по сути к тому, что олицетворяло единство империи. Именно поэтому в философии ставится вопрос о языке, а в литературе обсуждаются новые формы, которые предполагают эксперименты с языком. При этом критика языка считала возможным то, что будет создан новый философский язык, который хоть и останется немецким, но избавится от наследия немецкого идеализма и романтизма (олицетворения германской культуры). Наиболее известным является тезис о критике языка в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна — «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [4, 219]. И в данном случае можно видеть, что к тому моменту достаточно сильным было влияние Ф. Маутнера на философию языка (1849–1923) [20]. Также критичны в отношении языка были философы А. Штер (1855–1921) и Р. Вале (1857–1935), труды которых о языке также широко обсуждались.

В литературе в свете критического отношения к языку на смену роману приходит новелла, или же роман претерпевает существенные трансформации [1, 6]. Обновление предполагало также и создание нового литературного языка, которым будет представлена новая австрийская культура.

Литературный критик и писатель К. Краус (1874–1936) воспринял как принцип то, что язык не должен и не может буквально отражать реальность, но может передавать ощущение и переживание реальности иносказательно. Литература поэтому больше говорит о реальности, чем философия, наука и публицистика. Именно художественный текст, в котором иносказание и образность являются нормой, может в полной мере передать восприятия, чувства и ценности. Художник, однако, должен понимать, что язык не столько говорит, сколько молчит о главном. Поэтому Краус иногда создавал тексты, просто состоявшие из цитат, которые располагал особым образом. От этого возникали новый смысл и новое пространство образов, материалом произведения становились не слова, но тексты. Писатель может таким образом точнее отразить реальность, а литература — передать полнее важные истины. Любой другой текст — политическая программа, письмо, философский трактат — хоть и претендует на истинность сказанного, на самом деле скрывает подлинные убеждения автора.

Критик языка может выявить действительность, скрытую за метафорами, понятиями и лозунгами. Ведь все оговорки, ошибки не случайны, все пустые игры языка можно интерпретировать, для того чтобы открыть некую подлинность. По сути, Краус, как и Маутнер, видел в том, о чем умалчивают, или в том, о чем не договаривают, больше истинного. Тема молчания о главном по-разному реализуется в теориях Витгенштейна и Маутнера. У Крауса, как и у Фрейда [7], реальность несказанного необходимо истолковывать скорее психологически, отыскивая скрытые мотивы, открывая то, чего стыдятся, или то, что компрометирует. Поэтому Краус прославился как сатирик, который одинаково безжалостно вскрывал и высмеивал пафосные политические статьи и неумелые фельетоны, стихи и прозу своих современников.

В довоенных работах он склонен оценивать прежде всего тот художественный результат, к которому приходит литература в результате эксперимента с языком. Издаваемый им «Факел» с 1911 г. практически полностью представлен его же статьями, в которых Краус вновь и вновь обращается к теме языка, подчеркивая, что настоящий немецкий — это язык Гёте.

Вопрос о ценностях, который в европейском культурном пространстве был поставлен неокантианцами, австрийские мыслители инициировали потому, что в этот период необходимо отыскать универсальные основания социального единства и собственно имперской идентичности. Олицетворением империи был «бесконечно правящий» (Франц-Иосиф был кайзером 68 лет), он же — воплощение истинного католика. И те, кто критиковали империю, и те, кто хотели ее сохранить, так или иначе вынуждены были обращаться к ценностям католической культуры. По признанию большинства исследователей, в это время складываются особая философская культура, к специфическим чертам которой относятся католические схемы мышления, и барочное мировосприятие [30, 23, 11].

Интеллектуальная традиция, сложившаяся на тот момент, связывала протестантизм с Кантом и Гегелем, а католицизм — с Лейбницем и его последователем Гербартом [13, 162–253]. Предустановленная гармония, врожденные моральные идеи, монада или реал (у Гербарта) — эти концепты позволяли обосновывать то, что моральные ценности предшествуют их рациональному постижению, что их содержание, хоть и не может быть полностью осознано, не зависит от культурно-исторических факторов. Грацкая философская школа (А. Мейнонг, Х. Эренфельс) представила собственную теорию ценностей, проблему значения моральных норм в сознании ставит Фрейд. Осуществляется переиздание трудов Б. Больцано, которого называли «Лейбницем на Богемской почве».

Был и другой путь, которому следовали позитивисты и некоторые критики языка. Философия, как напишет позже Г. Брох, «должна была удалить из своей логической сферы свои животрепещущие вопросы или, как Витгенштейн, сослаться на мистическое» [15, 85; 4, 217]. «Агностическая мистика», к которой призывал Маутнер, была по сути решением проблемы того, как нужно говорить о ценностях [29, 15; 28, 118]. И во многом это было принципом импрессионизма, который будет позже обвинен Г. Брохом в создании ценностного вакуума [23, 214].

Ф. Эбнер (1882–1931), получивший известность после войны как теоретик языка, в 1912 г. напишет работу именно о ценностях — «Этика и жизнь: фрагменты метафизики индивидуальной экзистенции». Он будет одинаково критичен по отношению и к декадансу, и к традиционной культуре. Эбнер рассматривает критически классическую немецкую метафизику, полагая в духе Ницше и Бергсона, что она есть результат упадка жизненной силы. То, что человек может считать, что идея — это и есть подлинно сущее, указывает на ослабление жизненной силы. Поэтому ценности, которые предписаны метафизикой, являются внешними по отношению к наличному бытию индивида. Только в индивидуальном переживании ценности, в персональном акте установления значимого могут быть открыты человеку его ценностные ориентиры.

Таким образом, можно сказать, что в последние десятилетия существования Австро-Венгрии в философии и литературе очевидна проблематизация тем, так или иначе связанных с прояснением отношения к сложившемуся в рамках империи культурному единству. При этом необходимо отметить, что в постановке вопроса о языке значимым являлся аксиологический контекст этого вопрошания. Соответственно в актуализации проблемы ценностей важным представлялось определить, как они существуют: возникают в ходе развития личности или являются субъекту в интенциональном акте, существуют независимо от их рационального освоения или определены переживаниями человека. Вопрос о содержании ценностей, о том, что является благом, а что злом, практически не рассматривается.

Война и появление новых государств, реализующих концепт «свободных народов», существенно изменили духовный климат в культурном пространстве бывшей империи. Казалось, что политический романтизм, существовавший в общественном сознании 1848 и 1918 гг., должен был вдохновить австрийских интеллектуалов на оптимистические прогнозы, но этого не произошло. Социально-экономическая ситуация была настолько сложная (голод, безработица),

что в 20-е гг. пришлось закрыть на некоторое время Венский университет. В социально-политических дискуссиях обсуждаются преимущества американского либерализма, «ленинского» социализма и вопрос о том, кто виноват в итогах войны [24, 226]. Оказалось, что создание Австрийской республики, как представлялось теперь — этнически однородного государства, не сняло с повестки дня вопрос о едином германском государстве. Иначе говоря, рефлексия по поводу культурной и национальной идентичности опять осуществлялась по поводу германского и австрийского, однако уже не в связи с темой языка. Краус в одной из сцен пьесы «Последние дни человечества», посвященной войне, сатирически представляет диалог, в котором показано, что проблема языка, которая была так значима в довоенное время для развития искусства, теперь просто вопрос о том, почему немцы (воюющие за Германию) так враждебны по отношению к австрийцам [25, 391]. На первый план выходят проблемы экзистенциального порядка, потому что необходимо писать о жизни и смерти по-новому. Проблема ценностей и их бытия получает новое развитие и новый антропологический ракурс рассмотрения.

Г. Брех относится к числу писателей и философов¹, чье мировоззрение сложилось под влиянием австрийского литературного импрессионизма, в юности он слушал О. Вейнингера, восхищался К. Краусом и З. Фрейдом. Поздние работы Бреха склоняют исследователей называть его последователем Лейбница и Платона, что также достаточно типично для австрийских мыслителей.

Броху удалось в значительной мере ухватить суть произошедших после войны перемен. Его роман «Лунатики» (нем. *Schlafwandler*, основной смысл слова в том, что лунатики — люди, которые блуждают во сне; сомнамбулы для Бреха — те, кто тоскуют об утраченном, спят наяву) — произведение, где в третьей части философские рассуждения автора выделены в отдельные разделы, в которых мыслитель осуществляет рефлексии о современной духовной ситуации. Эти части не связаны с художественным сюжетом, но призваны прояснить читателю смысл всего текста.

«Лунатики» — это история духовных изменений, которые происходят в культурном пространстве Европы: от «романтизма» 1888 г. через «анархию» 1903 г. к «деловитости» 1918 (так Брех называет три части трилогии, в которой от периода к периоду меняется не только содержание, но и стиль). Эти даты — 1888, 1903, 1918 гг. — он называет эпохами, которые сменяют друг друга и означают смену ценностей. О последнем романе (он называет каждую часть трилогии романом) в издательском проспекте к переизданию книги в 1932 г. Брех напишет: «В “Хугюнау” (название третьей части “1918 — Хугюнау, или Деловитость”. — Е. С.) процесс распада ценностей дошел до своего конца, началась переоценка мира, одновременно с внешней революцией свершилась ужасная “революция познания”, на повестку дня выходит “свободный от ценностей” (в старом смысле) и лишенный морали человек и становится мстительным палачом для сущего» [2, 407].

¹ В истории австрийской философии, написанной бывшим деканом философского факультета Университета Вены профессором П. Кампицем, Г. Брех представлен наряду с Л. Витгештейном и М. Шликом [23, 214–224].

При этом, следуя тем методологическим установкам относительно языка, «метод невысказанного» [2, 395], которые сложились еще в предвоенной литературе, писатель считает необходимым менять от тома к тому не только содержание, но и язык и жанр произведения. То есть строй и грамматика языка соответствуют культурным трансформациям, которые он описывает, потому что «слово больше не действует в своем собственном значении, оно имеет теперь только меняющийся символический характер, а объект должен быть захвачен напряжением между словами и строчками» [Там же, 396].

Поэтому в трилогии важное внимание автор уделяет стилю (или, как он сам говорит, методу [Там же, 397]): все начинается с бесхитростного рассказа, романтизм которого не в сюжете, но в выборе примитивного, как бы естественного стиля изложения. Во втором романе Брех усложняет стиль и словно замедляет динамику действия; в чем-то этот текст напоминает новеллу Артура Шницлера «Лейтенант Густль», так как показывается связь сознательного и подсознательного. В третьем романе, где действие связано с темой войны, Брех, чтобы подчеркнуть специфику нового времени, стилизует текст под репортаж, перемежая его со стихами и философскими комментариями. Эта непоследовательность стиля изложения означает, по мысли автора, отсутствие после войны каких-либо значимых авторитетов, образцов и ценностей.

Интересно, что текст драмы Крауса «Последние дни человечества»², в которой автор поставил задачу показать всю панораму духовного кризиса, порожденного войной, тоже содержит цитаты из прессы этого периода. Краус таким образом подчеркивает тот факт, что страдания людей и их бессмысленная смерть не являются главным предметом публичного обсуждения, а журналистов занимают больше политические игры, чем страшная реальность войны.

Война обесценила все философские проекты; все, что было когда-то предметом интеллектуальных споров, утратило смысл и ценность по сравнению с газетной хроникой войны, в которой опять же не найти правды. От сцены к сцене лозунги и клише пропагандистской прессы становятся предметом обсуждения героев. Так, почти 34 страницы [25, 191–225] герои обсуждают тезисы о том, что война — благо для экономики, война все делает лучше, война все спишет, война все очищает, война воодушевляет провинцию и т. п. Однако в этом разговоре нет ничего, что относилось бы к личности беседующих, их суждения — газетные штампы. Этот прием призван показать власть газет и готовность людей, воображающих себя равнодушными гражданами, следовать в своей оценке войны предписанному политиками и прессой идеологическому порядку. Ни философия, ни литература, к которой обращался эстетствующий обыватель, не востребованы.

Позитивизм отказал философии в способности выступать в качестве науки о реальности [16, 202–203], так как ее категории включают такие понятия, как «сущее», «бытие», «Бог», «жизнь» и «смерть». «Но исключение иррационального

² Первые наброски большинства сцен, пролог и эпилог Краус написал с 1915 по 1917 г., в 1919 г. были внесены некоторые изменения, далее текст дорабатывался для публикации уже в 1920–1921 гг. Эпилог «Последняя ночь», практически самостоятельная пьеса в стихах, где в числе героев есть Женский противогаз, Мужской противогаз, умирающий солдат и глас Божий, вышел отдельно в ноябре 1918 г. [25].

из рациональной научности не может уничтожить иррациональное. Оно здесь. И непрерывно заявляет о себе» — указано в докладе Броча, с которым он выступал в Венском народном университете в 1931 г.³ [2, 404]. Ценностный сдвиг актуализирует вопрос о том, как нужно философствовать о войне, как война может быть отражена в литературе, чтобы избежать политических и идеологических клише, но выразить самое важное. И Броч, и Краус, и Маутнер в межвоенный период пытаются ответить на эти вопросы, потому что для них война не геополитическая проблема, а проблема необходимости убивать и умирать, которая выпадает на долю обычного человека. «Как он может взять в руки ружье, залезть в окопы, чтобы погибнуть там, или снова вернуться к своей обычной работе и не сойти при этом с ума? Как возможна такая метаморфоза? Как вообще может поселиться в этих людях идеология войны?» [Там же, 46].

В эпоху венского модерна смерть представлялась выбором интеллектуала, который не может смириться с бессмысленностью или бесперспективностью жизни. Философским символом самоубийства стал концепт «утраченного Я» [10, 60]. Критику Я как метафизической категории немецкой классической философии осуществляет Э. Мах. Под влиянием «Анализа ощущений» в литературе происходит отказ от описания самоанализа и рефлексии героев по поводу собственного Я, столь характерного для немецкой литературы.

Самоубийство не было просто неким художественным вымыслом, обсуждались реальные случаи, которые происходили в интеллектуальной среде. «Около 1900 года лишили себя жизни несколько австрийских мыслителей в возрасте чуть старше двадцати лет. Наиболее известным среди них был конечно Отто Вейнингер, застрелившийся в комнате, снятой им в доме, в котором умер Бетховен» [5, 263]. «Этот жизненный выбор не осуждался и даже вызывал восхищение как некий жест, который подчеркивает абсурдность жизни... «Существуют лишь гримасы веселья и печали; мы смеемся и плачем, привлекая к участию в этом свое сердце. Я мог бы сейчас засесть за очень серьезные книги и читать, постигая всю их мудрость... смерть стала чем-то дружелюбным, она среди нас и не намерена причинить нам никакого зла» [9, 22].

Война совершенно меняет смысл смерти. И Броч считает задачей философии прояснение смысла жизни, понять который сложно, если не ставить вопрос о смысле смерти. «Забытым мы кормим время, кормим смерть, но незабываемое — это подарок нам от смерти, и в то мгновение, когда мы его получаем, мы еще находимся здесь, где стоим, и уже там, где мир обрывается в темном провале» [3, 226]. Если смерть переживается не как реальность, а только как цифры потерь, то и жизнь нереальна. Новый смысл смерти требует, по мысли Броча, возврата к реальности Я. Необходимо, чтобы рефлексия по поводу смысла жизни происходила в горизонте индивидуальной стратегии личности, в персональной экзистенциальной перспективе, которая склонит современного человека в конечном итоге к Богу.

³ Броч также отдал дань аналитическим штудиям Венского кружка, изучал философию, физику и математику в Венском университете.

Одним из героев третьего романа «Лунатиков» становится труп, который был оживлен санитарями на спор. Это символ возвращающегося в культуру «утраченного Я», после того как физик предложил исключить вопрос о Я из области философии; культуре предстоит пережить «боль разорванной на атомы и изуродованной души» [2, 17], которая должна вновь обрести свою целостность.

То есть философы межвоенного периода ориентированы на антропологический анализ проблемы, и именно этот «антропологический поворот» приводит к созданию нового стиля и языка текста, в котором осуществляется рефлексия о произошедшем. Можно говорить, что основные принципы, которые были выработаны в результате последовательной критики языка на рубеже XIX–XX вв., сохраняли свое влияние в литературной практике, но прошли переоценку с точки зрения возможности следования им в новой исторической ситуации. Философский и художественный импрессионизм уже не удовлетворяет в полной мере, потому что необходимо писать о том, что находится за пределами «комплекса ощущений», ставить вопрос метафизически.

Брох диагностирует человека времен Первой мировой войны как человека, пережившего предельное одиночество. «Человек там совершенно одинок... поскольку подходит очередь то одного, то другого быть в этом одиночестве... и каждому, кто пребывает в одиночестве, приходится убивать других...» [Там же, 213]. Это одиночество означает, что человек более не чувствует себя частью общества, не уверен, что его принципы и идеалы разделяет кто-то еще. Одиноким, асоциальным человек иррационален в своих поступках, способен на любые бессмысленные действия, потому что ни перед кем не несет ответственности. В 90-е гг. XIX в. «романтический человек, затиснутый в формы чужой и догматической системы ценностей, является — даже не хочется в это верить — более рациональным и взрослым» [Там же, 253].

В этой цитате Броча можно видеть и еще один важный смысл. Чужие, догматические, ценности и романтизм для Броча означают германофильство, к которому была склонна элита в конце XIX в., и прежде всего ассимилировавшие в Габсбургской империи еврейские интеллектуалы, по большей части выходцы из буржуазных семей. Они писали и говорили по-немецки, боролись за чистоту и красоту этого языка, видя в немецкой культуре образец духовности и свободы мысли. Итогом войны была необходимость осмысления возможной социальной и политической перспективы в Австрии и Германии.

В представлении Броча идеальным воплощением лейбницевской предустановленной гармонии был католик Средневековья, для которого его ценности всегда и были подчинены ценности веры в Бога. «Но мышление решилось сделать шаг от монотеистического к абстрактному, и Бог, видимый и персонифицированный в конечности-бесконечности триединства, стал тем, чье имя невозможно было произнести и чье изображение невозможно было нарисовать, он вознесся и растворился в бесконечной нейтральности абсолютного, исчез в ужасном бытии, которое больше не знает покоя и является непостижимым» [Там же, 136]. Подругому говоря, протестантизм обвиняется Брочом в том, что произошло разрушение ценностей, а действительно современный человек, существо свободное от ценностей, теперь не может вернуться в мир гармонии.

И хотя, может, в человеческой душе есть тоска об утраченном, это не приводит ни к каким действительным результатам, никак не меняет ситуацию. В реальной жизни — новая логика, и человеку «не остается ничего другого, как подчиниться отдельной ценности, которая становится его профессией, ему не остается ничего другого, как стать функцией этой ценности — профессиональным человеком» [2, 138]. То есть дело, работа как новая ценность занимает место моральных идеалов и религиозных принципов.

В течение двух лет, с 1917 по 1920 г., на которые приходится время окончания войны и создание новой Австрийской республики, Брех напишет философские работы, в которых вопрос о ценностях в условиях происходящих исторических изменений будет основным [18, 18–80; 19, 81–93; 17, 94–155]. Он рассуждает о том, насколько философия может описать надличностный мир ценностей, который, собственно, и определяет эпоху, и в какой мере искусство, которое может передать не только рациональное, но и иррациональное, может отразить ценностные трансформации [18, 45].

В 1936 г. Брех в речи, написанной в связи с юбилеем Джойса, размышляет о назначении художника, о том, как можно судить о современности и своевременности художественного произведения⁴ [26, 14]. В этом тексте опять можно видеть рефлексию об ушедшем времени «романтизма», о кризисе ценностей. Он с сожалением отмечает, что во времена Гёте у человека была надежда, что «горящие вопросы души будут удовлетворены теологией или философией. Сегодня эта надежда угасает» [15, 87].

В романе «Неизвестная величина» (1933) писатель осмысляет возможности классических наук — философии, математики, естествознания — для познания, чтобы в анти-интеллектуальное время поставить вопрос об интеллектуальных ценностях [14, 243]. В сцене философского семинара профессор горячо выступает в защиту философии и подчеркивает, что подлинная философия отличается от других наук своей связью с реальностью, с жизнью. Но его слова никого особо не вдохновляют, и большая часть присутствующих его не слушает [Там же, 170].

Брех настаивает на том, что проблема современного человека в том, что он утратил веру в Бога; от этого его мучает страх, и в этом причина его подверженности доктринам, лозунгам, в этом причина антисемитизма. Брех вновь и вновь возвращается к тому, чтобы подчеркнуть значение католической религии, однако в этом проявляется не столько его верность убеждениям (он принял католичество достаточно поздно — в 1908 г.), но скорее отношение к утраченной стабильности империи, где католицизм давал «чувство защищенности в католической всеобщей ценности» [2, 236].

В этом же во многом причина того, что Ф. Эбнер пишет работу «Слово и духовные реальности» (текст был написан в 1919 г., а опубликован в 1921-м) в теологическом ключе, возвращаясь к довоенной теме этических ценностей в новом ракурсе. Эбнер считает, что язык является тем, что по своей природе создает

⁴ В отношении понимания сущности языка Джойс был близок австрийской лингвистике, во всяком случае, он читал и обсуждал идеи Маутнера. И видение литературного текста Джойса, принципы построения произведения во многом близки Бреху.

основание для общности всех людей в духовном, религиозном смысле. Есть три сферы духовной жизни человека, в которых он изначально диалогичен: общение с другими людьми, отношение между полами и обращение к Богу, в котором только и возможно подлинное переживание ценности слова.

«Предложение в своей субъективной данности бытия познается в установлении отношения между *Я* и *Ты*» [22, 286], и поэтому речь избавляет замкнутое на самом себе самосознание *Я* от одиночества абстрактного разума, давая возможность вступить в диалог с Богом, войти в сферу духовной реальности. В качестве примера он обращается к первой главе Евангелия от Иоанна. Слово было в начале творения, но это было слово, обращенное к Богу, а не одинокий картезианский разум. Свою теорию Эбнер называет пневматологией, так как ее цель — показать связь духа и слова, которое может быть сказано и услышано. Дух в данном контексте также понимается как Святой Дух, то есть слово связывает человека и Бога. Пневматологическая интуиция дана каждому, потому что обращенность к духу — это предмет речи, который дан ей изначально. Поэтому пневматология слова — открытие изначально слова как творения. И в силу этого ее нельзя назвать философией в классическом смысле слова и наукой, хотя направлена она на то, чтобы показать, как слово создает условия для объективного познания.

Самопознание, считает Эбнер, невозможно в абсолютном одиночестве, пусть даже это одиночество являет себя как ставшее самосознание. Такое утверждение независимости *Я* по сути своей греховно, так как исключает возможность диалога с Богом. Ведь в молитве всегда звучит обращение к Богу: *Ты* есть, благодаря тебе есть *Я*. Человек осуществляет понимание и тем самым наполнение самого себя посредством *Ты*, к которому он обращает свою речь. Этот онтологический Другой является условием прояснения человеком его ценности для самого себя, фактором экзистенции [21, 306ff]. Всякий раз, когда перед человеком встает задача преодоления непонимания, которую он решает посредством речи, он совершает акт само-завершения. Универсальным основанием возможности такого личностного развития является Бог.

В своих рассуждениях Эбнер во многом возвращается к экзистенциальной постановке вопроса о вере, в том же аспекте, как у Кьеркегора. Однако для Эбнера важно показать, что язык — это данная Богом возможность обрести духовную общность не только с Богом, но и с другими людьми. Эбнер считал, что свою настоящую природу язык раскрывает в непосредственном общении, то есть именно живая речь есть подлинное бытие языка. В простом словосочетании «есть» (*es gibt*) содержится указание на дар (*es gibt — geben — gabe*), то есть указание на благодать. Это просто надо слышать. Догматические тексты в любом варианте, будь это церковные гимны или политические лозунги, одинаково пагубны для смысла.

Таким образом, Эбнер предлагает преодолеть установку, к которой пришла критика языка в довоенный период, преодолеть отказ философии напрямую говорить о Боге, о религиозных и этических ценностях. «Возможно, он (философ. — Е. С.) мечтает о своем собственном пробуждении и должен в это мгновение тем самым осознать то, о чем мечтает. Это его воля к действительности, к своей действительности, что принесет пробуждение» [Там же, 1028f]. Само слово — это

требование веры, речь — доказательство возможности духовности, которая базируется на возможности диалога. В высшем своем значении диалог — это взаимосвязь с абсолютным *Ты*, которого все называют Богом. Это есть и основание изначальной рациональности, объективная данность, предшествующая познанию. То, что называется разумом, — это возможность слышать изначальное слово, слышать и воспринимать (*Vernunft* — разум; *vernehmen* — слышать, заслушивать; *wahrnehmen* — воспринимать). И поэтому открывающееся истинное невыводимо логически, оно есть результат того, что человек настроен к диалогу, настроен слышать.

Молчание, о котором дискутировала философия до войны, означает лишь паузу, чтобы найти правильное слово. Молчание важно, чтобы услышать изначальное слово Божие. Поэтому у Эбнера, как и у Маутнера, молчание продуктивно, но оно не завершает речь, чтобы понимание совершилось интуитивно (как у Маутнера), а, напротив, является началом подлинного высказывания.

При этом Эбнер анализирует саму грамматическую структуру и приходит к выводу, что предложение по своей сути, как взаимосвязь субъекта и предиката, можно понимать как соглашение. А слово — это согласие-в-себе, так как оно обладает объективной способностью порождать смысл, который предназначен для *Ты*.

Хотя Эбнера традиционно анализируют прежде всего в отношении его философии диалога, сопоставляя с Бубером, в его философии значительное место занимает анализ современного общества [21, 719–908]. Его философские интенции — критика культурного и морального банкротства, к которому приходит европейский человек в результате войны, и поиск новых оснований духовного единства. Энтузиазм, с которым европейские народы ринулись в мировую войну, может быть понят только как стремление к самоубийству [Там же, 340]. Это закономерный результат трансформации подлинного христианства в так называемую «христианскую культуру». Так называемая «мечта о духе» на самом деле порождение платонизированного христианства, которое привело человечество к ценностному кризису. Противоречие между культурой и подлинными христианскими заповедями медленно и разрушительно воздействовало на духовную жизнь Европы. Общественное сознание в конечном итоге стало склоняться к атеизму, что Эбнер называет поздней реакцией на ложь христианской культуры [31, 914].

Как и в прошлой истории Европы, войну начали народы, которые считают себя христианскими, и каждый из этих народов молился о победе, о гибели врага, тем самым отрицая высшую ценность любви к ближнему [25, 124]. Эбнер, как и Краус, подчеркивает, что война погубила слово, потому что газеты взялись за то, чем раньше занимались литература и философия, — рассуждать о жизни и смерти, указывать человеку на его жизненные задачи в духе патриотических лозунгов. Газеты конкурируют в риторическом искусстве, ораторы также стремятся отличиться в этой словесной игре. Все хотят сказать, но никто не хочет быть услышанным.

Эбнер осуждает католическую церковь за ее политическую активность, которая, как он полагает, как раз указывает на глубокий религиозный кризис, в котором оказалось европейское общество. В этой оценке он близок Броху, который

также видит в деятельности Красного креста проявление того, что на место подлинному христианскому милосердию приходит институционализированный гуманизм, представленный как организация с определенной структурой, правилами и политическими приоритетами. «Армия спасения демонстрирует, например, не только присущую иезуитам Контрреформации военную организацию, но также совершенно четкую тенденцию к централизации ценностей, показывает, как все народное искусство, вплоть до уличных песенок, снова направляется в религиозное русло и заносится в программу “экстатической помощи”. Трогательные и недостаточные усилия» [2, 237]. Эбнер также подчеркивает, что послевоенная активность католических организаций — съезды, конгрессы, а также энтузиазм католических газет по поводу роста религиозности людей, которые вновь обращаются к церкви, не означает возвращения подлинных христианских ценностей. Римская католическая церковь благословляет Муссолини к созданию национального государства, фашизм трактуется как противодействие большевизму, — все это свидетельство усугубляющейся после войны духовной катастрофы. Эбнер стремится обосновать губительность для веры как капитализма, так и социализма. Капиталисты обращаются к христианству, чтобы сохранить доходы, так как полагают, что верующие не встанут на сторону большевиков, а социализм также по своей сути направлен лишь на то, чтобы удовлетворить желудок, но не душу. Выход он видит в возвращении подлинного евангелического христианства, которое предполагает, что человек может услышать обращенное к нему слово Божие. Можно говорить о том, что философ видит идеальной лишь патриархальную, простую жизнь, ту, которую вел в молодости, когда был деревенским учителем в небольшом городке недалеко от Вены. Это желание обрести основание духовного обновления в старом христианском мире католической культуры является своего рода неприятием имеющейся в постимперской ситуации неопределенности социальных порядков и практик.

Анализируя такие разные тексты Броха, Крауса и Эбнера, можно видеть общность мыслителей в восприятии и оценке войны и состоявшихся социальных трансформаций. То, что определило «лицо» подлинно австрийского для европейской философии и культуры — позитивизм, критика языка, феноменология, психоанализ и т. п., теперь подвергается пересмотру, с тем, чтобы отыскать новые рамки описания имеющейся реальности и ответить на вопрос о ценностях. Война не только потребовала писать о человеке по-новому, но также заставила размышлять о том, кто должен это делать, вопрос о том, кто — писатель, поэт, философ или журналист, — будет услышан и прочитан. Имперский вопрос о языке трансформировался в проблему поиска иных оснований утраченного духовного единства, и в связи с этим тема ценностей стала рассматриваться в антропологическом ключе.

1. Белобратов А. В. Роберт Музиль. Метод и роман. Л., 1990.

2. Брех Г. Лунатики: Роман-трилогия : в 2 т. Т. 2. СПб., 1996.

3. Брех Г. Рассказ служанки Церлины // Австрийская новелла XX века. М., 1981.

4. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Избр. работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М., 2005. С. 11–222.
5. *Джонстон У.* Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848–1938 гг. М., 2004.
6. *Жеребин А. И.* Вертикальная линия: философская проза Австрии в русской перспективе. М., 2004.
7. *Краус К.* Зигмунд Фрейд и литература // Вопр. философии. 1995. № 2
8. *Ле Ридер Ж.* Венский модерн и кризис идентичности / пер. с фр. Т. Баскаковой. СПб., 2009.
9. *Шницлер А.* Жена мудреца: новеллы и повести : пер. с нем. М., 1967.
10. *Bar H.* Das unrettbare Ich // Bar H. Dialog von Tragischen. S. Fischer, 1904.
11. *Bauer R.* Die Welt als Reich Gottes. Europaverlag. Wien, 1974.
12. *Bauer R.* Österreich. München, 1994.
13. *Benedikt M.* Der dreifach verdrängte Leibniz in Österreich // Verdrängster Humanismus und verzögerte Aufklärung Fakultas Verlags- und Buchhandels AG. Wien, 1992.
14. *Broch H.* Die Unbekannte Größe // Broch H. Kommentierte Werkausgabe. Frankfurt am Mein, 1975.
15. *Broch H.* James Joyce und die Gegenwart // Broch H. Schriften zur Literatur 1 Kritik ; Broch H. Kommentierte Werkausgabe. Frankfurt am Mein, 1975.
16. *Broch H.* Theologie, Positivismus und Dichtung // Broch H. Philosophische Schriften 1. Kritik. Bd. 10/1. Frankfurt am Mein, 1977.
17. *Broch H.* Theorie der Geschichtsschreibung und der Geschichtsphilosophie // H. Broch Philosophische Schriften 2. Theorie ; Broch H. Kommentierte Werkausgabe. Frankfurt am Mein, 1975.
18. *Broch H.* Zur Erkenntnis dieser Zeit // Ibid.
19. *Broch H.* Zur Philosophie der Werte und die Geistigkeit // Ibid.
20. *Cherepanova E. S., Nizyeva L. V.* Influence of Ernst Mach's ideas on Fritz Mauthner's theory and Ludwig Wittgenstein's views // European Journal of Science and Theology. 2015. T. 11, № 5. S. 199–206.
21. *Ebner F.* Schriften. Bd. 1. München ; Kösel, 1963.
22. *Ebner F.* Schriften. Bd. 2. München ; Kösel, 1963.
23. *Kampits P.* Zwischen Schein und Wirklichkeit. Österreichischer Bundesverlag. Wien, 1984.
24. *Knoll R.* Politik – Wissenschaft – Ästhetik // Verdrängster Humanismus und verzögerte Aufklärung Fakultas. Verlags- und Buchhandels AG. Wien, 1992. S. 225–230.
25. *Kraus K.* Die letzten Tage der Menschheit. Tragödie in fünf Akten mit Vorspiel und Epilog. Suhrkamp Verlag. Frankfurt am Mein, 1986. S. 391.
26. *Kühn J.* Gescheiterte Sprachkritik. B. ; N. Y., 1975.
27. *Le Rider J.* Hugo von Hofmanstal: Historismus und Moderne in der Literatur der Jahrhundertwende. Böhlau Verlag. Wien ; Köln ; Weimar, 1997.
28. *Mauthner F.* Die drei Bilder der Welt. Ein sprachkritischer Versuch. Hamburg, 2011.
29. *Mauthner F.* Wörterbuch der Philosophie. Erster Band. A-Intuition. Zürich : Diogenes Verlag, 1980.
30. *Priglinger W.* Verdrängster Humanismus und verzögerte Aufklärung // Verdrängster Humanismus und verzögerte Aufklärung Fakultas. S. 31–92.
31. *Schelkshorn H.* Die Selbstzerstörung der europäischen Kultur: Ferdinand Ebner und die Politik // Ibid. S. 911–921.

Рукопись поступила в редакцию 5 июля 2017 г.

ПОСТИМПЕРСКАЯ СИТУАЦИЯ И ВОЙНА КАК ПРЕДМЕТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

В этом году под руководством профессора Института социальной онтологии и прикладной философии Университета Белграда П. Боянич на базе департамента философии УГИ нашего университета начались исследования на тему «Постимперская ситуация межвоенного периода в интеллектуальной рефлексии: война, ответственность, идентичность». Ниже мы публикуем статьи, подготовленные рядом участников научного проекта.

УДК 141.12 + 141.78 + 316.486.25 + 355.01

А. С. Меньшиков

ВОЙНА КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ*

В статье раскрывается проблематизация войны как социального феномена в контексте теории модерности. Проводится различие между анализом феномена войны в рамках военной социологии, или социологии войны в узком смысле, и социально-философским анализом войны. Предлагаются методологические замечания о том, как эта проблематика может быть рассмотрена средствами дискурс-анализа и в перспективе интеллектуальной истории, а также указываются особенности авторского подхода к проблеме осмысления войны в социальной мысли. Далее проводится обзор имеющихся исследований, которые могут послужить основой для анализа вклада российских социальных мыслителей в интеллектуальную рефлексию о войне в тот формативный период, в который складываются классические теории модерности и в который особое значение имел исторический опыт Первой мировой войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: теория модерности, война как социально-философская проблема, интеллектуальная история, социология после Первой мировой войны.

В данной статье мы обращаемся к анализу войны как социального феномена в контексте теории модерности. Следует подчеркнуть, что не военная социология,

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

или социология военных и армии, представляет для нас интерес. Это специализированное, часто довольно закрытое поле исследований чрезвычайно важно, но нас интересует осмысление исторического опыта войны как социально-философской проблемы для теории модерности. С 70-х гг. XX в. складывается совершенно иное понимание войны, в частности, благодаря работам Ч. Тилли, Т. Скочпол, М. Манна и др. ([32], обзорно [31, 38]), в рамках исторической социологии, поэтому мы обратимся к предшествующему этапу, а именно, временным фокусом нашего рассмотрения интеллектуальной рефлексии о войне в социальной мысли будет тот формативный период, в который складываются классические теории модерности и в который особое значение имел исторический опыт Первой мировой войны.

Для прояснения разницы между военной социологией, или социологией войны в узком смысле, и социально-философским подходом к войне можно указать на типичную для социологии войны проблематику, которая рассмотрена в статье Йэна Роксборо «Размышляя о войне» [36]; он, правда, отмечает, что исследования по социологии войны ведутся в основном политологами и историками. Ключевыми вопросами в военной социологии будут следующие: как организовано финансирование и обеспечение армии в мирное и военное время; как организованы военный призыв и обучение; как ведут себя индивиды и группы в боевых операциях и битвах; каковы особенности расовых, гендерных, сексуальных аспектов поведения военных и как решаются межкультурные и социальные конфликты в военной среде; каково отношение гражданского общества к военным; какова динамика модернизации — как технической, так и интеллектуальной — в армейской среде. Однако есть ряд вопросов, которые выходят на более высокий теоретический уровень и могут оказать влияние на само наше понимание социального порядка, на ценностное видение общества как такового. Среди таких вопросов можно назвать, например, вопросы о причинах войны, в частности, о том, какую роль та или иная политическая форма или режим играет в милитаризованности общества, в повышении вероятности ведения войны, то есть в целом вопросы о том, какое общество более склонно к войне и как войны воздействуют на гражданское общество.

Так, в идеале в современных обществах военные подчинены гражданскому правительству, последнее ставит политические цели, первые обладают знаниями и средствами для их достижения («технические эксперты насилия»). Тем не менее это идеальное видение, представленное как «проблема главного агента» в работе Питера Фивера «Военнослужащие» (буквально «Вооруженные слуги»), оказывается лишь «удобной фикцией». Поскольку в реальности военные имеют свои политические предпочтения (партийные прежде всего, но могут иметь и политические амбиции), имеют свое понимание войны и своей роли в ней, собственное восприятие угроз и необходимых способов им противостоять, которые могут отличаться от воззрений гражданского правительства, то это может повлечь за собой не столько военный переворот, сколько неподчинение или уклонение (*shirking*) от требований гражданских властей. Отсюда возникают нормативные проблемы для демократической теории, для теории современного государства и для самой идеи «современного», то есть модерного, общества.

Как уже было упомянуто, мы не станем рассматривать социальные теории войны, возникшие в период после Второй мировой войны, для нас особый интерес представляют классические теории модерности и осмысление в них исторического опыта Первой мировой войны.

К столетию Первой мировой войны вышли разнообразные издания, в которых были представлены как первоисточники, так и исследовательские работы. Особо стоит отметить четырехтомник «Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество, 1914–1918» [5]; «Российская общественно-политическая мысль и публицистика в Первой мировой войне. Исследования и материалы» [7]; «Российская общественно-политическая мысль и публицистика в Первой мировой войне» [6]. Среди менее связанных с годовщиной работ заслуживают внимания антология «Русские философы о войне: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн» [8]; специальный выпуск журнала «Социологическое обозрение», а также ряд статей таких авторов, как А. Н. Гулевский, Н. А. Гулевская [1, 2], Е. Н. Карлова [3], Т. А. Пархоменко [4], А. А. Скворцов [9, 10], А. В. Соловьев [11], А. А. Степанов [12], М. П. Требін [13] и др. Однако в большинстве данных, весьма содержательных работ обнаруживается, с одной стороны, уклон в сторону описания реакций на войну творческой интеллигенции, в особенности разного рода литераторов, с редкими включениями философов, которые смотрели на вопрос скорее с моральной точки зрения. С другой стороны, в этих работах задается рамка именно военной социологии [29, 13]. Более того, невозможно не отметить игнорирование перечисленными авторами не менее обширной исследовательской литературы на иностранных языках; в частности, в сфере интеллектуальной истории можно назвать исследования Пола Фасселла [19], Роберта Уоля [39], Марты Ханна [20], Сэмюэля Хайнса [21], Модриса Экстейнса [16], Роналда Стромберга [37], Йорна Леонхарда [27, 28], Филиппа Суле [29], Кристофа Прошассона [34, 35], Курта Флаша [18], Давида Обэна и Патриса Бре [26], Николя Бопре [15], Фрэнка Филда [17], Сванте Нордина [33] и др.

В рамках же заданного нами рассмотрения войны как социально-философской проблемы для теории модерности особую важность представляют работы Ханса Йоаса, в частности, «Война и модерность» и «Война в социальной мысли» [22–24], написанная в соавторстве с Вольфгангом Кнёблем. Последняя работа заслуживает внимания не только благодаря своему историческому охвату (от Гоббса до современности), но и по своим методологическим установкам.

В плане методологии Йоас и Кнёбель дают оценку работы Йорна Леонхарда [26], который предлагает своеобразный дискурс-анализ, отличный от подхода Фуко. Для Леонхарда дискурсы являются отношениями «между говорящими и слушателями, в которых происходит освоение опыта» [24, 9], то есть они имеют прежде всего коммуникативный характер. «Такой дискурс-анализ должен быть направлен на сами аргументы. В этом смысле он отличен от истории понятий, поскольку работает не с конкретными понятиями или понятийными полями, но с тем, как восприятие и опыт взаимодействуют, осмысляются и руководят поступками» [Там же]. В этом историческом дискурс-анализе восприятия и осмысления

опыта войны в национальных контекстах, который проделан Леонхардом, Йоас и Кнёбль обнаруживают один недостаток, который можно назвать «методологическим национализмом». Несомненно, существует различие между тем, как опыт войны воспринимается и осмысливается в различных национально-культурных контекстах, однако Йоас и Кнёбль сомневаются, что и сам исследователь может выйти из рамок такого национального дискурса: «совершенно очевидно, что при намерении постичь динамику (всегда обусловленного ситуацией) освоения опыта войны и его преобразования в политическое действие, схематические описания национальных позиций по поводу войны совершенно недостаточны» [24, 10]. Потому, пишут Йоас и Кнёбль, «теоретически ориентированная тематическая история, которую предлагаем мы, и исторический дискурс-анализ дополняют друг друга. В духе истории науки мы будем неизменно обращаться к условиям, в которых формируются теории; соответственно неизбежно, что дискурс-анализ, который нацелен, как у Леонхарда, на историю аргументов, не может совершенно исключить оценку убедительности аргументации, изложенной в исторических текстах» [Там же].

Для Йоаса и Кнёбля важным представляется изучение эволюции проблематики войны и мира, теоретических новшеств в ее осмыслении. Так, они отмечают, что для понимания такой эволюции следует обращать внимание на общую концепцию социального порядка (ср., например, статью О. Кильдюшова в упомянутом спецномере СоцОбоза [25]), теорию действия, то есть теорию мотивации поведения индивидов, политико-философские воззрения, в которых формулируются ценностные ориентиры социальной жизни, то есть цели общежития.

Однако именно в рамках такой методологической установки, которую предлагают Йоас и Кнёбль, было бы уместно рассмотреть не только европейских и американских авторов, но и российских социальных мыслителей. Особенно в ситуации, когда до сих пор для интеллектуалов война «представляет особый эмоциональный вызов для нашей мысли, на который люди отзываются стратегиями избегания или мифологизации, а также историческим самоутешением, когда, например, конкретная война объявляется последней перед окончательным наступлением всеобщего мира» [24, ix].

Европейские социальные и политические философы, которые предложили нам фундаментальные теории современного общества (теории модерности), маргинализировали войну как социальное явление, видели в ней «другое» модерности¹. Потому сравнительная перспектива, которая позволяет видеть не только национальные дискурсы (Леонхард), этапы теоретического осмысления (Йоас), но и типы подходов к осмыслению исторического опыта войны и его инкорпорирования в теорию модерности поверх национальных границ, может быть чрезвычайно полезна. С одной стороны, это открывает интересные возможности для расширения социологии интеллектуалов; с другой стороны, сами дискуссии об ответственности, о самой идентичности интеллектуалов в столь острой ситуации — нового

¹ «Либерализм сыграл решающую роль в формировании или, скорее, деформировании социальных теорий о войне» [24, 10].

травматического опыта мировой войны — представляют интерес для понимания публичной роли интеллектуалов. Еще одной особенностью методологии Йоаса и Кнёбля является особое внимание к философским текстам, тогда как так называемые эго-документы ими, на наш взгляд, остаются недооцененными (см., например, применительно к периоду [14]).

Именно переписка и воспоминания социальных мыслителей могут пролить свет на то, как они осмысливали исторический опыт войны. В одной лишь «Войне философов» Сванте Нордина [32], где как раз автор опирается на разнообразие источников, упоминаются десятки выдающихся европейских интеллектуалов; в связи же с нашим контекстом можно упомянуть таких социальных мыслителей, обсуждаемых в этой работе, как Бергсон, Вебер, Грамши, Дюркгейм, Зиммель, Зомбарт, Лукач, Тённис, Шпенглер, Шмитт, Фрайер, Юнгер, личные документы которых могут дополнить наше понимание развития их социально-философской проблематизации войны.

Постановка проблемы в сравнительной перспективе позволит структурировать довольно обширное эмпирическое поле не по традиционным национальным границам, а по типам отношения к войне, тогда как включение эго-документов дает возможность реконструировать не только артикулированные, но и имплицитные представления о современном обществе социальных мыслителей интересующего нас периода.

Итак, после обсуждения методологических вопросов, связанных с возможностями изучения осмысления войны как социально-философской проблемы для теории модерности, обратимся к эволюции социально-философского подхода к войне. Мы будем опираться на уже упомянутый обзор социально-политической мысли о войне, предложенный Йоасом и Кнёблем.

При своем теоретико-ориентированном эволюционном подходе Йоас и Кнёбль задают некоторый спектр позиций между политическим реализмом Гоббса и «демократическим универсализмом» Канта, в рамках каждой из которых происходит переплетение идей, аргументов, проблематизаций.

В случае Гоббса главной задачей было утверждение возможности социального порядка, потому-то «конструкт “естественное состояние” предназначался для демонстрации *more geometrico*, того, как и почему индивиды, которым приписывается эгоизм, тем не менее могут согласиться принять общий порядок» [24, 18]. Утверждая, что самосохранение является главным мотивом человеческого поведения и что именно на этом мотиве можно через общественный договор учредить мир, то есть создать государство, в котором право на насилие имеется только у суверена, Гоббс отказывается от теорий естественного права и тем самым «деморализует» политическую философию. Однако такое концептуальное учреждение мира внутри государства обернулось невозможностью перенести эту логику на международные отношения. Теперь легитимность порядка внутри государства означала невозможность легитимации какого-либо международного порядка, «война всех против всех» перенесена на уровень межгосударственных отношений. Для Гоббса это представлялось вполне допустимым, поскольку на уровне международной политики избежать насилия проще, ведь государства

«более контролируемы» (better constrained) и имеют больше средств для «взаимного сдерживания» (mutual deterrence).

Помимо этого стандартного контраргумента из критики Гоббса Йоас и Кнёбль обращают внимание еще на несколько вопросов, возникающих к политико-реалистической трактовке общественной жизни: кто определяет государственные (национальные) интересы, кто их артикулирует, какая политическая форма может быть лучше, если нет ценностного различия между политическими формами, которые все — в этой логике — возникают из общественного договора? Ведь если гоббсовская свобода — это отсутствие угрозы жизни, то практически всякое относительно стабильное государство, независимо от своей формы и режима, может считаться свободным. Йоас и Кнёбль считают, что именно в этом вопросе Монтескье, который исходил из «аристократического» понимания свободы как привилегии, намеренно выступает против Гоббса. Для Монтескье сообщества могут быть основаны на разных принципах (монархия — на чести, аристократия — на самоограничении, республика — на добродетели) и мотивы поступков людей могут быть не менее разнообразны. Потому для достижения мира нужны не столько логика эгоизма в легитимирующей абсолютную власть аргументации, сколько социальные процессы и отношения, как, например, торговля, которая имеет «цивилизующий эффект». Именно через торговлю люди и народы узнают больше друг о друге, приобретают «чувство точной справедливости», а также становятся более взаимозависимыми в экономическом плане. Этот аргумент об «умиротворяющих» последствиях торговли станет одним из главных во всех либеральных теориях, однако для Монтескье, как отмечают Йоас и Кнёбль, речь идет не о «буржуазном мире», поскольку для него гораздо важнее гражданская добродетель, которая может выражаться и в ценностях военных, как это было в Риме [24, 25].

Особое внимание уделено шотландской школе политической философии, поскольку именно у этих авторов Йоас и Кнёбль обнаруживают заинтересованность в эмпирическом и социологическом материале, из которого может возникнуть теория. Так, все «шотландцы» относятся с подозрением к конструкту «естественное состояние», все принимают за основу разнообразие мотивов поведения людей. Харрингтон одним из первых предлагает свою стадиальную теорию, опираясь на исторические источники и социальный анализ. Более того, именно «шотландцы» одними из первых отказываются от традиционных представлений об экономическом процветании как угрозе нравам, как пути к роскоши и коррупции, хотя не все, как, например, Фергюсон, готовы прославлять «коммерческое общество». Фергюсон, более того, отказывается от мнения, что война является абсолютным злом, что она проистекает лишь из порочных мотивов. Напротив, лучшие качества человека могут проявляться в войне. Война может быть гарантом добродетели, как пишет Фергюсон; «без соперничества народов, без ведения войн, гражданское общество едва ли обрело бы цель или форму. Человечество могло бы торговать без всякого формального соглашения, но оно не может быть в безопасности без национального согласия. ...Привести в благоговейный страх, или поразить величием, или, когда невозможно убедить разумными средствами, сопротивляться

силой — составляют занятия, которые наиболее вдохновляют, приносят наибольшую гордость сильному уму; тот же, кто никогда не вступал в борьбу с другими, не ведает большей части чувств, свойственных человеку» [24, 32].

В этом плане дискуссия о том, лучше ли для государства иметь гражданское ополчение или постоянную армию, наиболее показательна. Для Фергюсона, по мнению которого быть гражданином подразумевает обладать гражданскими добродетелями, ополчение приоритетно, ибо именно через служение в ополчении добродетель может воспитываться и укрепляться. Для Смита с его экономическим взглядом на общество, в отличие от Фергюсона, нет классового разделения на граждан-носителей добродетели и работников, которые обеспечивают этих граждан, пока они выполняют свой гражданский долг, но есть разделение труда, в котором каждому лучше выполнять специализированные функции, а потому профессиональная армия является более эффективной и справедливой.

Другим критиком идеи «войны всех против всех» и вытекающего из нее видения социального порядка был Руссо. Руссо полагал, что изобретение частной собственности разрушило прежде гармоничные отношения людей и принесло конфликты, которые могут быть контролируемыми лишь силой государств. Государство, таким образом, базируется на необходимости защищать собственность, и ни собственность, ни государство не являются ценностно оправдываемыми [Там же, 45]. Выводом из такого видения общества и государства становится полное отрицание легитимности войны, деления на справедливые или несправедливые войны, отрицание «права на войну». Однако Руссо в первой версии «Общественного договора» развивает свое понимание войны так: «Война не является отношением между людьми, но между державами, принадлежащие которым частные индивиды оказываются врагами лишь случайно. Иностранец, который грабит, мародерствует или захватывает в плен подданных без объявления войны правителю, является не врагом, а бандитом; даже в разгар войны справедливый правитель захватывает во вражеской стране только государственное имущество, но уважает личность и имущество частных индивидов. Он уважает права, на которых основана его собственная власть. Война заканчивается уничтожением враждебного государства. Можно по праву уничтожить его защитников, пока они вооружены, но как только они сложили оружие и сдались, они перестают быть врагами или, вернее, орудиями врага. [Оппонент] более не обладает правом на их жизнь, государство может быть разрушено без убийства даже одного из его членов» [Там же, 48].

Выходом из ситуации, в которой конфликты и войны неизбежны, поскольку государство служит для защиты и увеличения собственности, может быть учреждение европейской федерации, как это предлагает аббат Сен-Пьер в своем труде, изданном Руссо. Но такая федерация, если быть реалистичными, потребует применения насилия. Ни федерация, ни мировая республика недостижимы без принуждения силой, а потому лишь «небольшие самодостаточные республики, которые создают собственное ополчение, необходимое лишь в целях обороны, могут снизить риск войны, риск, который неустраним при наличии государств» [Там же]. Более того, торговля и коммерческая экономика также подвергают

опасности мирное сосуществование, поскольку порождают жадность, амбиции, конфликты за ресурсы и рынки.

Своеобразную комбинацию из идей Гоббса и аббата Сен-Пьера (вопреки интерпретации Руссо) создает Кант. Кант, с одной стороны, принимает идею естественного состояния и склонности человека к насилию, с другой стороны, указывает путь к выходу из этого естественного состояния через просвещение и развитие рационального общественного устройства. Для Канта федерация должна возникнуть, чтобы конфликты между государствами, или международное «естественное состояние» войны, были преодолены. Однако Кант рассматривает конфликтность и войны как позитивный фактор в истории человечества, связывая прогресс с конкуренцией. Как пишут Йоас и Кнёбль, «(военное) соперничество между государствами способствует свободе, поскольку государства всегда стремятся обеспечить себе верность граждан и потому вынуждены даровать им некоторые свободы. Конкурирующие государства, полагал Кант, особенно заинтересованы в развитии торговли, как только усвоили ее преимущества для укрепления своей военной мощи» [24, 53].

Парадоксальным образом, война оказывается эмансипирующей силой в эволюции человеческих обществ. Немногие свободы открывают возможности для большей эмансипации, для большего просвещения и расширения прав, что, в свою очередь, поможет избежать военных конфликтов и войн. Ведь чем лучше люди понимают свои подлинные интересы, тем меньше они будут склонны к одобрению войны, а чем больше имеют контроль над своим правительством, тем вероятнее, что правительство не захочет отвлечь от себя своих граждан [Там же, 57]. Таким образом, Канта можно считать главным представителем традиции «демократического универсализма».

Следующий этап в развитии проблематизации войны Йоас и Кнёбль видят в утилитаризме. В контексте соперничества за гегемонию между Британией с Францией и конфликта с колониями Бентам видел путь к миру в двусторонних соглашениях о мире и в создании европейского конгресса для урегулирования возникающих между государствами конфликтов. Однако подлинной причиной войн является «ложное понимание экономики... Свободная торговля между народами станет прорывом в обеспечении мира. Каждый получает плоды от торговли, но правителям еще предстоит понять это. Из-за своего невежества правители вводят разного рода ограничения на торговлю, и именно это провоцирует вооруженные конфликты» [Там же, 38–39]. Однако для других утилитаристов и либералов XIX в., которые поднимают этот аргумент об умиротворяющей роли торговли на знамена, антиколониальные и антиимпериалистические выводы Бентама оказались неприемлемы. «Либеральный поворот к империализму в этот период... сопровождался забвением плюралистических и включавших множество нюансов теорий прогресса, которым пришли на смену более презрительное понятие “отсталость” и более жесткая дихотомия между варварством и цивилизацией» [Там же, 42]. Однако этот союз между либерализмом и империализмом заслуживает того, чтобы стать предметом нашего более подробного рассмотрения в отдельной статье.

1. *Гулевский А. Н., Гулевская Н. А.* Анализ теоретических подходов к пониманию войны [Электронный ресурс] // Изв. ВолгГТУ. 2010. № 8. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-teoreticheskikh-podhodov-k-ponimaniyu-voyny> (дата обращения: 05.07.2017).
2. *Гулевский А. Н., Гулевская Н. А.* Понятие «Война» и его метаморфозы в философском дискурсе [Электронный ресурс] // Там же. 2015. № 9(172). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-voyna-i-ego-metamorfozy-v-filosofskom-diskurse> (дата обращения: 05.07.2017).
3. *Карлова Е. Н.* Социологическое осмысление проблем войны и армии в период становления Советского государства (1918 — начало 1930-х годов) [Электронный ресурс] // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2012. № 3-1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskoe-osmyslenie-problem-voyny-i-armii-v-period-stanovleniya-sovetskogo-gosudarstva-1918-nachalo-1930-h-godov> (дата обращения: 05.07.2017).
4. *Пархоменко Т. А.* Первая мировая война и интеллигенция России [Электронный ресурс] // Культурол. журн. 2015. № 1(19). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-mirovaya-voyna-i-intelligentsiya-rossii> (дата обращения: 05.07.2017).
5. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество, 1914–1918 : в 4 т. М., 2014.
6. Российская общественно-политическая мысль и публицистика в Первой мировой войне / сост. В. А. Гуртов. СПб., 2017.
7. Российская общественно-политическая мысль и публицистика в Первой мировой войне: Исследования и материалы. М., 2013.
8. Русские философы о войне: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн. М., 2005.
9. *Скворцов А. А.* Концептуализация представлений о войне в западной моральной философии и русской этической мысли XVII–XIX вв. Альманах Пространство и Время : электронное научное издание. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-predstavleniy-o-voyne-v-zapadnoy-moralnoy-filosofii-i-russkoy-eticheskoy-mysli-xvii-xix-vv> (дата обращения: 05.07.2017).
10. *Скворцов А. А.* Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. [Электронный ресурс] // Этическая мысль. 2001. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-problemy-voyny-v-russkoy-religioznoy-filosofii-hh-v> (дата обращения: 05.07.2017).
11. *Соловьев А. В.* Война и насилие: опыт теоретико-методологического анализа: Альманах Пространство и Время : [электронное научное издание]. 2013. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/voyna-i-nasilie-opyt-teoretiko-metodologicheskogo-analiza> (дата обращения: 05.07.2017).
12. *Степанов А. А.* Война и мир в смысловом пространстве философии: методологический аспект [Электронный ресурс] // Вестн. ТГПУ. 2007. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/voyna-i-mir-v-smyslovom-prostranstve-filosofii-metodologicheskij-aspekt> (дата обращения: 05.07.2017).
13. *Требін М. П.* Социология войны П. А. Сорокина // Вісн. Націонал. ун-ту «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Сер. : Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2016. № 30 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-voyny-p-a-sorokina> (дата обращения: 05.07.2017).
14. *Хубулова С. А., Сосранова З. В.* Это-документы как исторический источник по Первой мировой войне // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ego-dokumenty-kak-istoricheskij-istochnik-po-pervoy-mirovoy-voyne> (дата обращения: 05.07.2017).
15. *Beaupré N.* Écrire en guerre, écrire la guerre : France, Allemagne, 1914–1920, CNRS Éditions, 2006.
16. *Eksteins M.* Rites of Spring The Great War and the Birth of the Modern Age. Boston ; N. Y., 1989.
17. *Field F.* British and French writers of the First World War. Comparative Studies in Cultural History. Cambridge University Press, 1991.
18. *Flasch K.* Die geistige Mobilmachung. Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg. Ein Versuch. Alexander Fest Verlag, 2000.

19. *Fussell P.* The Great War and Modern Memory. L., 1975.
20. *Hanna M.* The Mobilization of Intellect. French Scholars and Writers during the Great War. Harvard University Press, 1996.
21. *Hynes S. A.* War Imagined. The First World War and English Culture. L., 1990.
22. *Joas H.* The Modernity of War // International Sociology. Vol. 14, Iss. 4. 1999. P. 457–472.
23. *Joas H.* War and Modernity. Tr. R. Livingstone. Cambridge : Polity Press, 2003.
24. *Joas H., Knöbl W.* War in Social Thought. Hobbes to the Present. Princeton & Oxford, 2013.
25. *Kildyushov O.* 10 Theses on War and Social Order: Preliminary Arguments on the Constitutive Functions of Armed Conflicts // Социол. обозрение. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/10-theses-on-war-and-social-order-preliminary-arguments-on-the-constitutive-functions-of-armed-conflicts> (дата обращения: 07.07.2017).
26. Le sabre et l'éprouvette. L'invention d'une science de guerre, 1914–1939. David Aubin et Patrice Bret (dir.). Agnès Viénot Éditions, 2003.
27. *Leonhard J.* Bellizismus und Nation. Kriegsdeutung und Nationsbestimmung in Europa und den Vereinigten Staaten 1750–1914. Munich : Oldenbourg, 2008.
28. *Leonhard J.* Die Büchse der Pandora – Geschichte des Ersten Weltkrieges. Beck, 2014.
29. Les Philosophes et la guerre de 14. Ed. Philippe Soulez. Presses universitaires de Vincennes, 1988.
30. *Lunkov A.* The Philosophical Foundations of the Russian Sociology of War at the Turn of the 19th and 20th Centuries // Социол. обозрение. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/the-philosophical-foundations-of-the-russian-sociology-of-war-at-the-turn-of-the-19th-and-20th-centuries> (дата обращения: 05.07.2017).
31. *Malesevic S.* The Sociology of War and Violence. L. : Cambridge, 2010.
32. *Mann M.* States, War and Capitalism: Studies in Political Sociology, 1992.
33. *Nordin S.* Filosofernas Krig. Det europeiska filosofin under forsta varldkriget. Viborg, DK : Bokforlaget Nya Doxa, 1998.
34. *Prochasson Ch.* Les Intellectuels Français et la Grande Guerre. Les nouvelles formes de l'engagement // Bulletin des Bibliothèques de France. 2014. № 3. 1914 : Mémoires Vives. P. 38–45.
35. *Prochasson Ch., Rasmussen A.* Au nom de la patrie. Les intellectuels et la première guerre mondiale. La Découverte, 1996.
36. *Roxborough I.* Thinking about War // Sociological Forum. 2004. Vol. 19, № 3, Sept. P. 505–528.
37. *Stromberg R. N.* Redemption by War: Intellectuals and 1914. Lawrence, 1982.
38. The Sociology of War and Peace, (eds.) Creighton Colin, Shaw Martin. L., 1987.
39. *Wohl R.* The Generation of 1914. Cambridge, 1979.

Рукопись поступила в редакцию 07 июля 2017 г.

УДК 316.485.25 + 355.01 + 340.1

А. В. Логинов

ОПРАВДАНИЕ ВОЙНЫ: ДЕБАТЫ О ЛЕГИТИМНОСТИ*

В статье на материале англо-американской политической философии (М. Уолцер, Д. Любан, Б. Оренд) рассматриваются условия, при которых война может быть морально оправданной. В начале работы показано, что, в отличие от юридических оснований допустимости войны (Конвенции и Устав ООН), нормативная политическая теория вводит в качестве критерия *jus ad bellum* потерю легитимности государством, для чего понятие «суверенитет государства» переосмысливается в русле контрактualизма. Далее рассматриваются признаки нелегитимности и утверждается, что в современных современных обществах нарушение базовых прав граждан как универсальный для контрактualизма признак потери согласия должен быть плюрализован и сбалансирован дополнительными критериями. В заключительном разделе статьи автор защищает тезис об укорененности любой нормативной теории в историческом контексте и формулирует гипотезу о том, что плюрализация критериев нелегитимности может быть достигнута за счет конкретно-исторических исследований практик легитимации и позиций интеллектуалов, включая представителей социальных наук, по отношению к институтам власти и социальному порядку.

К л ю ч е в ы е с л о в а: война, *jus ad bellum*, справедливость, суверенитет, права человека, согласие, контракт, легитимность, интеллектуалы, идеология.

На первых страницах первого номера нового журнала Уральского федерального университета «Changing Societies and Personalities» известный и признанный ученый, возглавляющий сегодня Лабораторию сравнительных социальных исследований в НИУ ВШЭ (Москва), профессор Р. Инглхарт, дает свое понимание базовых вызовов современного общества и той роли, которую должны играть специалисты в области общественных наук. Инглхарт утверждает, что таковыми вызовами являются войны и неравенство в доходах. В первом случае роль социальных ученых¹ состоит в том, чтобы донести до политических лидеров подтвержденную конкретными эмпирическими расчетами идею, что война (в современном мире) абсолютно иррациональна по своим причинам, поскольку «...в терминах экономического анализа (соотношение затрат и дивидендов) война между двумя развитыми странами бессмысленна: затраты неминуемо и в значительной степени перевесят то, что можно получить как “дивиденд” от войны» [16, 13]. Инглхарт справедливо отмечает, что политические лидеры не всегда поступают рационально; эмпирический факт, по его мнению, состоит в том, что никто не выиграл в результате Первую мировую войну, а Западная Германия, потерявшая половину территории и отказавшаяся от имперских амбиций, за счет развития производства достигла большего в плане улучшения благосостояния своих граждан, чем когда либо ранее и чем можно было бы обоснованно ожидать от предполагаемого дележа территории Советского Союза

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

¹ В дальнейшем в статье речь пойдет об интеллектуалах в целом; представители социальных наук в этом случае будут частью институализированных интеллектуалов — людей, занимающихся интеллектуальной рефлексией в рамках научных дисциплин либо общественных институтов.

в случае ее гипотетической победы во Второй мировой войне. Политические лидеры, по Инглхарту, «не слышат» ученых: перед Первой мировой войной Р. Н. Энджел уже доказывал, что война, например за территорию как ресурс развития, просто не имеет смысла в индустриальном обществе, где большего можно достичь за счет улучшения технологий производства. В современном нам мире, с 1974 г. с осторожностью называемом постиндустриальным [12], технологии вообще отрываются от территории, понятой как физическое пространство. Размышляя о второй проблеме современных обществ, Инглхарт отмечает разницу между воспроизведением автомобилей и производством технологий: у Б. Гейтса и М. Цукерберга создание продукта не требует определенного физического пространства и большого количества рабочих мест (в отличие от производства на градообразующих предприятиях эпохи индустриализма), а простое копирование результатов их интеллектуального прорыва (софт-продукта) не стоит почти ничего. Отсюда и рост неравенства, когда большая часть дохода, полученного за счет повсеместного внедрения полученного продукта (копий), идет теперь очень малой группе людей, имеющих на продукт (копии) права. Следовательно, вторая задача специалистов в области социальных наук состоит в том, чтобы разработать модель (модели) редистрибуции благ и конкретные программы поддержки секторов экономики услуг, которые улучшают жизнь социального целого, то есть максимально большего количества людей [16, 14–16]. Что это такое социальное целое с точки зрения долга и почему во внимание следует принимать интересы тех, кто имеет мало благ при сложившемся распределении? Определенно, это вопросы из области моральной и политической философии, и к размышлениям о том, скрывается ли за редистрибуцией некоторая интеллектуальная работа по ее оправданию, я намерен обратиться позже.

Сейчас предлагаю вернуться к первой проблеме и поставить вопрос иначе: является ли экономическая эффективность необходимым и достаточным критерием при решении вопроса об оправдании войны или можно допустить случаи, когда войну следует признать оправданной, даже если она противоречит логике (экономической) прибыли? Вопрос не в том, стоит или не стоит начинать войну из-за территории (ведь в рамках той же логики экономической эффективности война за территорию столетия назад и даже сейчас может иметь смысл, территория может быть как реальным (ресурсы, пространство, логистика), так и символическим капиталом [19]), а в том, какие условия должны выполняться, чтобы война могла бы быть оправдана (признана справедливой) с точки зрения некоторых базовых моральных установок самих людей. И в этой связи каким именно образом формирование набора критериев справедливой войны, а также их проверка на соответствие моральным интуициям связаны с деятельностью интеллектуала/ученого в обществе?

Для решения этой задачи нам нужно определиться с подходами². Война со времен пакта Бриана — Келлога (1928) классифицируется как незаконное

² Справедливая война — предмет целого ряда исследований в англо-американской политической философии, классическим трудом считается книга М. Уолцера «О справедливых и несправедливых войнах» 1977 г. [22], см. также работу Б. Орендта [20]. Среди работ отечественных авторов, принимающих указанную исследовательскую повестку во внимание, следует отметить статью Р. Г. Апресяна [1], сборник под редакцией Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна [8], статью Б. Н. Кашникова [3].

(нарушающая условия пакта) действие, а с момента принятия соответствующей конвенции Организацией Объединенных Наций (1974) военные действия среди прочих незаконных действий государств специфицируются за счет использования вооруженной агрессии: «Агрессия есть применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориального единства или политической независимости другого государства либо любым другим образом, несовместимым с целями Устава Организации Объединенных Наций» [18, 28–29; 9]. Казалось бы, вслед за ООН несправедливой следует признать такую войну, которая нарушает суверенность государства. Война несправедлива (это вооруженная агрессия против суверенитета государства), но, поскольку статьи Устава подразумевают, что ничто не должно принижать права индивида или общности на самозащиту в случае, если вооруженная агрессия по отношению к ним уже произошла, война справедлива только тогда, когда это самозащита. То есть на самом деле речь идет о допустимости или недопустимости войны, в меньшей степени — о ее справедливости, поскольку на уровне моральных интуиций можно предположить моральное оправдание «права на войну» и моральное же неоправдание «сопротивления».

Как кажется, дело заключается в уровне рассмотрения проблемы, — ООН имеет дело с государствами, и долг государств не вмешиваться в дела других (государств), поскольку они суверенны, то есть самоуправляются. Акцент на государстве как субъекте международного права имел вполне прагматические причины, отмечает Д. Любан [17, 162–163]: после Первой и Второй мировых войн концепт «суверенитет государства» должен был сдерживать любую потенциальную возможность эскалации конфликтов. И именно здесь исследователями фиксируется расхождение юридического понимания проблемы с тем, как видит суть дела нормативная политическая теория, согласно которой «...война всегда предполагает наличие моральных категорий» [14, 238].

Дефиниции ООН с точки зрения нормативного подхода нечувствительны к легитимности государства и политического режима (политический режим — формула назначения людей на влиятельные посты, институт существует через свой режим): «Концепт суверенитета морально недееспособен не потому, что применим к нелегитимным режимам, а потому, что он нечувствителен к полному пониманию легитимности» [17, 166].

Но означает ли это, что именно государство обладает той самой суверенностью? И может ли государство быть любым (с точки зрения легитимности), чтобы его существование как целостность защищало международное право? Поскольку «война государств» — это в конечном счете война людей, то «права» государств (как институтов) на войну и «защиту» суть набор делегированных прав, то есть таких прав, что выводимы из прав самих людей и вторичны по отношению к ним; следовательно, моральная интуиция состоит в том, что только легитимные государства обладают такими правами (на войну и защиту).

Легитимность же предполагает согласие объединенных в общность людей с тем, что происходит и как это происходит. Данное согласие (контракт) может быть эксплицитно выражено либо молчаливо подразумеваться самим фактом того, что люди живут той жизнью, которой живут, и нет видимых причин думать,

что они ею недовольны: «В течение длительного времени разделяемый опыт и совместная деятельность разного рода формируют общую повседневность людей. “Контракт” — это метафора для процесса объединения и взаимодействия», — утверждает М. Уолцер [22, 54]. В истории политической философии можно обнаружить две версии такого контракта, которые вслед за Х. Арендт называют «горизонтальным» и «вертикальным» контрактами. В первом случае контракт — это согласие людей на то, чтобы жить сообща вне и до государственных форм (договорная концепция происхождения государства Д. Локка), при том что само государство будет «продолжением» общества, еще одним его институтом (суверен — народ). Вертикальный же контракт имеет место, когда люди делегируют суверенность «наверх» (вариант Т. Гоббса).

Англо-американская политическая теория, как кажется, последовательно придерживается версии Локка как логического условия любых других версий: у государства права есть только потому, что ему их делегируют уже объединенные в общность индивиды, общность же имеет «права» только как производные от прав индивидов, общность составляющих. Народ (нация, понята как политическая общность) — «более-менее постоянный базис любого государства, что управляет ей» [17, 169], поэтому государство (как носитель специфических или привилегированных прав, делегированных в том числе и через «вертикальный» контракт — например, право на применение силы) будет легитимно только при согласии людей.

Конечно, вопрос о соотношении и взаимодействии государства и общества формирует отдельную повестку исследований в рамках философии права, и, например, тот же М. Уолцер часто подвергался критике за то, что в своих работах он «...имплицитно ассоциирует государство с правительством и одновременно с политической общностью, которая не всегда равна правительству» [13, 9]. Мы могли бы также подчеркнуть, что во многих развивающихся странах, к примеру Африки, границы государств могут вообще не совпадать ни с политически, ни даже с этнически понятой нацией, а во многих современных мультикультурных обществах Европы ассоциативная связь между нацией и государством как минимум ослабляется. И, я полагаю, механизм легитимации политических решений в такого рода обществах может быть непривычно сложным, например, представлять собой институционально закрепленную формулу последовательно реализуемых этапов общественных и экспертных обсуждений. Тем не менее базовым тезисом классической нормативной политической теории остается тезис о том, что между общностью людей (нацией, гражданами и т. п.) и государством (в форме правительства, которому делегирован ряд особых прав через «контракт») должно быть сущностное соотношение, иначе юридическая сторона вопроса о войнах (уровень Устава и конвенции ООН) редуцируется к нарушению прав институтов и теряет «человеческий» смысл.

Итак, что удостоверяет, что «вертикальный» контракт легитимен? Согласие людей. Государство, не основанное на согласии, нелегитимно. Но как установить отсутствие согласия? Ведь сам факт существования нации (народа) не является существенным свидетельством легитимности государства, иначе бы она

распространялась на любой его (легальный) тип. Более того, признание нелегитимных государств может быть вполне разумно с точки зрения международных отношений, но необязательно *морально* в свете нормативной теории. Задача предложить и обосновать приоритет нормативной оптики рассмотрения межгосударственных и внутригосударственных отношений мне кажется достойным вызовом, в том числе современным интеллектуалам.

И здесь, полагаю, вполне можно следовать логике «процедурного либерализма», когда концепт «права человека» насыщается и содержательным, и «процедурным» значением. По аналогии с Д. Ролзом, оставившим у индивидов, выбирающих принципы справедливости за завесой неведения универсальное представление о первичных благах (так называемая «тонкая теория блага») [4], Д. Любан, например, предлагает разграничить «базовые» и «другие» права людей. «Базовые» (основные) права человека универсальны по сфере охвата. Это такие права, при которых бенефициары — все люди, и все люди должны эти права соблюдать³; эти права первичны с точки зрения логического следования: именно реализация «базовых» прав — средство удовлетворения (приобретения) «других» прав человеком [17, 174]. Это так называемый разумно признаваемый всеми минимум: право на жизнь, свободу от гонений, здоровую окружающую среду и адекватный уровень жизни. «Другие» права человека — те, которыми он может воспользоваться, если соблюдены первичные права.

Следовательно, мы получаем критерий справедливой войны: это война либо за сохранение «базовых» прав, либо против агрессии, направленной на существенное ухудшение «базовых» прав (людей)⁴.

Как кажется, такое понимание справедливой войны дает возможность избежать «сравнения несравнимого», когда, например, на одной чаше весов оказываются «базовые» социальные права *людей* и права *государства*. Наоборот, предстоит взвесить «объем» нарушаемых «базовых» прав людей, граждан разных государств, в случае столкновения интересов *между* государствами, или объем нарушаемых «базовых» прав внутри государства, которые предполагается восстановить за счет, допустим, внешнего вмешательства (интервенции) с ожидаемой *ценой* этого восстановления в «базовых» социальных правах. С учетом того что интересы государства вполне могут быть направлены на то, чтобы поддержать «базовые» социальные права своих граждан и даже улучшить их качество жизни, формула справедливого *casus belli* должна содержать «поправочные коэффициенты», позволяющие конкретизировать «базовое» право на «адекватную жизнь» за счет апелляции к обоснованному для территории и исторических условий прожиточному минимуму.

³ Полагаю, обязанность перераспределения ресурсов (второй вызов современным обществам, по Р. Инглхарту) также вытекает из определенной, принятой за основу, деонтологии.

⁴ Пропорциональность, как правило, справедливой войны применяется к *jus ad bellum*: необходимо существенное нарушение «базовых» (не «дополнительных») прав, чтобы было морально оправданно прибегнуть к такой крайней мере, как война. И парадокс состоит в том, что во время войны (*jus in bello*) справедливость «тает», поскольку реализация военных действий неизбежно влечет за собой нарушение «базовых» прав. Подробнее о различии требований справедливости к *jus ad bellum* и *jus in bello* см. [2, 456–457].

Именно поэтому, мне кажется, Р. Инглхарт сразу же за проблемой войны упоминает проблему неравенства доходов *внутри* стран. Государство должно прежде всего за счет *своих ресурсов* гарантировать прожиточный минимум (мы оставляем пока в стороне вопрос о том, как и кем он определяется) всем гражданам. В этом смысле война за ресурсы с другим государством (обладающим большими, чем того требует простое «выживание», ресурсами) при острой нехватке своих собственных ресурсов действительно будет крайней мерой во внешней политике. Тот же М. Уолцер оправдывает войны за выживание, которые вели с Римской империей племена, вытесняемые на запад и требовавшие земель для поселения, — у них не оставалось никакого выбора [22, 27].

В этой связи я полагаю, что обоснование максимина как схемы распределения социальных ресурсов между индивидами у Д. Ролза вполне может быть экстраполировано во внешнюю политику, в которой разные «стартовые позиции» имеют уже сами государства, и тогда в относительно благополучном с точки зрения экономической эффективности современном мире вместо морального оправдания войны за ресурсы между странами мы получим моральные обязательства стран оказывать друг другу гуманитарную помощь [5]. Метафизические и методологические проблемы и вопросы, впрочем, останутся прежними: должна ли большая страна брать на себя обязательства помогать другим странам, которые «повезло» со стартовыми ресурсами (нефть, например), имеет ли моральное право претендовать на гуманитарную помощь других стран правительство, загубившее в результате собственной политики имевшиеся возможности развития, как дифференцировать обладание ресурсом и возможность его использования? В современном глобализирующемся мире ресурсов для выживания, надо полагать, все же больше, возможностей экономически поддержать ту или иную страну — тоже. Война в этой — не единственной — оптике действительно иррациональна (Р. Инглхарт).

Однако изложенная выше нормативная позиция относительно прав человека предполагает, что, если оставить за скобками крайнюю нужду в материальных ресурсах для физического выживания (экономический аргумент), сигналом к справедливой войне (допустим, в форме гуманитарной интервенции) остается *массовое* нарушение других «базовых» прав людей в каком-либо государстве и открытая борьба людей *со своим государством* за соблюдение этих прав. Геноцид, массовые расстрелы, резня и порабощение граждан и есть по сути единственный обоснованный повод для международного вмешательства, по Уолцеру [22, 87–91].

Здесь, мне кажется, открытым остается другой вопрос: свидетельствует ли отсутствие явного сопротивления со стороны граждан «государственной машине» о легитимности государства? В чем проявляется *согласие по принуждению*, а в чем — согласие по «убеждению»? Например, разработанное в рамках теории идеологии понятие гегемонии (А. Грамши, [15]) предполагает, что государство, применившее насилие по отношению к своим гражданам, как раз демонстрирует не силу, а слабость, поскольку ему не удалось обеспечить согласие за счет слаженной работы своих идеологических аппаратов (Л. Альтюссер [11]).

Мне кажется, позиция — и ответственность — интеллектуала состоит сегодня в том, чтобы выяснить, на чем держится солидарность в его обществе, как работает

механизм обоснования политических (политика как совместная жизнь, то есть общих, касающихся всех) решений, где проходит граница между идеологическим «вовлечением» и рациональным аргументом в общественной дискуссии, как строится, к чему «пристегивается» коллективная идентичность. Например, не так давно проведенные исследования показали, что в реалиях российского общества 2011 г. программы политических партий представляли собой отчетливо гибридные продукты. Они (программы) были построены на популистском синтезе ценностей, которые с точки зрения интеллектуальной истории и реальной практики ранее были характерны для совершенно разных идеологий, а потому не должны были бы рассматриваться в качестве цельных проектов. Это *отсутствие идеологии* как связной системы взглядов и ценностей на уровне фундаментального политического проектирования было замаскировано частотой употребления словосочетания «социальные гарантии» [6].

Вопрос, какая ценность сегодня легитимирует наш социальный порядок, заслуживает отдельного исследования. «Сегодня главная задача социальных наук состоит не столько в том, чтобы вырабатывать новые понятия, а скорее в том, чтобы описывать реальное положение дел и рефлексировать о сущности и значении того, что происходит. Ученым не следует стремиться быть просто “носителями истины”, скорее им следует действовать как наблюдателям, которые занимают метапозицию по отношению к происходящему. Такая позиция не предполагает полную независимость исследователя от контекста, не предполагает выведение за скобки его собственных интеллектуальных приоритетов; но это не означает также принятие постмодернистского взгляда, согласно которому каждый находится в застенках своего собственного субъективного мира» [21, 6].

Добавлю, что интеллектуал-ученый, на мой взгляд, не будет свободен не только от интеллектуальных (предмет исследования, научное любопытство), но и от ценностных (представления о лучшей общественной жизни, включая нейтральность как ценность) предпочтений, своей деятельностью поддерживая определенный образ желательного (или имеющегося) социального целого. И, в зависимости от того, к какому типу социальных систем [7, 10, 23] принадлежит конкретное общество, тотальное (от молчаливого до эксплицитного) согласие или, наоборот, наличие дискуссий и выраженной идеологической борьбы могут быть признаны на метауровне, с метапозиции, свидетельствами легитимности социального порядка [5].

Таким образом, мы представили общий контур современных дискуссий о справедливости войн, рассмотрели возможности и границы философской модели, построенной на ценности прав человека как альтернативе юридическому пониманию условий *jus ad bellum*. К возможностям, в рамках социально-онтологических, эпистемологических и антропологических допущений, фундирующих модель, следует отнести соответствие моральным интуициям на уровне «тонкой теории блага», соизмеримость аргументов «за» и «против» войны в случае разделяемой агентами нормативной оптики, общую установку на поиск универсального признака *casus belli*. Ограничения модели задают плюрализм интерпретации и реинтерпретации концепции «базовых» прав человека в конкретной культуре

или историческом периоде, логическую вероятность «сложных» случаев (например, равновесность одинаковых требований со стороны противоборствующих субъектов или столкновение разных «базовых» прав между собой), релятивизм конкретных методик подсчета объема «нарушенных прав» и возможную ангажированность агентов подсчета. В центре нашего внимания оказались контрактализм и проблема легитимности государства, шире — социального порядка, а также задача поиска критериев «отсутствия легитимности». Мы пришли к выводу, что в рамках представленной нормативной теории «базовых» прав человека критерий нелегитимности может быть сформулирован только в общем и отчасти редуцированном виде; об отсутствии легитимности напрямую свидетельствует наблюдаемое нарушение прав. Для ответа на вопрос «возможен ли нелегитимный порядок при соблюдении прав?» требуется рассмотреть конкретные процедуры легитимации в реальных обществах либо реконструировать эти процедуры за счет анализа отраженных в интеллектуальной истории конкретного исторического периода позиций. Мы предположили, что граница между идеологическим и рациональным обоснованием социального порядка будет контекстуальна, последующие исследования должны показать, существуют ли специфические типы таких обоснований.

1. *Апресян Р. Г.* Метанормативное содержание принципов справедливой войны // Полис. 2002. № 3. С. 385–403.

2. *Апресян Р. Г.* Справедливой войны принципы // Этика : энцикл. слов. М., 2001. С. 456–457.

3. *Кашников Б. Н.* Критика современного дискурса справедливой войны // Военно-юрид. журн. 2012. № 11. С. 22–29.

4. *Логинов А. В.* Максимин Д. Ролза: между эффективностью и равенством // Социально-философские очерки: казанско-екатеринбургский сборник : сб. науч. ст. / под ред. О. Д. Агапова. Казань, 2014. С. 85–95.

5. *Логинов А. В.* Модерность: проблема типизации обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. Спец. вып. : Цивилизационная динамика современных обществ / ред. В. Козловский и др. СПб., 2012. Т. 15, № 6 (65). С. 95–105.

6. *Логинов А. В., Данилова А. В., Руденкин Д. В.* Трансформация идеологических систем // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2013. № 1(112). С. 87–102.

7. *Меньшиков А. С.* Теория модерности и социальная интеграция // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2011. № 3(94). С. 39–52.

8. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / под. ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М., 2002.

9. Сайт ООН на русском языке. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 01.07.2017).

10. *Хомяков М. Б.* Модерность: путь к открытости будущего // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 58–85.

11. *Althusser L.* Ideology and Ideological State Apparatuses // Mapping Ideology. L., 1994.

12. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N. Y., 1974.

13. *Doppelt G.* Waltzer's Theory of Morality in International Relations // Philosophy and Public Affairs. 1978. Vol. 8, № 1.

14. *Dreveskracht R.* Just War and International Law: An Argument for a Deontological Approach to Humanitarian Law // Buffalo Human Rights Law Review. 2010. Vol. 16. P. 238.

15. *Gramsci A.* Selections from the Prison Notebooks. L., 1971.

16. *Inglehart R.* There is a crucial social need for competent social scientists // *Changing Societies and Personalities*. 2017. Vol. 1, № 1. P. 13.
17. *Luban D.* Just War and Human Rights // *Philosophy and Public Affairs*. 1980. Vol. 9, № 2. P. 162–163.
18. *Melzer Y.* Concepts of Just War. Leyden: A. W. Sijthoff, 1975. P. 28–29.
19. *Moore M.* A Political Theory of Territory. Oxford University Press, 2015.
20. *Orend B.* The Morality of War. Peterborough, 2006.
21. *Stepanova E.* “You cannot step into the same river twice” — what does it mean for us today? // *Changing Societies and Personalities*. 2017. Vol. 1, № 1. P. 6.
22. *Walzer M.* Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. Basic Books, 1977.
23. *Wagner P.* Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity, Cambridge, 2008.

Рукопись поступила в редакцию 07 июля 2017 г.

УДК 141.1 + 159.955 + 94(100)“1914/19” + 355.01

В. А. Сухарева

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ: СТАНОВЛЕНИЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ*

Статья посвящена рассмотрению феномена Первой мировой войны в контексте кризиса классического типа философствования и последующего за ним становления неклассической философии. Обоснование связи между кризисом классической философии и Первой мировой войной и определение сущностных особенностей Первой мировой войны представлено на материале рефлексии мыслителей французской философской традиции. Первая мировая война характеризуется как неклассический объект, что позволяет представить ее в качестве системообразующего элемента неклассической философии, а также дать подробное описание этапов становления неклассической философии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Первая мировая война, неклассическая философия, кризис классической философии, война как неклассический объект.

1. Введение

Период конца XIX – первой половины XX в. ознаменовался целым рядом кризисных событий и явлений сразу в нескольких сферах жизни общества. Разные авторы и исследователи характеризуют данный исторический период как период духовного кризиса, как кризис западной цивилизации, кризис европейского человечества, конец истории [7]. В это время происходит научная революция, в результате которой сменяется тип научной рациональности, классическая научная парадигма замещается неклассической, начинает складываться новая научная картина мира. События Первой мировой войны приводят к кардинальным трансформациям политической картины мира, а также провоцируют кризис

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

рационализма и гуманизма в культуре, главным следствием которого становится слом нравственной картины мира.

Плотность всех этих кризисных и революционных событий и явлений позволяет говорить о кризисе оснований культуры в целом и, в частности, о кризисе философских оснований культуры: аксиологических, онтологических, гносеологических, философско-антропологических и социально-философских. Кризис философских оснований культуры неизбежно воплощается в кризисе самой философии, причем этот кризис разворачивается сразу на двух уровнях — на предметном, то есть на уровне философской рефлексии над процессами и событиями, происходящими непосредственно в социальной, политической и культурной действительности, а также на уровне метафилософской рефлексии, то есть на уровне переосмысления базовых категорий и фундаментальных установок философии, их взаимосвязей, переосмысления методов философских исследований. В этом смысле кризис философии рубежа XIX–XX вв. можно назвать парадигмальным кризисом, главным следствием которого стал парадигмальный сдвиг, воплотившийся в переходе от философии классического типа к философии неклассической.

Термин «парадигмальный сдвиг», или «смена парадигм», введенный Т. Куном для описания революционных процессов в рамках науки, достаточно редко употребляется в отношении философии, что может объясняться особенностями философии как высшего уровня знания, наиболее абстрактного и фундаментального. В этом смысле особый интерес представляет исследование того, каким образом осуществлялся процесс перехода от классической философской парадигмы к неклассической, что спровоцировало этот процесс, а также как именно происходила выработка новых принципов и предельных оснований неклассической философии.

Представляется, что особую роль в этом процессе сыграла Первая мировая война, которая, с одной стороны, стала актом уничтожения той реальности, которую классическая философия осмысляла в качестве своего объекта, а с другой — породила принципиально новый, неклассический, тип объекта, осмысление которого предстояло осуществить уже неклассической философии.

2. Война как неклассический объект

Конкретизируя выдвинутую нами гипотезу, прежде всего необходимо обосновать связь между кризисом классической философии и Первой мировой войной, а также рассмотреть те особенности Первой мировой войны, которые позволяют констатировать возникновение нового, неклассического, объекта философии. Для этого обратимся к рассуждениям некоторых мыслителей (заранее имеет смысл оговориться, что мы сосредоточимся на представителях французской философской традиции), посвятивших свои работы анализу феномена Первой мировой войны.

Одним из авторов, связывающих кризис классического типа философствования с событиями Первой мировой войны, является чешский философ Ян Паточка (1907–1977), чьи идеи получили развитие в рамках французской философской традиции в лице Ж. Деррида, П. Рикёра и др. В одной из своих поздних работ,

впервые вышедшей в 1975 г. и озаглавленной «Еретические эссе о философии истории», Я. Паточка отмечает, что философии начала XX в. не удалось представить адекватный анализ феномена Первой мировой войны. «Первая мировая война породила целый ряд объяснений, – пишет Я. Паточка, – отразивших стремление людей понять это чудовищное событие, хотя и осуществленное людьми, но при этом *превосходящее горизонт понимания каждого отдельного человека и всего человечества, – событие в определенном смысле космическое*. Мы пытались вместить это событие в наши собственные категории, обращаться с ним так, как мы только умеем, то есть, в сущности, опираясь на способ мышления XIX в.» [6, 148]. Здесь Я. Паточка подчеркивает, что провал философии в ее попытках определить сущностные характеристики феномена Первой мировой войны связан прежде всего с неадекватностью используемых ею методов, а также с особенностями самого объекта рефлексии, то есть с особенностями войны 1914–1918 гг.

В рамках «Еретических эссе» *кризис классической философии конкретизируется как кризис ее центральной методологической установки*, которая заключается в сведении всех исследуемых философией объектов к универсальному *позитивному* основанию. С точки зрения Я. Паточки, Первая мировая война оказывается необъяснимой средствами классической философии именно по той причине, что она не имеет под собой никакого позитивного основания. «Война 1914–18 гг., – отмечает Я. Паточка, – объясняется с позиций идей XIX в. – идей мира, дня и его интересов. Неудивительно, что при этом не удастся постигнуть основополагающие принципы нового XX в., поскольку это столетие является эпохой ночи, войны и смерти» [Там же, 149].

Я. Паточка характеризует реальность войны как особого рода негативность – негативность субстанциональную. «Фронт – это абсурдность *par excellence*», – пишет Я. Паточка [Там же, 156]. Но это такая абсурдность, которую нельзя свести ни к какому основополагающему плану смысла и от которой вместе с тем нельзя отмахнуться как от нелепой логической ошибки. В этом смысле война представляется как значащая точка не-значения, как смыслообразующая инстанция не-смысла, и абсурдность фронта открывается как его сущностная характеристика: «Самым глубоким открытием фронта является, таким образом, наличие жизни в ночи, в борьбе и смерти, неустранимость такого положения в жизни, которое с позиции дня кажется просто несуществующим, преобразование жизненного смысла, наталкивающегося здесь на *ничто*, на *непреодолимую границу*, где все меняется» [Там же, 161].

Французский философ Ален (1868–1951, настоящее имя Эмиль-Огюст Шартье) в сборнике очерков «Суждения» делится своими наблюдениями о Первой мировой войне. Эти наблюдения, над которыми философ работал на протяжении почти тридцати лет, представляют для нас особый интерес, поскольку в них находит отражение еще одна особенность войны 1914–1918 гг., особенность, которую можно выразить в следующей краткой формулировке: сама реальность войны остается в сущности невидимой, скрытой от глаз наблюдателя, от описывающего ее языка и в конечном счете от здравого смысла и разума.

Данный тезис обосновывается, с одной стороны, достаточно очевидными технологическими особенностями Первой мировой войны; речь в данном случае идет об опосредованном характере военных действий, позволившем минимизировать количество ситуаций применения силы «лицом к лицу» [3, 239]. Так, в своем очерке «Применение силы» Ален пишет: «Артиллеристу виден столб пыли и рушащиеся стены. Эта игра похожа на охоту, только на вид не столь жестокою. Артиллерист не видит ни крови, ни трупов, он о них даже и не думает. <...> Из винтовки выстрелить легко – достаточно нажать пальцем на курок – и огнине человек не больше чем мишень в прорези прицела» [Там же, 238–239]. Эти наблюдения вполне конкретно характеризуют реальность войны, а именно как реальность, в сущности не воспринятую, исключенную из поля зрения, оставленную за пределами видимости.

С другой стороны, Ален ведет речь и о более тонком аспекте отношения человека к реальности Первой мировой войны. В одном из очерков, который озаглавлен «Дух войны», Ален пишет: «В нашей общественной жизни, на мой взгляд, только война действительно представляет собой сложную проблему. Рабочий вопрос можно разрешить при помощи здравого смысла. <...> Но война – это Горгона, своим взглядом обращающая все живое в камень. Я долго искал причину. Она не так уж глубоко запрятана, если непредвзято рассмотреть природу единственного на планете животного, о котором можно сказать, что оно храброе. <...> Никто больше не прислушивается к тому, что могло бы его поколебать. С этого момента больше искать здравого смысла не следует» [Там же, 155]. В данном отрывке Ален указывает на вполне определенную специфику отношений разума и войны, а также отношения разума к войне: события войны разворачиваются в тени разума, в его отсутствие.

Более того, отсутствие здравого смысла и рефлексии над происходящим, согласно Алену, не только является одним из главных условий возможности войны, но и трансформируется в процессе нарастания масштабов конфликта в один из главных императивов войны. Эта идея находит отражение в следующем пассаже: «Поразмыслим над этим хорошенько. Есть ли у этих мужчин и женщин политические воззрения, имеют ли они друзей в стане врага, подтвердили или опровергли их взгляды происшедшие события – это не важно: они заботятся не о том, чтобы думать, а, напротив, о том, чтобы ни о чем не думать... всякие рассуждения нужно отложить до окончания войны» [Там же, 156].

Описанные выше особенности Первой мировой войны превращают последнюю в своеобразный предел для классической философской рефлексии и рационализации. Сама война превращается в проблематический объект, требующий особых методов и инструментов для работы с ним, поиск которых инициирует становление новых, неклассических, методов философского анализа.

3. Становление проблемного поля неклассической философии

Становление проблемного поля неклассической философии представляет собой комплексный и многослойный процесс, анализ которого осложняется постоянными скачками и смещениями философской рефлексии рассматриваемого

периода с предметного уровня на метафилософский и обратно. Наиболее репрезентативной в этом отношении представляется философия французского мыслителя Ж. Батая (1897–1962), чьи идеи и приемы размышления были активно восприняты и развиты философами последующих поколений.

Наше внимание будет сосредоточено на работе Ж. Батая «Внутренний опыт», главным предметом которой является особая идея «опыта». В своем анализе этой работы мы исходим из допущения, что характеристика «опыта», данная Ж. Батаем в этой работе в самом широком смысле, относится и к опыту, взятому в более узком смысле, а именно к опыту войны. Более того, у нас имеются основания предполагать, что «опыт» в широком смысле имеет опыт войны в качестве своего прототипа (здесь мы опираемся на исследование С. Л. Фокина «“Внутренний опыт” Жоржа Батая», который, в частности, отмечает: «Теперь он [Ж. Батай] вынужден жить с войной, по-настоящему жить войной, внутренне испытывать ее и исторгать из себя письмом этот “внутренний опыт”» [8, 318]). Данное предположение оправдывается и историей написания произведения: над книгой «Внутренний опыт» Ж. Батай работал в 1941–1942 гг., при этом костяк книги составлен из текстов, написанных философом в межвоенный период (большая часть текстов, вошедших в книгу «Внутренний опыт», была опубликована в 30-е гг. XX столетия) [Там же, 317].

Работа «Внутренний опыт» представляет собой первое приближение к неклассическому анализу неклассического объекта, коим выступает «опыт», конкретизированный в рамках нашего исследования как опыт войны. В книге раскрываются особенности процесса вынужденной трансформации традиционной философской рефлексии и традиционного философского письма, которые оказываются бессильными концептуализировать опыт новой войны. В тексте не только просматривается острое критическое отношение к инструментарию, которым философия располагала на тот момент времени, но и формируется негативный образ философии в целом; осуществляется попытка выявить базовые принципы, установки и методы философии, общие для всех философских систем, а также ставятся вопросы о целях и задачах новой философии — философии, которую сегодня принято называть неклассической.

Для начала представим краткую характеристику понятия «опыт войны» в контексте рассуждений об «опыте» Ж. Батая. Главная особенность опыта войны заключается в его глубоком отличии от опыта, описываемого традиционной философией. Однако это отличие Ж. Батай схватывает лишь на интуитивном уровне, и первоначальная цель «Внутреннего опыта» заключается в том, чтобы осмыслить и представить его концептуальными средствами. Ближайшими координатами, от которых философия может начать движение к осмыслению опыта войны, согласно Ж. Батаю, является мистический (религиозный) опыт, а также феноменологический опыт бытия к смерти. Однако различие между последними и опытом войны оказывается слишком существенным, чтобы можно было свести одно к другому или хотя бы указать на сродство или близость между ними.

Так, мистический опыт (несмотря на его тесную связь с апофатической теологией, для которой свойственно характеризовать религиозный опыт как

негативный) все же априори направлен на Бога как на точку предельной полноты бытия. В этом смысле мистический опыт характеризуется как негативный только для того, чтобы утвердить и подчеркнуть сверх-позитивность источника этого опыта. Более того, как отмечает Ж. Батай, мистический опыт всегда трактовался как умственный опыт – как «разумное видение» [4, 20].

С другой стороны, феноменологическому опыту, выражаясь словами Ж. Батай, по сравнению с опытом войны «недостает остроты» [Там же, 25]. Границы феноменологического опыта всегда определяются границами познания. Это означает, что предел переживаемому задают возможности познания, а за пределами познаваемого с точки зрения феноменологии опыта не существует. Опыт войны, напротив, лежит в сфере невысказанного: «Опыт – это столкновение мысли с невысказанным, жизни – с неизжитым» [8, 315], опыт «бытия в смерти» [Там же, 313–314]. Таким образом, опыт войны – это не пограничный опыт, хорошо знакомый предшествующей философии, а опыт по ту сторону границы, опыт за «крайностью возможного» [4, 14], за крайностью познаваемого.

Здесь имеет смысл подробнее остановиться на прояснении того, чем опыт невысказанности отличается от старой философской проблемы непознаваемости. Схватывание этого отличия становится возможным, если рассмотреть традиционную философию с точки зрения ее целей и методов. Так, проблема непознаваемости ставится в традиционной философии как методологическое ограничение (или даже методологический прием), позволяющее отделить истинные философские проблемы от ложных. При этом главной целью философии остается познание. В этом смысле непознаваемое в рамках традиционной философии всегда рассматривается только как условие возможности правильного, корректного познания, но никогда как самостоятельный объект исследования. Опыт невысказанности, описываемый Ж. Батаем, в свою очередь, уже не может быть отнесен к числу ложных проблем, – его нельзя обойти, используя методологическую уловку традиционной философии. Опыт невысказанности – это самостоятельный объект, который требует осмысления и который тем не менее не может быть осмыслен средствами традиционной философии. Это противоречие, возникающее внутри базовой установки философии, установки на познание, выталкивает философию на «край возможного» (Ж. Батай), где должна решиться ее будущая участь. Единственный путь философии, согласно Ж. Батаю, состоит в том, чтобы «покончить с аналитическим разделением операций, избавившись тем самым от ощущения пустоты умственных вопрошаний» [Там же, 25], «предел, поставленный познанием как целью, должен быть преодолен» [Там же].

Таким образом, столкнувшись с войной как с объектом, чья реальность, с одной стороны, слишком очевидна и осязаема, а с другой – неуловима и невысказанна, философия начинает постепенно отходить от «классической эпистемологической диспозиции» [8, 326], определяемой единственной необходимостью – необходимостью выразить знание [Там же]. *Кризис философии, таким образом, конкретизируется как кризис формы знания*: философия как особое знание оказывается бессильной перед опытом невысказанности. Традиционная философия со своими методами разбивается о него, словно волны о скалы, рассеивается, «полностью

растворяется, распадается. И, растворяясь в этой новой манере мыслить, оказывается не чем иным, как наследницей достославной мистической теологии, но это искаленная теология (вместо Бога у нее культя), и задача ее – все свести на нет» [4, 27].

Постепенное смещение философской рефлексии от парадигмы знания выводит на первый план вопрос о том, как философия должна говорить о таких предметах, как Первая мировая война, которая, согласно позиции французского литературоведа Дени Олье (Denis Hollier), характеризуется европейскими интеллектуалами (в первую очередь писателями и философами начала XX в.) как «невыразимый референт» [1, 10], как «объективный предел письма» [5, 71]. И в первую очередь это вопрос о языке философии, о его возможностях, особенностях и границах применимости, и именно этот вопрос становится отправной точкой для поиска принципов новой философии, которая избирает язык в качестве одного из основных объектов исследования.

Постановка языка под вопрос *конкретизирует кризис философии как кризис особого модуса письма* (и говорения), как *кризис философского текста*. Здесь фокус философии смещается с уровня рефлексии над объектами внешней действительности на уровень метафилософской рефлексии, где философия пытается решить проблему опыта войны путем поиска нового способа говорить о такого рода явлениях.

Тематизация философского языка (и языка вообще) как средства описания и выражения субъективной и объективной реальности происходит и в работах Ж. Батая, который проблематизирует язык в качестве неадекватного средства выражения опыта войны. Проблематизация языка у Ж. Батая разворачивается, в частности, как критика языка классической философии, главным императивом которой было выражение знания. «Говорить, – пишет Ж. Батай, – значит воображать себе, что знаешь; дабы не знать, следовало бы больше не говорить». В этом отношении главным недостатком языка, с точки зрения Ж. Батая, оказываются его принципиальная непрозрачность и непреодолимое бессилие в отношении выражения того, что лежит за пределами знания: «доля языка... сведена на нет, он ничего не может сказать» [4, 37].

Проблема бессилия языка оказывается главным препятствием на пути построения предметного дискурса новой философии, которая постепенно увязает в метафилософских построениях. Выход к непосредственному предмету философии вдруг оказывается прегражден ее же собственным средством – языком: «Различие между внутренним опытом и философией: в опыте речь ничто, разве лишь средство, но как средство она будет препятствием» [Там же, 34].

Еще одним аспектом тематизации языка в философии Ж. Батая, наряду с теоретическими построениями, посвященными проблеме языка, являются непосредственная практика и приемы философского письма самого мыслителя. Собственный опыт анализа опыта войны, представленного Ж. Батаем во «Внутреннем опыте», может быть охарактеризован как опыт осмысления непреодолимости растворения [2] предмета анализа в языке, который сравнивается у Ж. Батая то с зыбучими песками, затягивающими свою жертву тем скорее, чем отчаяннее она

пытается выбраться, то с толпой муравьев, которые растаскивают и рассеивают все смыслы, которые попадают им на пути [4, 36].

Таким образом, на примере философского «опыта» Ж. Батая становится видно, как предметом философии постепенно становится невыразимость и рассеяние референта в языке. Центральное место в этом процессе принадлежит войне или опыту войны как объекту, который из непосредственного объекта философского осмысления постепенно превращается в метафору рассеяния философии, текста [5, 71], а также других явлений, которые становятся предметами философской рефлексии. В этом смысле опыт войны можно назвать *неклассическим опытом* или *неклассическим объектом*: опытом, ядро которого образует опыт невысказанного; объектом, истиной которого оказывается невысказанность сама по себе. Понятие неклассического объекта в данном контексте можно соотнести с понятием «значимой аномалии», введенным Т. Куном: Первая мировая война оказывается той самой значимой аномалией, которую классическая философия не способна объяснить и которая провоцирует смену философских парадигм.

4. Заключение

В данной работе мы постарались показать, что в рамках многоуровневого культурного кризиса рубежа XIX–XX вв. имел место и глубокий кризис философии, который проявился, во-первых, как кризис центральной методологической установки классической философии; во-вторых, как кризис эпистемологической диспозиции классической философии; в-третьих, как кризис языка классической философии и философского текста, и который завершился сменой философской парадигмы.

Представляется, что нам удалось, с одной стороны, обосновать связь между кризисом классической философии и феноменом Первой мировой войны, а с другой – представить Первую мировую войну в качестве основополагающего элемента неклассической философии. Становление неклассической философии в этом отношении неразрывно связано с попытками осмысления феномена войны, а последовательность этапов данного становления соотносится с последовательностью смены подходов философской мысли к рассмотрению данного предмета.

К основным характеристикам неклассической философии, исходя из проведенного анализа, можно отнести: 1) критику классических философских проектов, 2) постепенный отказ от универсальных позитивных оснований, 3) разработку языковой проблематики.

-
1. *Hollier D.* Les Dépossédés (Bataille, Caillois, Leiris, Malraux, Sartre). P., 1993.
 2. *Hollywood A.* Bataille and Mysticism: A “Dazzling Dissolution” // *Diacritics*. Vol. 26, № 2. Georges Bataille: An Occasion for Misunderstanding. 1996. P. 74–85.
 3. *Ален.* Суждения. М., 2000.
 4. *Батай Ж.* Внутренний опыт. СПб., 1997.
 5. *Зыгмонт А. И.* Война и философия сакрального у Жоржа Батая // *Вестн. ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение*. 2017. Вып. 70. С. 63–81.

6. *Паточка Я.* Еретические эссе о философии истории. Минск, 2008.
7. *Сидорина Т. Ю.* Философия кризиса. М., 2003.
8. *Фокин С. Л.* «Внутренний опыт» Жоржа Батая // Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997. С. 308–334.

Рукопись поступила в редакцию 03 июля 2017 г.

УДК 1(460) + 340.64 + 316.75

Е. С. Тейтельбаум

**ФИЛОСОФСКО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ПОСТИМПЕРСКОЙ СИТУАЦИИ
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ИСПАНИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.:
«ПОКОЛЕНИЯ 98-го И 14-го ГОДОВ»***

В статье анализируется проблема осмысления «постимперской ситуации» в интеллектуальной жизни Испании межвоенного периода. Дается анализ реакции испанских интеллектуалов на кризис, вызванный потерей Испанией последних колоний в Латинской Америке, а также на кризис, вызванный Первой мировой войной; рассматриваются основные темы и направления дискуссий, в рамках которых происходил поиск новой национальной идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: постимперский период, межвоенный период, испанская философия.

Понятие «постимперское» в контексте испанской культуры может рассматриваться двояко. С одной стороны, постимперская Испания — это Испания после «катастрофы 1898 года». 10 декабря 1898 г., в результате подписания Парижского мирного договора с США, Испания окончательно потеряла свои последние колонии — Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины. Так закончился исторический цикл, начатый 12 октября 1492 г., с открытием Америки Христофором Колумбом. Вместе с колониями Испания утратила и последние имперские амбиции, что пробудило новую волну рефлексии — о месте Испании в истории и в мировом цивилизационном процессе. Одной из основных тем для размышлений становится так называемая «проблема Испании», поднимавшаяся и ранее, но на рубеже веков ставшая популярной как никогда. Вопросы о сущности испанской культуры, о причинах ее бед, поиск возможных путей выхода из кризиса, критика испанского менталитета, вопросы о прошлом Испании и о ее историческом пути — вот главные темы, волновавшие испанских философов и писателей того времени.

Особую роль в философской рефлексии в Испании постимперского периода играла художественная литература. «Философствование в пространстве

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).
© Тейтельбаум Е. С., 2017

литературы», в силу определенных предпосылок культурно-исторического характера, было характерно для иберийской культуры на протяжении всего ее существования. Особенно ярко эта ее черта проявилась на рубеже XIX и XX вв., в том числе вследствие того, что тенденция сближения философии и литературы в этот период была свойственна всей европейской философии (достаточно вспомнить Ницше, Кьеркегора и др.). Эта черта отличала философскую рефлексию представителей «поколения 98-го года». От регенерационистов они унаследовали идею о необходимости национального возрождения (исп. *regeneración*), от модернизма — тягу к эстетизации, к художественному воплощению этой идеи. И если регенерационисты видели метод разрешения «проблемы Испании» в социологических и статистических исследованиях, политической аналитике, мыслители «поколения 98-го года» обращаются к литературному творчеству. Можно утверждать, что «поколение 98-го года» вывело проблематику, занимавшую регенерационистов, на иной, эстетический, уровень. Представители этого поколения (крупнейшими из них являются Асорин, Пио Бароха, Антонио Мачадо, иногда к ним относят и Мигеля де Унамуно) погружаются в описания кастильских пейзажей, старинных памятников, читают испанских классиков, пытаются через изучение исторического наследия приблизиться к пониманию сущности испанской цивилизации и ее роли в мировой истории.

Способ осмысления реальности, которого придерживались представители «поколения 98-го года», бесконечное обращение к истории, географии, являл собой своего рода эскапизм — попытку спрятаться от реальности в мире прошлого или воображаемого. Этот эскапизм вылился в своеобразную мифологию с ее мифом о Матери-Кастилии, мифологизацией образов Дон Кихота, Дона Хуана, кастильскими пейзажами, образом Идеальной Испании. Эта мифология, по мнению некоторых исследователей (в том числе крупнейшего испанского историка философии Х.-Л. Абельяна), стала важнейшим вкладом «поколения 98-го года» в испанскую культуру.

Следует отметить, что «поколение 98-го года» не было организованной группой интеллектуалов, и большинство причисляемых к этой группе отрицали свою причастность к ней. Объединение нескольких мыслителей в «поколение» было произведено не ими самими, а исследователями испанской культуры этого периода, сделано оно было несколько позже и оправдывалось тем, что между этими мыслителями было много общего. Во-первых, они были близки друг другу по возрасту. Во-вторых, на творчество их всех оказала влияние «катастрофа 98-года». И в-третьих, их внимание было устремлено на одни и те же проблемы, хотя решения этих проблем виделись ими по-разному.

Так, кризис 98-го года совершенно иначе выражается в независимой философии агностика Сантаяны, нежели в идеях католика Амора Руйбала. Интересна связь их философских идей с конкретной географической местностью: для Сантаяны небольшой старинный городок Авила, окруженный крепостной стеной, является мистическим символом существования и отношения материи и духа. Амор Рубайял в Сантьяго-де-Компостеле видит надежное пристанище оригинальной философской рефлексии, не идущей на простые компромиссы.

С другой стороны, обычно в историографии под «постимперской ситуацией» понимается межвоенная ситуация в Европе, связанная с окончанием Первой мировой войны и крахом крупнейших мировых империй — Пруссии и Австро-Венгрии. Эта «постимперская ситуация» также оказала влияние на интеллектуальную жизнь Испании и стала объектом философской и художественной рефлексии.

Несмотря на то что Испания не участвовала в Первой мировой войне, европейские события стали причиной изменений во всех сферах и на всех уровнях общественной жизни страны. Как писал Хосе Карлос Майнер, «разразившаяся в конце лета 1914 г. Первая мировая война пробудила испанское общество от многовекового сна, в котором оно жило... Хотя правительство с упорством настаивало на нейтралитете... страна переживала необычное политическое возбуждение, и нередко испанцы в 1914 г. высказывались о том, что то, что страна не участвовала с оружием в руках в этом конфликте, было национальным позором» [8, 115].

Один из крупнейших специалистов по истории Испании этого периода, Хуан Антонио Лакомба, писал: «Испания, закрытая целлофаном нейтралитета, пережила все удары, сотрясавшие Европу, как бы на обочине. Хотя она напрямую не участвовала в войне, война ворвалась в страну неожиданным гостем, заполонила улицы шпионами, контрабандистами, социальные и экономические неурядицы делали страну совсем другой. На сложную ситуацию, уходящую корнями в далекое прошлое, наложилось огромное континентальное потрясение, которое углубило уже существовавшие проблемы и создало новые... Все и каждая структура государства подверглись изменениям под этим сокрушающим ударом, ужасное внешнее давление усилило существующие деформации, создало новые и в конце концов стало основным фактором, определившим будущее развитие Испании» [5, 15].

Испанское общество поделилось на два лагеря — франкофилов (альядофилов) и германофилов. Хосе Луис Абельян называл это разделение своего рода репетицией Гражданской войны. Оно было столь глубоким, потому что каждый лагерь отражал определенное отношение не столько к причинам войны, сколько к внутренним проблемам Испании. Один из представителей «поколения 14-го года», Сальвадор Мадариага, отмечал, что, «строго говоря, в Испании не было ни германофилов, ни альядофилов, были просто разные интеллектуальные и эмоциональные реакции на определенные проблемы самой Испании: исторические и философские, и эти проблемы было удобно представлять, наклеивая на них популярные ярлыки альядофильства и германофильства» [7, 250].

Интересно, что разделение на альядофилов и германофилов стало своего рода водоразделом в интеллектуальной жизни Испании начала XX в. К германофилам примыкали главным образом реакционеры, сторонники авторитарной политики, характерной для старой имперской Испании. Их симпатия к Германии объяснялась скорее антипатией к Франции, олицетворявшей либеральные, республиканские ценности. По большей части это были высшие церковные чины, военные, крупные землевладельцы, высшая буржуазия, предприниматели.

В ряды альядофилов вступали приверженцы либеральной традиции, поддерживавшие ценности французской культуры. К этому лагерю принадлежали интеллектуалы и большая часть простых людей — рабочие, мелкая буржуазия,

представители свободных профессий, просвещенные священники, некоторые военные, высшая буржуазия из Каталонии и Страны Басков.

Луис Аракистайн выделял три этапа эволюции в отношении испанского общества к событиям Первой мировой войны: *спортивный, критический и активный*. На первом этапе главным был почти праздный интерес — «кто победит?», примерно как у болельщиков на ипподроме. На втором этапе важность приобрел вопрос «кто прав?» с юридической или философско-исторической точки зрения. Происходит идеологическая радикализация позиций. На третьем этапе радикализованные лагеря стремятся к участию в военной кампании и горячие споры выливаются в спорадические столкновения, характерные для гражданских войн [2, 6–8].

Так называемый нейтралитет, таким образом, в реальности не был нейтралитетом. Каталанский философ Эуженио д'Орс писал, что «война между Францией и Германией — это гражданская война» [4]. Высказывание это можно понимать двояко. С одной стороны, споры по поводу Первой мировой войны привели испанское общество к расколу, близкому к состоянию гражданской войны. С другой стороны, Первую мировую войну можно было считать гражданской с позиции «единой Европы», которой придерживались некоторые испанские интеллектуалы. Так, в текстах Эуженио д'Орса читаем: «Существует живая Европа. Выражаясь по-платоновски, можно сказать так: существует идея Европы. Греция ее породила, Волчица ее вскормила. Указал на ее форму, когда она выросла, Карл Великий». И ниже: «Какое мне дело до ваших стремлений в этой борьбе, товарищи? Вы болеете за Францию? Вы болеете за Германию? Я болею за Европу! За мистическое восстановление Империи Карла Великого, от Кёльна до Эбра!» [Там же, 213]. Эти идеи выльются в так называемый «Манифест нравственного единства Европы».

Первая мировая война в Испании, таким образом, шла в сфере общественного мнения, что привело к мобилизации интеллектуальных ресурсов страны. В этот период публикуется огромное количество книг, статей, эссе, главным героем которых была война. Можно сказать, что параллельно с Первой мировой войной в Испании шла своя война — «война идей».

Практически сразу после начала войны, в сентябре 1914 г., с поста ректора университета Саламанки был уволен Мигель Унамуно — без объяснения причин. По мнению большинства исследователей, эти два факта связаны между собой. Правительство этим решением пыталось заставить интеллектуалов молчать, однако результат был обратным: несправедливые гонения на одного из самых активных деятелей эпохи сплотили альядофилов. Увольнение Унамуно было расценено как выражение ненависти правительства к культуре. Антонио Мачадо писал: «Нас всех пытаются выместить» [3, 130].

Эта ситуация оказала также огромное влияние на творчество самого дона Мигеля. «Нападение, мишенью которого я стал, заставило меня ринуться в бой, к общественной деятельности, к которой я до сих пор, по весомым причинам, был безразличен и которая вызывала у меня чувство глубокой неприязни» [Там же, 114]. С августа 1914-го по декабрь 1918-го Унамуно написал около 600 статей. Своей целью он считал борьбу с «пещерностью испанского традиционализма», с «испанскими доисторическими троглодитами». Унамуно идентифицировал

себя с теми, кто видел в этой войне борьбу за личность, размышлял о том, какое влияние эта война может оказать на Испанию — не столько в плане политики, сколько в плане идей. Сравнивая, становление человеческой личности и формирование национального самосознания, Унамуно писал: «Мы можем иначе поставить проблему нашей национальной коллективной личности, проблему личности Испании. Или, скорее, различных региональных личностей, борющихся одна с другой, борющихся за интеграцию. Так же как на индивидуальном уровне это происходит с нами, людьми, [на уровне страны] имеется коллективное Я, общество, в котором постоянно борются друг с другом различные Я, они борются за то, чтобы проникнуть друг в друга, интегрироваться в одно или другое Я, — то же происходит и у народов и наций. Каждый из нас был другим, и в какой-то период главным было одно наше Я, в какой-то — другое. То же происходит и с народом, с Испанией. Это сложная коллективная личность, находящаяся во внутренней борьбе. Общая испанская душа, созданная в противоречии, в гражданской войне, находится в постоянном становлении. Каждое из ее Я стремится — сознательно или неосознанно — к господству, и из-за этого не стоит страдать. Несчастлива страна, которая не живет в таком внутреннем волнении! Несчастлива страна, впадшая в сонный гражданский покой!» [9, 499]. В январе 1917 г. Унамуно пишет: «Эта война — как новая французская революция, вернее, это англо-латино-славянская, европейская революция, дата, которая станет вехой в истории народов: 1815, 1848, 1870 и, наконец, 1914» [Там же, 318].

Ареной борьбы германофилов и альядофилов стала также и пресса — в так называемой «войне манифестов», возникновение которой легко объясняется самой динамикой Первой мировой войны. Изначально планировалось, что исход войны решится в ходе нескольких крупных битв, но после победы на Марне наступила стабильность и стало ясно, что следует готовиться к длинной изматывающей борьбе, в которой важную роль будет играть завоевание мнения международной общественности. Началась война на идейном фронте. Французы быстро осознали, что немцы их опередили: большая часть испанской прессы была германофильской. В такой ситуации французами было принято решение искать опору в испанских интеллектуалах, большинство которых были альядофилами.

В 1916 г. организуются так называемые «интеллектуальные миссии». Самая крупная из них, организованная при поддержке руководителя отдела пропаганды Министерства иностранных дел Франции Филиппа Бертелло и директора Французского института Мадрида Эрнеста Меримэ, состоялась в 1916 г. Тогда в Испанию приехали философ Анри Бергсон, секретарь Французской академии Этьен Лами, Имбар де Латур, натуралист Эдмон Перье, органист Шарль Видор и Морис де Лежандр, в ходе визита посетившие Мадрид, Севилью, Гранаду, Саламанку, Овьедо. В 1917 г. с ответным визитом в Париж, Бордо и Тулузу отправились Мануэль Азанья, Рамон Менендес-Пидаль, Гонсало Бильбао, Америко Кастро, Одон де Буэн.

Война стала катализатором интеллектуального движения, она создала атмосферу, близкую атмосфере 98-го года. В этой атмосфере и произошло формирование новой группы интеллектуалов «поколения 14-го года».

Испанское общество тем временем переживало период нарастания конфликта. Среди альядофилов наметился раскол: часть из них (во главе с Мануэлем Асаньей) становятся все более радикальными и политизированными. Другие отходят от политики и отдаются эстетическому формализму авангарда. Все они принадлежат к одному поколению, но переживают происходящее по-разному. Своего рода посредником между противоборствующими сторонами выступает пользующийся всеобщим уважением публицист и философ Хосе Ортега-и-Гассет.

Свое название «поколение 14-го года» получило отнюдь не в честь года начала Первой мировой войны. Название это было предложено Лоренсо Лусуриагой в рецензии на «Полное собрание сочинений» Хосе Ортеги-и-Гассета, опубликованной в аргентинском журнале «Реалидад» (1947). 1914 — год издания первой значимой книга Ортеги-и-Гассета — «Размышлений о Дон Кихоте», год, когда он прочитал свою знаменитую лекцию «Старая и новая политика». Эти события в определенной мере стали знаковыми для представителей «поколения 14-го года», к которому обычно относят философа Ортегу-и-Гассета (1882–1955), художника Пабло Руйса Пикассо (1881–1973), врача и публициста Грегорио Мараньона (1887–1940), историка и литературного критика Америко Кастро (1885–1972), поэта Хуана Рамона Хименеса (1881–1958) и романиста Рамона Переса де Айялу (1888–1962), писателя-афориста Рамона Гомеса де ла Серну. Однако, несмотря на то что название не имеет отношения к дате начала Первой мировой войны, очевидно, что война оказала существенное влияние на формирование взглядов мыслителей, относимых к «поколению 14-го года», и в определенной степени определила круг вопросов, ставших объектом их рефлексии, и вектор развития их идей.

В отличие от «поколения 98-го года», представители которого были по большей части самоучками и стремились к разрушению системы, отказу от общепринятой формы философского дискурса, находились под влиянием иррационализма и витализма, мыслители, относящиеся к «поколению 14-го года», имели фундаментальное образование и стремились к приведению своих взглядов к определенной системе. Если «поколению 98-го года» было свойственно стремление к деревне, к природе, «поколение 14-го года» «возвращается» в город, к городским ценностям. Кроме того, для «поколения 14-го года» были характерны интеллектуализм, сентиментализм, склонность к рациональному анализу искусства, к эстетизму и формализму.

«Поколение 14-го года» явилось в определенной мере духовным наследником «поколения 98-го года», переняв от него главным образом интерес к «проблеме Испании». Однако предлагаемые пути решения этой проблемы стали главным предметом спора между этими двумя «поколениями». Особенно ярко данные разногласия проявляются в дискуссии Унамуну и Ортеги-и-Гассета.

Мигель Унамуну, как и другие представители «поколения 98-го года», исследует глубинные причины кризиса и пути развития — «восстановления» Испании. Его знаменитая фраза «У меня болит Испания!» стала своеобразным символом беспокойства за судьбы родины, поиска национальной идентичности, рефлексии по поводу трагической реальности страны, смертельно раненной «катастрофой

1898 года» и Первой мировой войной. Унамуно задается вопросом о сущности Испании. Для него Испания — это историческая реальность, то есть не только нация в политическом смысле, а определенное мироощущение, оставившее свой след в мировой истории. И эта реальность, по его мнению, неотделима от католической религии.

Несколько иначе видел «проблему Испании» Х. Ортега-и-Гассет. Во время учебы в европейских университетах Ортега осознал степень отставания Испании от западноевропейских стран, и «восстановление» Испании становится одной из основных его задач. Изменения, по мнению Ортеги, должны были затронуть интеллектуальную сферу, культуру и философию. «Упадок Испании заключается исключительно и главным образом в недостатке науки, в отсутствии теории», — писал он в статье «Ответ на вопрос» [1, 414]. Пути решения «проблемы Испании» Ортега связывает с философией.

По его мнению, Европа, культурным центром которой является Германия, олицетворяет научный подход, сводимый Ортегой к объективизму. Этот подход характеризуется точностью и наличием строгого метода (в ранний период, под влиянием феноменологии Гуссерля, для Ортеги была свойственна склонность к объективизму). Испания же, по мнению философа, олицетворяет субъективизм: испанцы склонны рассуждать о вещах, предварительно не дав им точного определения, без четкого метода. Ортега полагает, что этой испанской особенностью «хвалить и опровергать нервами» следует противопоставить немецкое научное мышление, и решение испанского вопроса придет само: «Испания — проблема, Европа — решение».

«Постимперская ситуация», таким образом, остро поставила вопрос о национальной идентичности, о поиске путей развития страны. Эта тема занимала как «поколение 98-го года», так и «поколение 14-го года», как Унамуно, так и Ортегу-и-Гассета, хотя пути решения «проблемы Испании» ими были предложены разные. Унамуно настаивал на «испанизации» Европы, он не стремился к изоляции как защите своей самобытности, «не был готов смириться с полупассивным принятием и переработкой чужого. Он хотел выйти из своего дома, как Дон Кихот, воодушевленный на борьбу, и навязать всем испанский дух донкихотства. Унамуно не желал забывать про Канта и Гёте, но лучший способ живого знакомства с ними, по его мнению, это «попытаться навязать европейцам Сан Хуана де ла Крус, Кальдерона, Сервантеса и даже, в определенной мере и в определенном смысле, Торквемаду... И главная миссия — убедить всех в том, что человек предназначен для бессмертия» [6, 157].

Ортега-и-Гассет же, напротив, призывал «европеизировать» Испанию. В одной из статей он называет Испанию «европейской возможностью». «Европеизация» Испании, считает Ортега, не означает, что Испания должна стать похожей на Францию или другую европейскую державу. Под «европеизацией» Ортега понимал выработку «испанской интерпретации» мира, интерпретации, которая невозможна без преодоления существующей отсталости Испании; и преодоление это достижимо только при условии использования инструментов, которые дает Европа. К этим инструментам относятся культура в общем смысле, а также

науки — философия, физика, филология, науки, которые развивались в Европе и к которым Испания на протяжении многих столетий была безразлична. Европа для Ортеги почти что научный метод, с помощью которого Испания может избавиться от своей отсталости. Таким образом, по мнению Ортеги, горизонты Испании должны были расширяться до бесконечности — благодаря ее обращению к европейскому наследию. Эта идея была поддержана и другими мыслителями — представителями «поколения 14-го года», в том числе Грегорио Мараньоном, Рамоном Менендесом Пидалем, историками Америко Кастро и Санчесом Альборносом.

Оба события — и крах испанской колониальной империи, и кризис, вызванный Первой мировой войной, — явились определяющими для испанской культуры первой трети XX в. Они пробудили интеллектуальное движение, особенно остро поставили вопрос о национальной идентичности, о роли Испании в мировой цивилизации, о возможных путях ее развития.

-
1. *Abellán J. L.* Historia de pensamiento español. Madrid, 1996.
 2. *Araquistain L.* Entre la Guerra y la revolución (España en 1917). Madrid, 1917.
 3. *Unamuno M.* Artículos olvidados, ed. De Christopher Cobb, Londres, 1976.
 4. *D'Ors E.* La ben plantada. Barcelona : Planeta, 1982.
 5. *Lacomba J. A.* La crisis española de 1917. Madrid, Ciencia Nueva, 1970.
 6. *Lain E. P.* España como problema. Galaxia Gutenberg; Círculo de Lectores, 2006.
 7. *Madariaga S.* España. Ensayo de historia contemporánea (1931)
 8. *Mainer J. C.* La Edad de Plata, 1902–1939, Cátedra, 1975
 9. *Unamuno M.* Obras Completas, tomo IX. Madrid, 1958.

Рукопись поступила в редакцию 7 июня 2017 г.

КРИЗИС ПОКОЛЕНИЙ? ИЛИ НАШИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ?

Существует ли на самом деле пресловутый кризис поколений? Или он с точки зрения социологии нормальное, а не патологическое явление? По мнению автора статьи, молодежь раньше входит в кризис, переживаемый обществом, и раньше из него выходит. А смена ценностных парадигм в общественном сознании — явление распространенное и типичное для всех обществ во все исторические эпохи. В статье анализируется ценностно-мотивационный комплекс современной молодежи на основе вторичного анализа социологических данных.

К л ю ч е в ы е с л о в а: молодежь, ценности, кризис, российское общество, общественное мнение.

Кризис поколений — одна из самых заезженных тем в социологии молодежи. Отнесение кризиса поколений именно к молодежи по сути является обвинением ее как репродуктора данного кризиса. То есть молодежь в ухудшении межпоколенческих отношений виновата больше, чем родительское поколение. И она не только производит, но и постоянно воспроизводит этот кризис, как будто больше ей заняться нечем.

Глубинным содержанием такого кризиса является столкновение ценностей, а не настроений, эмоций, статусов или установок. Старшее поколение выступает носителем традиционных ценностей, а молодежь... С молодежью все гораздо сложнее. Какие ценности начертаны на ее знаменах, толком разобраться никто не может. Одни говорят, что там — идеалы постмодернизма, другие — постматериальные ценности, третьи вообще утверждают, что нынешней молодежи свойствен «пофигизм» и ничего более. «Традиционные ценности — это ценности, усвоенные поколением родителей. Отказ детей от них вольно или невольно означает и критику, осуждение ими образа мыслей и жизни отцов» [3, 98]. Об этом же пишут другие исследователи [8, 5, 10].

Стоит разобраться подробнее в том, что такое традиционные ценности и кто именно выступает их носителем. Решив этот вопрос, мы, быть может, лучше поймем, что такое кризис поколений.

Традиционные ценности неявно предполагают, что речь идет о ценностях традиционного общества. Но так ли это на самом деле? Фактически в одном понятии совмещены две реальности: ценности традиционного общества — одно, а ценности, по традиции унаследованные от родителей, — другое. Носителями ценностей традиционного общества всегда выступают родители. Происходит неявная подмена одного другим. Поколение нынешних 60-летних не является носителем ценностей традиционного общества ни в какой мере. Оно воспитано, во-первых, в рамках и формате индустриального общества; во-вторых, общества советского.

Индустриальное общество, как известно из социологии, приходит на смену традиционному, аграрному обществу. Если употреблять предикат «традиционное» к ценностям и обществу, то мы должны будем сказать: традиционные ценности — это ценности аграрного, крестьянского общества. Так и было, но только до середины XX в. А в середине 1960-х гг., согласно статистике, наша страна превратилась преимущественно в городскую цивилизацию. Стало быть, ни о каком доминировании ценностей традиционного общества говорить нельзя. В годы юности нынешних 60-летних россиян деревенский уклад воспринимался как архаика и пережиток.

Традиционные ценности (традиционную культуру) надо понимать так: 1) это ценностная система доиндустриального общества, 2) унаследованная от многих или большинства проживающих на данной территории представителей поколения система верований, ценностей, идеалов, норм и традиций. Традиционные ценности (ценности народные) встречаются на каждом шагу, например, почти каждая российская семья хотя бы раз встречается за праздничным столом на Пасху, Рождество, Новый год, где присутствуют все поколения. Это дань традициям и старшему поколению. Поздравительные открытки детям шлют родители, а родители — детям. Кроме того, это семейные фотоальбомы, проживание летом на даче всей семьей, Родительские субботы.

Традиционные общества многообразны и сильно дифференцированы в зависимости от составляющих их культур. Так, кавказские этносы в СССР с их кровной мезьью, традициями клановости, родства и землячества, уважения к старшим сильно отличаются от традиционной культуры чукчей, эстонцев, таджиков, русских или западных украинцев. Ценностная система кастового общества Индии, не менее древняя, чем у этих народов, населявших СССР, но совершенно иная. Почему сегодня русские боятся иметь дело с чеченцами? Потому что там существует традиция кровной мести. А у нас все атомизировано, нет солидарности. Традиции у русских никогда не были такими, как у чеченцев. Не были такими и традиции индийцев, китайцев или поляков.

По данным социологических исследований, в структуре ценностей населения Вологодской области на первом месте стоят современные ценности (8,8 балла), на втором — общечеловеческие (8,2 балла), на третьем — традиционные (7,6 балла) [10, 98].

Даже если не отождествлять традиционные ценности родителей с ценностями традиционного общества, все равно проблемы не решить. Когда успели ценности нынешних 40-летних и 60-летних россиян стать традиционными? Традиционным все становится по прошествии очень длительного времени. На протяжении 50 лет любой авангард, живописный, музыкальный или театральный, не воспринимается общественным мнением как некая социокультурная норма. Этот временной лаг — запаздывание в понимании и принятии новшеств — давно известен и хорошо описан как в советской, так и в зарубежной социологической и культурологической литературе. Таким образом, 50 лет — минимальный срок для «утрамбовки» и кристаллизации новшеств, их превращения в традицию. То, что стремится поскорее попасть в обыденный уклад жизни и стать традицией, очень скоро изгоняется из культурного арсенала народа. Так было с большинством советских праздников, вымученных, искусственных, нежизнеспособных.

Поскольку у всех людей одного поколения разные ценности, то говорить о собирательном образе неких традиционных ценностей родителей нельзя. Наконец, ценности родителей менялись на протяжении всей их жизни. Какой период берется за показатель? Ценности в конце жизни? Но, например, ценности стариков — это ценности измученных жизнью и властью людей, чаще всего они более консервативные, как показывают многочисленные исследования, чем ценности молодых. То есть то нытье и жалобы на жизнь, вечное ворчание на молодых, неумение пользоваться Интернетом и тому подобные моменты являются показателем традиционных ценностей?

В 1937 г. по стране прокатилась волна массовых репрессий, в ссылку отправили миллионы крестьян — носителей традиционных ценностей. Это были середняки и так называемые кулаки. В деревне остался люмпен-пролетариат, который пробрался к кормилу власти. Миллионы обедневших крестьян отправлялись в город на стройки индустриализации и становились маргиналами. Все руководство советской власти, снизу доверху, не унаследовало высокие нравственные ценности от предшествующих поколений. С прошлым Советы порвали. В последующие годы лагеря пополнили толпы бандитствующих элементов. Криминализованное сознание стало массовым. Это все хранители традиционных ценностей в их высоком понимании?

А как в других странах? В США поколение хиппи полностью отвергло традиционные ценности. И кто же там является их носителями? Горстка протестантов, некогда заселивших Северную Америку и пропагандировавших ценности трудовой этики, включая мормонов? Много ли их сегодня? Все они накопили богатство (того требует протестантизм для спасения души) и превратились в элитарную прослойку высшего класса, составляющую не более 3–5%. А кем являются десятки миллионов чернокожих, носителей антиколониальной психологии, и выходцев из Латинской Америки, включая мексиканцев, некогда поработанных испанцами и лишенных своих корней? Какие ценности они передают своим детям?

Так что «традиционные ценности» — это эвфемизм или понятие, которое, по мнению российских социологов, должно восприниматься читателями «по умолчанию». Однако в этом самом умолчании все и дело. Каждый понимает

традиционные ценности по-своему. И никакого единства, требуемого «по умолчанию», нет.

И вообще что делают родители в процессе воспитания и социализации своих детей? Они передают традиционные ценности? Нет, они решают будничные проблемы, спорят между собой и с молодежью. Когда старики ворчат и морализируют, пытаясь силой навязать свое представление о мире, молодежь сопротивляется. И зачастую этим достигается эффект противоположный. В мирных, гармоничных семьях старшие не навязывают свои ценности молодежи, а воспитывают в ней самостоятельность и умение находить свой жизненный путь, в том числе свои ценности. Так получается лучше. В плохих семьях никаких традиционных ценностей не существует, есть только пьянство и разврат. Здесь передавать нечего.

Так что же происходит на самом деле: различия в ценностях между возрастными группами обусловлены качеством семейного воспитания, возрастом и полом или обществом и классовой позицией? В ходе исследования поколений методом нарративного интервьюирования¹ и последующего анализа транскриптов саратовскими социологами было выделено 30 поколенческих ценностей, которые, сформировавшись в период ранней социализации (к 18–20 годам), оставались затем относительно стабильными. Они претерпевают изменения не в связи с возрастной, а в связи с общественной динамикой, а именно тогда, когда общество, в том числе российское, переживает кризисные периоды, переломные точки роста.

В исследовании В. И. Добрынина, Т. Н. Кухтевич, С. В. Туманова [5] к ценностям родительского поколения отнесены идейность, примат духовного над материальным, державность, трудолюбие, коллективизм, общинность, двойственность модели поведения («домашнее» и «общественное» поведение), интеракционизм. В другом исследовании, В. В. Гаврилюк и Н. А. Трикоз [3], распределение ценностей осуществляли по четырем ценностным системам: смысложизненной, витальной, социализационной, интеракционистской. В каждой выделялись две категории — интегрирующие и дифференцирующие ценности. Если преобладают первые, то поколение считается гомогенным и консолидированным, если вторые — гетерогенным и неконсолидированным.

В группу смысложизненных ценностей вошли «установка на обеспечение достойного продолжения своего рода», ценности доброты и жизни, правда — ложь. В витальной системе ценностей исследователи выявили «недоверие к государственным структурам», безопасность, совесть, помощь бедным, комфорт, здоровье и благополучие. В интеракционистской системе ценностей измерялись «хорошие семейные и дружеские отношения», «спокойная совесть и душевный покой», «взаимопомощь и поддержка в труде», готовность к «равноправному диалогу с теми, кто придерживается иных взглядов». В систему социализационных

¹ В 1998–1999 гг. опрошено 1060 девушек и 975 юношей (учащихся лицеев, вузов и ПТУ), 1011 представителей среднего поколения (педагоги и медики) в 14 населенных пунктах Саратовского региона по стратифицированной многоступенчатой выборке. Также в 2000 г. методом неформализованного свободного интервью было опрошено 720 респондентов, представителей различных поколений, примерно в равных пропорциях (рук. проф. Н. В. Шахматова).

ценностей включены индивидуальность, традиции, ориентация на поколение, Родина, экология.

Что же выявило исследование, призванное показать ценности родительского («отцы»), а не старшего («деды») или молодежного («сыны») поколения? «Результаты показывают: 1. Родительское поколение отнюдь не гомогенно, внутри этого поколения возможно распределение на социальные группы именно по ценностным системам. 2. Относительно данной системы ценностей становится некорректной характеристика родительского поколения как традиционного, с устаревшей системой ценностей, ориентированного на коллективное, общинное сознание. Ведь 59 % опрошенных родителей согласны с утверждением, что «быть яркой индивидуальностью лучше, чем быть как все»; очевидна ориентация на дифференцирующие характеристики, выявляющие специфичность и особенность личности. Кроме того, только в 44 % случаев можно говорить о сохранении традиционных ценностей родительским поколением, поскольку хоть и не подавляющее, но большинство родителей говорят об установках на инициативность, предприимчивость, новаторство в сознании и поведении» [3, 100–101].

Оказалось, что родительское поколение более неоднородно и более не сформировано, чем старшее; по ряду социализационных ценностей нет единодушия и единого понимания этих ценностей, хотя в целом родительское поколение «имеет схожие социальные характеристики, привитые социалистической системой». Какие еще важные выводы можно сделать на основе этого, в целом весьма интересного исследования? Его авторы пытаются убедить нас в том, что родительское поколение (те, кому в 2000 г. было примерно 40 лет) является творческим и инновационным (имеет «огромный новаторский потенциал»), но не является «сплоченной социальной группой, способной к активным социальным преобразованиям». Иначе говоря, реализовать себя в общественной и политической жизни родителям не удалось (да и не способны они к этому в силу особенностей социализации данного поколения), а все надежды связывают с детьми: «нереализованный потенциал родители попытаются реализовать через своих детей» [Там же, 101].

А что молодое поколение? Оно уже не равняется, как раньше, на космонавтов и геологов. Для 67 % тюменских старшеклассников, например, литературные герои не служат образцом для подражания, они не воспитывают себя на примере их благородных поступков. Еще реже ценностным ориентиром выступают современные политики: 87 % учащихся отрицали возможность подражать им. Молодое поколение более категорично в своих суждениях и оценках (такова особенность возрастной психологии), но зато более солидарна и сплочена в выборе базовых ценностей: «ценности добра, свободы и достойного продолжения своего рода не подвержены влиянию перемен в обществе. Для 79 % опрошенных эти ценности — основа интеграции. А вот отношение к правде, красоте и, что особенно настораживает, к жизни весьма неоднозначное: 71 % (!) респондентов считают, что «не всегда нужно стремиться к правде, иногда нужна ложь во спасение». Для 77 % красота не является той ценностью, которая важна в нашем обществе, «спасти мир» сегодня не могут ни правда, ни красота» [Там же].

На самом деле ничего удивительного и настораживающего в мировоззрении молодого поколения нет. Налицо расхождение между терминальными, касающимися целей и смысла жизни, и инструментальными, связанными с моделями повседневного поведения, ценностями в терминологии М. Рокича. Российская молодежь унаследовала главное — традиционные ценности своего народа. Но она отрицает текущие, преходящие ценности, которые диктуются либеральным обществом, системой всеобщей коррупции и преступностью, которые допускают нынешние политические власти. Молодежь отрицает то, что должен отрицать всякий честный и разумный человек.

В. В. Гаврилюк и Н. А. Трикоз установили, что молодежь может придерживаться противоположных ценностей, таково, на их взгляд, «проявление общей закономерности противоречивости общественного сознания эпохи как общей закономерности трансформации». При установке «иногда нужна ложь во спасение» молодежь пытается достичь «спокойной совести и душевного покоя». Но почему эти ценности обязательно являются альтернативными? Они скорее независимые друг от друга переменные. Существовая далеко не в идеальном обществе, где власти постоянно врут народу, можно иногда соврать, чтобы выжить. И при этом — на уровне психологического комфорта — стремиться к душевному покою. Он достигается просто: индивид оправдывает свою ложь тем, что вокруг все врут (то есть это общепринятый стандарт социального поведения) и его ложь нужна во имя спасения (ценности выживания). Молодежь понимает, что в других странах, может быть, все не так, хотя тут же следуют заявления, что хорошо там, где нас нет, и у других народов ложь на повседневном уровне — массовый стереотип.

Далеко за примерами ходить не надо. Во время политических репрессий 1937 г. мало кто придерживался правды, поскольку сами власти требовали от граждан лжи. Самооклеветание на допросах на Лубянке, постоянные доносы ради выселения соседей, получения каких-то благ и привилегий, как сегодня выясняется, являлись в нашей стране распространенной социальной практикой, свидетельствующей о глубоком духовно-нравственном кризисе.

В 2001 г. питерские социологи провели исследование общественного мнения [4]. Сопоставив новые данные со старыми, они проследили поколенческую динамику ценностных ориентаций на 15-летнем отрезке. Вопрос о жизненных ценностях у разных поколений выявил неожиданную и одновременно ожидаемую тенденцию: ценность семьи (72,6 %) была на первом месте, за ней шло здоровье (70,9 %), далее, сильно отставая, деньги (33,7 %), друзья (32,4 %)², интересная работа (27,8 %) и справедливость (21,3 %). В молодежной выборке друзья (53 %) «обгоняют» здоровье (49 %), но семья все-таки важнее всего (60 %).

Сопоставим проранжированные системы ценностей (родителей и молодежи), используя данные исследования В. В. Гаврилюк и Н. А. Трикоз (см. таблицу) [3, 99, 101]³.

² Значимость друзей — характерная российская черта, в западных странах ее ценность значительно ниже.

³ В статье на с. 103 приведена более полная таблица «Комплексный анализ ценностных систем поколений».

Сравнение поколенческих ценностей

Смыслжизненные ценности	
родителей	детей
<p>1. «Смысл жизни не в том, чтобы улучшить свою собственную жизнь, а в том, чтобы обеспечить достойное продолжение своего рода». 2. «Человеку свойственны разные проявления, но все-таки по природе он добр». 3. «Жизнь человека – высшая ценность. Только закон может посягнуть на нее». 4. «Свобода человека – то, без чего жизнь теряет смысл». 5. «Только содержательная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею значительную часть своей жизни». 6. «Вера в Бога – это только обряды, имеющие какой-то не совсем понятный смысл». 7. «Бывают условия, что никакая красота не сделает человека лучше». 8. «Не всегда нужно стремиться к правде, иногда нужна ложь во спасение».</p>	<p>1. «Свобода человека – то, без чего жизнь теряет смысл». 2. «Вера в Бога – это только обряды, имеющие какой-то не всем понятный смысл». 3. «Бывают условия, что никакая красота не сделает человека лучше». 4. «Человеку свойственно разное, но все-таки по природе он добр». 5. «Смысл жизни не в том, чтобы улучшить свою собственную жизнь, а в том, чтобы обеспечить достойное продолжение своего рода». 6. «Не всегда нужно стремиться к правде, иногда нужна ложь во спасение». 7. «Только содержательная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею значительную часть своей жизни». 8. «Жизнь человека – высшая ценность, только закон может посягнуть на нее».</p>

Что показывает сравнение? Тезис «Смысл жизни – в продолжении рода» вполне естественно стоит на первом месте у родителей и на пятом месте у детей (для них это не главное). Стихийный атеизм или, точнее сказать, атеизм по недомыслию («Вера в Бога – это только обряд») занимает шестое место у родителей (то есть это более верующая возрастная группа) и второе – у молодежи (что весьма характерно для этой возрастной когорты во всех европейских странах). Прирожденная доброта у родителей и детей находится примерно на одинаковом месте. Жизнь как высшая ценность по-разному оценивается двумя группами респондентов, но не имеет никакого отношения к категории «традиционные ценности». Уверенность в том, что «не всегда нужно стремиться к правде», опять же роднит тех и других (8-е и 6-е места). Вопрос о красоте, на наш взгляд, вообще слабо дифференцирует традиционные ценности.

Общий вывод: между родителями и детьми, согласно результатам исследования по категории смыслжизненных ценностей, не существует принципиального различия, тем более конфликта ценностей. В таком случае неправомерно говорить о духовно-нравственном кризисе молодежи, поскольку о родителях, обладающих схожим набором ценностей, подобных суждений не делалось. С нашим выводом согласны, видимо, и авторы приведенного исследования, в конце своей статьи заключающие: «Второй значимый вывод связан с некоторыми выявленными совпадениями в ценностных ориентациях “отцов” и “детей”, что, в свою очередь, определяет осторожно оптимистический взгляд на существующий конфликт поколений» [3, 105].

Вывод авторов исследования о том, что «в процессе социализации молодежь усвоила основной принцип рыночных отношений, какую бы сферу он ни затрагивал» [3, 102], удивления не вызывает, так как опрошенная молодежь (в мониторинговых исследованиях в период с 1998 по 2000 г. участвовали 17-летние старшеклассники тюменских школ) проходила свою социализацию уже при капитализме. В еще большей степени, судя по другим исследованиям, это справедливо для современных 17-летних школьников, которые не только социализацию проходили после социализма, но и родились не при социализме.

Однако на основании первоначально правильного вывода В. В. Гаврилюк и Н. А. Трикоз приходят в дальнейшем, на наш взгляд, к совершенно некорректному умозаключению. Если школьники считают, что «главное — инициатива, предприимчивость и поиск нового», то на основании данного высказывания и ярко выраженной ориентации на рыночные принципы, как считают авторы, «уже по этим двум выборам» нельзя строить заключение о том, что «перед нами обновленное поколение, освободившееся от контроля обычаев и норм, принятых большинством. Оно пойдет по пути поиска нового, приобретая при этом, возможно, не только положительный опыт» [Там же]. Чем таким оно «обновлено» и в чем заключается его «новизна», если ценности одного поколения мало чем отличаются от ценностей другого? В том, что поколение старшеклассников рубежа двух веков приобретет в дальнейшем «не только положительный опыт», сомневаться не приходится. В либеральном обществе, построенном по западным меркам, а потому насквозь подражательном, учиться плохому молодежи есть у кого.

Мы выбираем одни ценности и отторгаем другие. Одни стремятся заработать как можно больше, другие считают, что не в деньгах счастье. Столкновение ценностей происходит тогда, когда достижение одной цели мешает выполнению другой. Когда социологи пишут о кризисе поколений, то подчеркивают, что молодые не слушают родителей, у них конфликт ценностей, что они проявляют самостоятельность. В чем самостоятельность? Сходить без спроса на дискотеку? Это строптивость. А когда дело доходит до жизненно важных выборов — куда идти учиться, куда идти работать, на ком жениться, — то роль родителей оказывается максимальной. Родители еще в советские времена советовали своим чадам не ходить на завод (хотя тем ох как не хотелось учиться сразу после школы), а поступать в вуз. И в подавляющем большинстве (от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ школьников именно так и поступали) они послушно шли в вуз. Трудоустройство «по блату», через знакомых, возможно только при помощи родителей, которые мобилизуют для таких целей весь свой социальный капитал. И прежде, и сегодня трудоустройство молодежи на $\frac{3}{4}$ либо $\frac{2}{3}$ происходит «по блату» (неформальные каналы трудоустройства). Наконец, женитьба. Здесь строптивость детей наибольшая, норовят жениться вопреки мнению родителей. Но потом разводятся, каются и говорят родителям: как ты, мама, была права.

Так в чем он, этот кризис поколений? В досуговых предпочтениях, в выборе кинофильмов и телепередач, в выборе знакомых? А может быть, он в преимущественной ориентации на деньги и успех?

Материальные ценности выступают на передний план в экстремальных условиях, когда в стране глубокий кризис или на весах положена жизнь (голод, тяжелая болезнь). Нематериальные ценности преобладают в благополучные времена. Такая ситуация сложилась в Западной Европе. Однако у американцев, какие бы времена ни переживало их общество, на первом плане остаются деньги. Стало быть, дихотомия «материальное — постматериальное» делит не поколения, а культуры и эпохи. Данные кросскультурных исследований, проведенных в 40 странах под руководством Р. Инглхарта, показали, что хотя постматериальные ценности более всего распространены в богатых странах Запада (США, Швеции, Японии, Австралии и т. д.), где их разделяло в 1990 г. от 20 до 33 % населения, они начинают проникать и в менее развитые страны, скажем, в Турцию и Мексику (чуть менее 20 %). Хуже всего постматериализм представлен в Южной Азии, экваториальной Африке и постсоциалистических странах, в том числе в России (11 %) [13].

И все же правильный подход к поколенческому кризису заключается, на наш взгляд, в легализации его как нормального явления, сопровождающего развитие любого общества в любую историческую эпоху. Плохо, когда его нет. Тогда нет динамики общества. «В последние годы изменения в стране происходили с такой скоростью, что молодежь с разницей в возрасте в три-четыре года отличается своими ценностными ориентациями (нередко говорит даже на разных языках, сленг и набор лексики заметно различаются)» [1, 124]. Российское общество, наша культура и вслед за ними наша молодежь словно стремились приобрести то, что они потеряли в годы брежневского застоя, а именно динамичность.

Сверхстремительные скорости социальных изменений не могут не порождать межпоколенческих разрывов. В своих публикациях В. Лисовский [6] настаивает на духовно-нравственном разрыве поколений, поскольку ценности отцов не наследуются детьми по той причине, что они «не пригодны ни для настоящей, ни для будущей жизни» [3, 166]. О прерывании традиций в передачи поколенческих ценностей пишут Ю. М. Беспалова и С. М. Герцен: «Качественная ломка традиционных ценностных систем особенно ярко проявляется в кризисе воспитательной функции родительского поколения» [1, 123].

Разрыв, или культурный лаг, может показывать ценностные различия у разных социальных групп, и тогда это нормальное социальное явление в динамичном обществе. Но он может быть столь значительным, что способен обнажить пропасть между ними. И тогда впору говорить о ценностной несовместимости. «Большая часть молодежи не имеет связи с советским периодом, не ориентирована на ценности, присущие как советскому периоду, так и старшему поколению; мало наследуются и традиционные российские ценности дореволюционного периода. Только часть молодежи наследует традиционные национальные установки, идентифицирует себя с ценностями российской цивилизации, региональными ценностями. Обращает внимание культурная нетребовательность части молодежи, уход от классического духовного наследия, а также готовность потреблять культурные эрзацы» [Там же, 124].

Если социализм приучал старшее поколение не выпячивать свои успехи и материальное благополучие, то и приоритетной ценностью у него вряд ли

будут деньги. Но сегодня времена иные. Ныне за окном капитализм. Он иначе расставляет приоритеты. Деньги и карьера — повестка дня не только у людей, но и у общества в целом. Происходит сдвиг в ценностной системе, который, возможно, не имеет отношения к духовно-нравственному кризису. Как считают некоторые авторы, «сегодня молодежь уже не столь востребованы ценности старших поколений в экономической сфере: трудовой героизм, служение любимому делу и стране в целом, усердие, бережливость, примат справедливости над выгодой, самодисциплина. Большое число молодых людей отдаст предпочтение не повседневному труду, а удаче» [1, 122]. Проанализировав эмпирические данные, И. Чистяков приходит к выводу, что ныне формируется новая трудовая этика, определяющая поведенческие приоритеты молодежи: доминирование «материального фактора» в структуре трудовых ценностей [12].

Материально-прагматическую окраску приобретают все пункты ценностной шкалы. Выгодные связи — социальный капитал; нужный вуз, дающий путевку в жизнь, а не духовное обогащение, — культурный капитал. Они сегодня подчинены третьему виду капитала — экономическому. Согласно выводам ряда авторов (Ю. Вишневецкий, В. Шапко [2], Л. Банникова, Я. Дидковская и др.), образование для российской молодежи все больше приобретает инструментальную ценность — как средство улучшения качества жизни, повышения материального благосостояния и социального статуса, карьерного роста. Отмеченная тенденция наблюдается на фоне отхода молодежи от ценности фундаментальных знаний и кризиса чтения книг.

В молодежной среде наметились спад коллективизма и рост индивидуализма. Все больше молодежь ориентируется на западные ценности (стремление к успеху, индивидуализм, прагматизм). Против выступает только старшее поколение, за — СМИ, правительство, либеральная интеллигенция [1, 123]. Современная молодежь не только теряет качества, которые были у старшего поколения, но приобретает новые, «которых не было у старших, такие, например, как способность адаптироваться к любым социальным изменениям (пластичность), которая подчас трансформируется в парадоксальность (сочетание несочетаемых характеристик и жизненных установок); виртуализацию, то есть неосознанное вхождение в мир искусственных конструкций и, как внешнее проявление этого процесса, — подчиненность средствам массовой информации и рекламе» [1, 101; 9; 11]. На этой основе в молодежной среде формируется положительное отношение к предпринимательству, достижению материального достатка [7, 31].

Слушать негативные отзывы о современной молодежи можно так же часто, как и позитивные. Чернить ее стало уже немодным. Но ведь и факты говорят, что современная молодежь как минимум не хуже старшего поколения, а по ряду показателей даже лучше. Настоящий кризис происходил в 1990-е гг. Но то был не кризис молодежи, а кризис общества. Первой стала выходить из него как раз молодежь, уровень патриотизма в ней сегодня предельно высокий. Общество переболело, пора выздоравливать.

1. Беспалова Ю. М., Герцен С. М. Ценностные ориентации молодежи современной России (межпоколенный подход) // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2009. № 4.
2. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи. Нижний Тагил, 1995. С. 56–63.
3. Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социол. исслед. 2002. № 1. С. 96–105.
4. Голубев Е. Ценности, авторитеты, общественное настроение // Санкт-Петербургский университет. 2001. № 31(3585). Дек. 14.
5. Добрынин В. И., Кухтевич Т. Н., Туманов С. В. Молодежь России: три жизненные ситуации. М., 1998.
6. Лисовский В. Т. Социология молодежи: история и современность // Социология и общество : тез. докл. Первого Всерос. социол. конгресса. СПб., 2000.
7. Луков В. А. Проблемы молодежи // Социол. исслед. 1998. № 8.
8. Морозов И. Ю. Достоевский против Макдоналдса (к вопросу об экологии души) [Электронный ресурс]. URL http://www.litmuseum.ru/dost_sib_morozov.htm (дата обращения: 12.05.2016).
9. Покровский Н. В зеркале глобализации // Отечественные записки. М., 2003. С. 31–39.
10. Социокультурный портрет Вологодской области: традиции и современность / А. А. Шабунова, К. А. Гулин, Н. А. Окулова, Т. С. Соловьева. Вологда, 2009.
11. Ценностные ориентации современной молодежи: Обзор социол. исслед. / сост. В. П. Вдовиченко. М., 2003. С. 91–98.
12. Чистяков И. М. Стратегия поведения молодежи на рынке труда (на примере г. Москвы) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2001.
13. Inglehart R. Modernization and Postmodernisation. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997. P. 369–385.

Рукопись поступила в редакцию 10 апреля 2017 г.

УДК 316.61 + 323.329 + 347.168 + 378.126

С. Б. Абрамова

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВЫБОР ПРОФЕССИИ УЧЕНОГО

В статье дается теоретический анализ социологических подходов к понятиям «профессия», «выбор профессии», описываются основные противоречия современного состояния науки в России. Основное внимание уделяется проблеме факторов, обусловивших выбор данной профессии в различных статусно-возрастных группах ученых. Определены профессиональные потребности и мотивы профессионального выбора, их поколенческая динамика. На основе проведенного полиметодического социологического исследования показаны изменения и амбивалентность модели выбора профессии молодыми учеными.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ученые, выбор профессии, институт науки, профессиональное сообщество.

Проблема профессионального самоопределения молодежи и факторов, влияющих на профессиональный выбор, затрагивает интересы самых разных отраслей социологического знания. В то же время некоторые вопросы социологии профессий приобретают особую актуальность для современной российской

действительности, к их числу мы можем отнести проблему выбора профессии ученого и тем самым создания возможности воспроизводства и развития научного сообщества и института науки в целом. Рассмотрение этого вопроса требует определения как системы факторов выбора данной профессии, так и специфики самой научной деятельности.

Выбор профессии как процесс включает в себе разрешение противоречия между детерминированными потребностями индивида и некоторыми условиями социальной среды, влияющими на выбор профессии ученого в современной России. Конечный выбор профессии всегда есть суммирующая этих двух составляющих. Например, в недавнем исследовании М. Черныш максимально уделено внимание семье и школе как первым социальным институтам, оказывающим влияние на профессиональный выбор [14, 12]. Другой подход предлагает обратить внимание на личностные факторы: личные интересы, склонности, понимание своих возможностей и врожденных способностей [2].

Однако во всех исследованиях в малой степени представлены факторы макроуровня, что становится предельно важным при анализе современной ситуации в науке. Для построения модели, которая достаточно полно объяснила бы выбор профессии ученого, необходимо обратиться к сегодняшнему положению данной профессиональной группы.

Распад СССР самым негативным образом отразился на состоянии науки, и хоть прошло больше 20 лет, последствия ощутимы до сих пор. Финансирование резко снизилось, многие НИИ закрылись, отток кадров за рубеж стал критическим, молодые специалисты в науку не приходили. Одной из базовых характеристик положения ученого стала ситуация статусной неконсистентности и общей неустойчивости института науки. Многие качественные и количественные показатели функционирования этого социального института снизились, что, в свою очередь, вызвало ряд существенных противоречий.

Во-первых, Россия как активно развивающаяся и претендующая на мировое лидерство страна нуждается в научной поддержке инновационных проектов и практик, в создании опережающего научного потенциала. При этом уровень финансирования науки неуклонно снижается. «Вся Российская академия наук получает бюджет в полтора-два раза меньше, чем один американский университет», — заявляет академик А. Арбатов [13]. Если развитые страны тратят 3 % ВВП на научные разработки, то Россия — не более 1 %. По мнению руководителей научных учреждений (например, директора Института океанологии Р. Нигматуллина), это приводит к потере колоссального числа потенциально возможных ученых и открытий [10].

Во-вторых, постепенно сокращаются отраслевые институты, а также возможности и полномочия Академий наук. Следовательно, исчезает категория ученых в собственном, узком значении этого слова: для людей данной профессии исследовательско-поисковая деятельность составляла единственную сферу занятости. Государство пытается создать новые стимулы для занятия этой деятельностью, что выражается в поощрении крупных вузов с целью модернизации их научных организаций (программа «5-30-2020», «опорные вузы» и др.). Ставится задача

повысить значимость научной работы в вузах и ускорить модернизацию научно-исследовательского процесса. Данные в монографии «Наука в России» [15, 112] свидетельствуют о том, что 64 % исследователей РАН ведут работу в образовательных учреждениях. Тем самым преподаватели становятся основными субъектами научной деятельности, имея множественную неопределенность своего статуса и с точки зрения федеральных образовательных стандартов, и с позиции Общероссийского классификатора профессий (где зафиксирована профессия «научный сотрудник», которая лишь частично соответствует статусу «ученый» и «преподаватель»), и с точки зрения стимулирования труда, поскольку основные стимулирующие надбавки связаны с научной деятельностью. Такая ситуация «раздвоения» ставит под угрозу качество и преподавательской, и научной деятельности сотрудников вузов, размывая границы профессии.

В-третьих, наука в России традиционно имела федеральное финансирование. Однако современная ситуация предполагает умение ученых самостоятельно находить финансовую поддержку лабораторий и проектов — со стороны бизнеса, работодателей, грантов. Так, И. П. Попова [11, 67] выясняет, что успешные ученые работают в коллективах, полностью ориентированных на проекты с западными коллегами и на получение крупных грантов. Однако при этом они ощущают свою изоляцию от общероссийского научного сообщества и говорят об ограничениях, навязанных условиями получения финансирования.

Наконец, тема финансирования тесно связана с престижностью профессии. Несмотря на регулярно звучащие в новостях сообщения о достижениях отечественных ученых, россияне описывают ситуацию в науке как крайне негативную. В проведенном опросе екатеринбуржцев названы в основном экономические проблемы науки, при этом образ «бедного ученого» наиболее выражен в восприятии молодежи (67 %). Не способствуют формированию положительного образа ученого периодически возникающие сомнения в корректности защиты кандидатских и докторских диссертаций.

Таким образом, радикальное изменение условий макросреды закономерным образом должно вызвать изменения и в модели выбора профессии ученого со стороны нового поколения. Понимание нового соотношения внутренних мотивационных устремлений и внешних детерминирующих факторов позволит наиболее эффективно решать задачи привлечения молодых кадров в науку, выстраивания взаимодействия внутри профессионального сообщества ученых, а также адаптации молодых специалистов к нестабильным социально-экономическим условиям функционирования института науки.

Методология и методика исследования. Произшедшая институционализация науки сопровождалась ее активным включением во все сферы жизни общества: она больше не является отдельной, изолированной частью культуры. Профессия ученого отражает в себе как общие признаки любой профессиональной группы, так и особые черты. Еще М. Вебер считал, что «наука вступила в такую стадию специализации, какой не знали прежде» [3, 707].

В социологии выделилось два классических подхода к феномену профессии. Макросоциологические идеи прослеживаются в теориях К. Маркса, Г. Спенсера,

Э. Дюркгейма, Т. Парсонса. Так, основываясь на идеях дифференциации деятельности, Т. Парсонс разделяет понятия «занятие» и «профессия» и выделяет следующие критерии профессии: 1) формальная подготовка, сопровождающаяся институционализированными моделями контроля компетенции обучаемых; 2) навыки реализации полученных профессиональных знаний; 3) наличие у профессионалов уверенности в том, что их компетенция используется в интересах всей социальной системы [1, 57]. Пожалуй, именно профессия ученых может в наивысшей степени демонстрировать актуальность данных критериев.

Микросоциологический подход к изучению профессии опирается на понятия социального взаимодействия индивидов, коммуникации, повседневной реальности. Один из его основателей, М. Вебер, связывает профессию в первую очередь с социально-экономическими аспектами развития личности и призванием человека, а только потом с потребностями общества. В рамках этого подхода теория человеческого капитала определяет профессию как совокупность ресурсов личности, необходимых для выполнения определенной оплачиваемой деятельности.

Современные исследователи профессии также используют институциональный подход, согласно которому профессия существует в обществе и как вид деятельности, и как особый тип социальной общности, и как социальный институт. Г. Б. Кораблева [7] указывает, что любой специализированный вид деятельности (в данном случае профессия) проходит через определенную институционализацию и включает в себя общественную потребность; формирование норм, санкций, стандартов для координации этой деятельности; определение необходимого уровня способностей, знаний и умений; выделение профессиональных образцов поведения и др.

Следовательно, завершением процесса институционализации становится формирование профессионального сообщества, которое, с одной стороны, регулирует все профессиональные нормы (формальные и неформальные), поощрения и санкции, занимается рекрутом и интеграцией новых членов, с другой, является официальным объединением по признаку профессиональной принадлежности. Р. Н. Абрамов предлагает синтетическую модель профессионального сообщества, включающую четыре критерия профессионала: наличие специального образования, профессиональная деятельность как основной источник дохода, значимость символических и духовных составляющих работы, сформированность профессионального габитуса (профессиональные ассоциации, профессиональный этиос, общие социальные интересы, идеология профессионализма и т. п.) [12, 82].

Исходя из интегрированного институционального подхода, профессия ученого сложилась под влиянием потребности общества в расширении знаний, познании окружающей среды и развитии техники. В научной деятельности сформировался ряд требований, как профессиональных, так и моральных, по отношению к использованию получаемой информации, «чистоте» исследований, открытости доступа общественности к результатам исследования и т. д., называемый «кодексом ученого».

При этом специфичность данной профессии изначально проявляется уже на этапе обучения: «на ученого» нигде не учат, профессиональное образование

ученого формально не может быть определено, поскольку даже уровень магистратуры не предполагает с неизбежностью работу ученым после завершения образования. Безусловно, аспирантура может формировать способность к самостоятельным исследованиям, критическому мышлению, учить принципам научного стиля, но и она не является той специальной профессиональной подготовкой, которая может быть рассмотрена как атрибут профессии ученого.

Отсюда — высокая символизация профессии ученого со стороны как внешней среды (государства, общества, других институтов), так и внутреннего сообщества. С одной стороны, в этом процессе задействованы формальные показатели научной деятельности, такие как присуждение научной степени, определенное количество публикаций, грантов, регулярность участия в конференциях, индекс Хирша и др. С другой стороны, важны неформальные показатели: принятие в научное сообщество, членство в ассоциациях, участие в конференциях, актуальность тем, личный авторитет ученого, международные премии. Формирование сетевого капитала ученых происходит за счет включения в систему связей, выходящих за пределы института науки, а зачастую регулируемых и финансируемых внешними субъектами.

Предметом постмертонианской социологии науки становятся изучение конкретных стандартов поведения ученых, специфика поведения внутри конкретных научных сообществ, формы организации знания и их обусловленность внешними социальными процессами и внутренней деятельностью ученых. Особое значение здесь придается факторам выбора профессии ученого, поскольку именно они определяют дальнейшую направленность и приоритетность поведения внутри профессии.

Изменение современных условий функционирования института науки в России вызывает ряд вопросов. Во-первых, как и почему происходит выбор профессии ученого? Во-вторых, происходит ли «межпоколенческий разрыв» между различными поколениями ученых, в том числе и в связи с изменением системы факторов, определяющих выбор данной профессии у молодого поколения? В-третьих, сохраняется ли значимость профессионального сообщества как основного субъекта признания статуса ученого?

В 2016 г. автором было проведено исследование «Факторы выбора профессии ученого». Было опрошено 206 ученых по направлениям технические, естественные, гуманитарные и общественные науки ($n = 206$). В исследовании была применена целевая квотная выборка, реализованная среди участников конференций, проведенных за последний год в Уральском регионе. Также для определения образа ученого были опрошены жители Екатеринбурга в возрасте старше 18 лет ($n = 250$).

В исследовании выделены четыре анализируемые группы на основании статуса и возраста: 1) так называемые «начинающие ученые» — аспиранты 20–25 лет; 2) «молодые ученые» — кандидаты наук 25–39 лет; 3) «ученые среднего возраста (кандидаты)» — кандидаты наук от 40 лет, 4) «ученые среднего возраста (доктора)» — доктора наук от 40 лет. Выбор профессии ученого представителями данных научных когорт происходил в разных социокультурных

и экономических условиях. После распада Советского Союза Россия встала на путь постиндустриального общества. В этом случае, как утверждает Д. Белл, изменяется сам принцип научного знания и его основными признаками являются центральная роль теоретического знания, создание новой интеллектуальной технологии и рост класса носителей знания [6]. Однако только первая когорта может выступать носителем этих изменений. Более старшие подгруппы осуществляли свой профессиональный выбор в условиях перестройки, когда наука мало привлекала внимание государства, или на излете советской системы управления наукой. Отметим, что в 1992 г. было проведено исследование выбора профессии ученого среди аспирантов «Путь в науку» [8], представители этого научного поколения в нашем исследовании представляют группы кандидатов и докторов наук старше 40 лет.

Результаты исследования. В ходе исследования были применены две обобщенные модели выбора профессии. Первая модель — приход в профессию по призванию, которое можно определить как «склонность, внутреннее влечение к какой-либо профессии и убежденность, что она “подходит” человеку, что он обладает необходимыми для этого способностями» [4, 3]. Вдохновение и труд, склонности и страсть — вот те основания, на которых держится призвание, по мнению М. Вебера. Однако мы не можем обойти здесь психологическую и природную детерминанту, поэтому будем учитывать такие факторы, как врожденная любознательность, романтичность, интерес к познанию в соответствии с теорией природных детерминант А. В. Меренкова [9]. Традиционно выделяется ряд профессий (врачи, учителя, деятели искусств, ученые), для которых призвание считалось необходимым условием. Второй моделью выбора профессии является «карьерная». Здесь для индивида не важна специфика профессии ученого, он определяет ее привлекательность по стандартному набору показателей, таких как престижность в обществе, удобство работы, условия труда, размер заработной платы и т. д. «Карьерная» модель предполагает более поздний выбор профессиональной направленности и выраженное влияние макрофакторов.

На современном этапе карьера ученого потенциально может привлекать студентов и в силу развития их способностей, и в силу возможности использовать науку как канал вертикальной мобильности.

Кто является авторитетом для исследуемых групп? В целом наиболее авторитетными являются научные деятели (46 %). «Начинающие ученые» по сравнению с другими группами сильнее подвержены влиянию преподавателей (работников) вуза и родителей в сочетании со сниженной авторитетностью научных деятелей. «Молодые ученые» демонстрируют «независимость» мнений и отсутствие авторитетов (как прямым выбором данного ответа, так и высокой долей затруднившихся с ответом).

Время выбора профессии ученого в большинстве случаев приходится на окончание вуза. При этом можно выделить следующие тенденции: 1) только в категории докторов наук старше 40 лет значима доля тех, кто выбрал эту профессию в детстве (16 %); 2) у самой начинающей категории чаще встречается совпадение момента поступления в вуз с появлением ориентации на научную деятельность;

3) среди кандидатов наук по сравнению с докторами наук такого же возраста практически в 3 раза выше доля тех, кто пришел в науку, имея опыт работы в других сферах (28 и 10 % соответственно).

Таким образом, сложилось три основных варианта входа в профессию: 1) работа только в вузе — около половины ученых вне зависимости от когорты; 2) сначала работа вне вуза, потом возврат к научной деятельности — от 15 до 25 % всех ученых; 3) поступили в аспирантуру и только позже сделали выбор в пользу профессии ученого — от 15 до 40 %.

Интересно в этом контексте систематизирование данных о внутренней мобильности ученых, полученных в проекте Высшей школы экономики (ВШЭ) [5]. Три четверти научных сотрудников пришли в организацию сразу после окончания вуза. Около 20–25 % ученых совершают переход в другие научные организации или уходят /приходят в образование. Сфера бизнеса практически не дает пополнения сообщества ученых, но при этом 51 % уволившихся уходит именно в частный бизнес (тем самым выбывая из научной сферы). Особую группу составляют 6 % научных организаций, где за последние годы вообще не происходило изменения кадрового состава.

Таблица 1

Направления мобильности научных кадров

Откуда чаще всего приходят новые научные сотрудники	Количество, %	Куда (в какие организации) чаще всего уходят научные сотрудники	Количество, %
Из вуза, после окончания бакалавриата, магистратуры или аспирантуры	75,6	—	—
Из других научных организаций	24,6	В другие научные организации	24,2
Из образовательных учреждений	26,6	В образовательные учреждения	19,7
Из органов исполнительной и законодательной власти	2,4	В органы исполнительной и законодательной власти	7,1
С государственных предприятий	4,0	На государственные предприятия	8,0
Из частного бизнеса	2,1	В частный бизнес	51,3
К нам не приходили новые научные сотрудники	6,4	От нас не уходили научные сотрудники	5,8
—	—	На пенсию	27,7

В целом описанная ситуация актуализирует вопрос о самовоспроизводстве ученых: в ситуации, когда в ряде профессий вынужденно ставятся ограничения и дополнительные требования для желающих попасть в них (юристы, экономисты, военные и др.), спецификой ученых является необходимость непрерывных целенаправленных усилий по привлечению новых кадров. Покинув вуз, люди с высшим образованием практически перестают целенаправленно интересоваться наукой (что сводит шансы на их возврат в эту сферу практически к нулю). При опросе

жителей Екатеринбурга не удалось выявить различий в уровне информированности о состоянии науки, знании и интереса к современным научным проблемам у людей с высшим образованием и без него. Все в одинаковой мере говорят о своей низкой информированности, называют в качестве источников информации неспециализированные СМИ, указывают на низкий интерес к государственной политике в этой сфере и т. п.

Важно узнать, кто оказал решающее влияние в момент выбора профессии ученого. Как и следовало ожидать, наибольшее влияние во всех группах было оказано научным руководителем. Опора на коллег, их критика, устойчивость деловых контактов, атмосфера сотрудничества — все эти факторы имели традиционный характер и были зафиксированы в качестве необходимых условий для оптимизации труда ученых, например, в исследовании аспирантов в 1992 г.: большинство входило в профессию под «патронажем» своего руководителя. Это касалось как выбора темы научной работы (по мнению Н. Н. Маликовой и О. В. Рыбаковой, это, как правило, «полуразработанный фрагмент исследовательской темы старшего коллеги»), так и участия в проектах под руководством своих преподавателей [8].

Однако среди нынешнего нового поколения ученых существует устойчивая часть, которая отрицает влияние на их выбор профессии извне, в том числе научного руководителя (18 % в когорте начинающих и молодых ученых). С одной стороны, появление группы самостоятельно приходящих в науку специалистов является позитивной чертой современной ситуации. С другой стороны, это свидетельствует о разрушении внутри научного сообщества традиционных принципов взаимодействия, составляющих базис профессионального габитуса: ссылки на труды коллег больше не содержат критическую составляющую, дискуссии заменяются докладами и т. п.

Следовательно, различия в профессиональных потребностях разных когорт ученых можно проанализировать в двух аспектах: изменения внутри когорты от момента выбора профессии до настоящего времени и различия между когортами.

Если говорить о мотивах выбора научного пути, большинство исследователей делает акцент на потребности ученых в реализации творческого потенциала. Именно творчество расценивается как «естественное состояние» ученого, сфера его свободы и самоутверждения; 80 % участников проекта считают, что познавательная функция остается главной для науки. Другие традиционные функции науки — образовательная и мировоззренческая — также важны представителям всех поколенческих групп ученых. По результатам опроса ВШЭ [5], перспективы интересной работы в момент выбора трудового пути привели в науку 50 % научных сотрудников и удерживают в ней 64 %.

На этом фоне существенно выделяется позиция нынешних аспирантов: 42 % указали на коммерческую функцию науки (по сравнению с 15 % в старших группах). С одной стороны, это вполне соответствует ряду современных тенденций, связанных с коммерциализацией всех сфер жизни общества: в том числе и наука все больше основывается на взаимовыгодных отношениях, на принципах успешности; появляется парадигма «наука ради денег», которая приходит на смену «науке ради людей/усовершенствования жизни». С другой стороны, меняется система

мотивов молодых ученых: карьерные (и статусные) ожидания становятся все более значимым фактором выбора данной профессии, вытесняя мотив познания и изменения мира (табл. 2).

Таблица 2

Профессиональные потребности

Профессиональные потребности	Начинающие ученые		Молодые ученые		Кандидаты наук старше 40 лет		Доктора наук старше 40 лет	
	1*	2	1	2	1	2	1	2
Уровень заработной платы	28,9	51,1	14,5	66,1	15,0	44,4	10,5	63,2
Возможность получения признания и уважения	42,2	33,3	30,6	33,9	32,5	25,4	31,6	49,4
Возможность раскрыть свои таланты и умения	44,4	40,0	43,5	40,3	61,9	17,5	57,9	21,1
Возможность изучать и изменять окружающий мир	34,4	30,0	38,5	40,3	52,4	20,6	51,6	26,3

*1 – на стадии выбора профессии, 2 – в данный момент.

При этом трансформацию критериев идеального ученого можно наблюдать по изменению публикационной активности. Ученые среднего возраста (доктора наук) 10 лет назад активно писали статьи на бесплатные конференции и в журналы уровня ВАК. В настоящее время они вполнину снизили свою активность в этих направлениях, зато в два раза выросло количество статей, которые они посылают в платные журналы. Связано это, возможно, с тем, что 1) на представителей ученых высшего уровня в настоящее время ложится много административной работы, поэтому они не успевают писать статьи в том же объеме, как раньше; 2) при этом возрастают требования публикационной активности, в том числе в зарубежных изданиях.

Как раз члены этой группы отмечают возросшую формализацию системы образования и науки: «абсолютная бюрократизация всего; отсутствие лабораторной базы; продавливание/навязывание решений высшего руководства, гонящегося за формальными показателями». Ученые среднего возраста (кандидаты наук) и молодые ученые также в 2 раза снизили свою активность в написании статей на бесплатные конференции, однако в 2,5 раза чаще стали писать в журналы уровня ВАК или «Скопус». Связана такая тенденция с тем, что к современным кандидатам наук предъявляют максимально высокие требования по части написания различных статей.

Таким образом, несмотря на то что обе модели выбора профессии зафиксированы у представителей всех групп ученых, начинающие ученые (аспиранты и магистранты) в гораздо большей степени являются носителями амбивалентного сознания. Так, признавая высокую важность самоорганизации и амбициозности

исследователя, только половина видит эти черты у себя. При этом большинство имеет хобби, направленные на развитие воображения, мышления, креативности. Определяющим фактором в момент выбора профессии стало желание получить признание (в группе молодых ученых доминирует желание создать что-то новое в науке, доктора наук в момент выбора профессии были вдохновлены возможностью развить свои способности). Некоторый парадокс обнаруживается и в их оценке престижности профессии ученого. С одной стороны, только 6 % нынешних аспирантов считают, что профессия ученого популярна в молодежной среде. С другой — 64 % опрошенных полагают, что в современном обществе почетно быть кандидатом (доктором) наук и они сами рады, что выбрали такой профессиональный путь.

В рамках изучения российских ученых было зафиксировано противоречие, связанное с тем, что термин «ученый» активно употребляется как в повседневном, так и в научном словаре, однако не имеет однозначного определения, даже в нормативных документах, и зачастую синонимичен категориям «научный работник», «доктор наук» и т. д.

Проведенный анализ позволил выявить новые тенденции в модели выбора профессии ученого: активное внедрение карьерных и статусных ориентаций, снижение ориентации на авторитет старших поколений, готовность воспринимать науку как коммерческую сферу. В ситуации активно идущего процесса поиска и утверждения количественных индикаторов, способных измерить качество научной деятельности, молодые ученые меняют восприятие своего профессионального окружения: научное сообщество становится сетью формализованных коммуникаций, где коллегиальность открытий заменяется индивидуализацией показателей.

Далее, функционирование профессионального сообщества неразрывно связано с понятиями профессиональной культуры. Р. Мертон ввел понятие «этоса науки» как аффективно окрашенного комплекса ценностей и норм, считающегося обязательным для человека науки и имеющего строгие рамки. Сейчас ожидания оптимального поведения (в рамках «этоса науки») противоречивы, и молодой ученый сталкивается с необходимостью индивидуального (и индивидуализированного) самоопределения модели профессионального поведения. Это противоречие усиливается проблемами самоидентичности молодежи: если раньше профессия ученого ассоциировалась с реализацией призвания, «саморастворением» в научной деятельности, то сейчас нарастают процессы частичной идентификации (ученый как преподаватель, менеджер, предприниматель).

Очевидно, что решение вопроса прихода в науку молодых специалистов требует постоянного взаимодействия сообщества ученых с населением, потенциальной аудиторией в лице школьников и студентов, с институтами СМИ и образования. Без поддержки общества и государства в контроле микро-, мезо- и макрофакторов, определяющих выбор профессии ученого, эта задача не может быть решена.

1. Абрамов Р. Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по работам Т. Парсонса) // Социол. исслед. 2005. № 1. С. 54–66.
2. Ахметова Я. М., Мухаметзянова Л. К. Факторы влияния на выбор профессии у старшеклассников (на примере Республики Татарстан) [Электронный ресурс]. URL: http://teoriapRACTICA.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/19/sociology/akhmetova-mukhametzyanova.pdf (дата обращения: 01.04.2017).
3. Вебер М. Наука как профессия и призвание // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 707–735.
4. Вишневский С. Ю. Призвание как социокультурная проблема: историко-социологический анализ : автореф. дис. ... докт. социол. наук: 22.00.01. Екатеринбург, 2006.
5. Единый архив экономических и социологических данных. Условия работы ученых и привлекательность научной карьеры. Организатор – Высшая школа экономики (ГУ-ВШЭ) [Электронный ресурс]. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3759&T=m&en=0 (дата обращения: 02.04.2017).
6. Иноземцев В. Л. Даниел Белл как исследователь [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 2(70). С. 111–117. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/17/1251234158/s111-117_Journal_Monitoring70.pdf (дата обращения: 03.04.2017).
7. Кораблева Г. Б. Становление подходов к социологии профессий в России // Социол. исслед. 2013. № 1. С. 109–117.
8. Маликова Н. Н., Рыбакова О. В. Путь в науку [Электронный ресурс] // Социол. журн. 1995. № 1. С. 155–158. URL: <http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/147/submission/original/147-274-1-SM.pdf> (дата обращения: 30.03.2017).
9. Меренков А. В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург, 2007.
10. Недофинансирование — все еще одна из главных проблем науки // Портал «Научная Россия». Выпуск от 05.02.15. URL: <http://scientificrussia.ru/articles/odnoj-iz-glavnyh-problem-nauki-bylo-i-ostaetsya-nedofinansirovanie> (дата обращения: 30.03.2017).
11. Попова И. П. Профессиональный статус научных работников — вариации поведения // Социол. исслед. 2001. № 12. С. 64–72.
12. Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей / под ред. В. А. Мансурова. М., 2013.
13. РАН решила бороться с невостребованностью знаний [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2875375> (дата обращения: 07.04.2017).
14. Социальная группа юристов: мотивация вхождения в профессию и траектория мобильности / М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина, И. П. Попова, Н. С. Мاستикова. М., 2014.
15. Шереги Ф. Э., Стриханов Н. М. Наука в России: Социологический анализ. М., 2006.

Рукопись поступила в редакцию 22 апреля 2017 г.

УДК 316.74:37.01 + 378.1 + 378.22

**В. С. Каташинских
А. В. Кульминская****ПРОТИВОРЕЧИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ
НА ОБУЧЕНИЕ В МАГИСТРАТУРЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ***

Магистерское образование в России — относительно новое явление в системе российского высшего образования, в связи с чем понимание его сути субъектами образовательного процесса, в том числе студентами, достаточно противоречиво, зачастую мифологизировано. Целью данной статьи является разработка типологии студентов на основе их образовательных ориентаций на обучение в магистратуре. Исследование проводилось среди студентов Екатеринбурга методами анкетирования и биографических интервью. Авторами выделено три типа студентов: ориентированные на профессионализм, ориентированные на получение диплома, ориентированные на карьеру. Эта типология позволяет определить противоречия в образовательных ориентациях студентов, разработать ряд мер по привлечению студентов к обучению.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социология образования, магистратура, бакалавриат, студент, типология, ориентации, высшее образование.

Сегодня в России магистратура, с одной стороны, переходный этап между базовым высшим образованием (бакалавриатом) и последующей научной работой в аспирантуре и докторантуре. С другой стороны, это углубленное высшее образование, которое дает более широкий набор профессиональных знаний, навыков, компетенций, чем бакалавриат, и позволяет молодому специалисту начать свою профессиональную деятельность с более высокой ступени на карьерной лестнице по сравнению со своими коллегами — специалистами или бакалаврами.

Ориентации студентов на обучение в магистратуре, так же как и факторы формирования этих ориентаций, представляется необходимым изучать особо, так как активно идет процесс институционализации магистратуры в России как нового уровня высшего профессионального образования. Обращение к различным типологиям студентов позволяет выделить наиболее значимые характеристики данной социальной группы, а также противоречия в образовательных ориентациях студентов.

В социологической литературе мы можем найти массу типологий студентов. Однако большинство из них основано на социально-демографических характеристиках, например, гражданство [1], профиль полученного среднего образования [2]. Ряд типологий основан на поведенческих характеристиках студентов [3, 4].

Разработка любой типологии начинается с выделения типов. Тип — некая обобщенная единица, которая представляет собой совокупность свойств, черт, характеристик, присущих только этому типу. В то же время принципиальное отличие типологии от, например, классификации заключается в том, что рамки разработанной типологии допускают возможные отклонения от выделенных свойств.

* Работа выполнена в рамках проекта № 15-03-00069 «Формирование профессионального этоса современного инженера: гендерный и функциональный аспекты», поддержан РГНФ.

А поскольку образовательные ориентации характеризуются подвижностью, изменчивостью, то представляется возможным выделять именно их типологию. Образовательные ориентации студентов детерминируются массой факторов, как внешних, так и внутренних. Причем обе эти группы факторов могут также подразделяться на личные (внутренние) и «вузовские» (внешние). Личные факторы, как правило, подразумевают влияние родителей, друзей, собственных интересов, личных качеств и т. п., в то время как «вузовские» варьируются от престижа вуза до личности каждого конкретного преподавателя, поскольку, как известно, да и многие студенты это подтверждают, восприятие и отношение к той или иной дисциплине зависят в большей степени от подачи преподавателем материала, личности преподавателя, а не от содержания предмета.

Типология, разработанная авторами данной статьи, основана на двух факторах — отношения к учебе и ориентации на обучение в магистратуре. Эти факторы являются внутренними, личными. Они определены на основе опыта обучения студентов по тому или иному направлению подготовки, общения с преподавателями, понимания содержания учебных программ. Стоит отметить, что выделенные нами факторы неразрывно связаны с ценностными ориентациями студентов, как образовательными, так и профессиональными. В ходе нашего исследования мы опирались на характеристику ценностных ориентаций уральских студентов, выявленную учеными Уральского федерального университета [5, 59]. Таким образом, объектом типологии в данном исследовании являются образовательные ориентации.

Формирование любой типологии студентов невозможно без понимания специфических характеристик студенчества как социальной группы [6, 52]. Приведем социальный портрет студенчества XXI в. «Прагматический подход рассматривается как ведущая тенденция, проявляемая в постановке таких конкретных жизненных целей, как получение качественного образования, профессиональный и карьерный рост, любовь как приоритетная ценность по сравнению с ценностью денег, профессиональный успех. Отмечается высокая оценка свободы, понимаемой в ее экзистенциальном измерении, имеющей более высокую ценность, чем успех в социальной и политической сферах. Отличающая сегодняшнего студента ценностная ориентация, реализуемая в тяготении к потребительству и бытовому комфорту, сочетается с принципиальным отказом от получения денег любой ценой» [7, 8]. При определении факторов формирования ориентаций студентов на обучение в магистратуре был использован принцип выделения объективных и субъективных по своему происхождению элементов детерминации [8, 120].

В данной статье представлены материалы исследований авторов, реализованных в период 2011–2016 г. Исследования предполагали изучение мнений студентов, обучающихся по программам бакалавриата в вузах Екатеринбурга, методом анкетирования ($n = 1038$, 2011 г.; $n = 380$, 2015 г.). Также была проведена серия глубинных интервью, проведенных с выпускниками-бакалаврами ($n = 23$, 2016 г.).

Когда мы говорим об основных мотивах, которые побуждают выпускников-бакалавров продолжить свое обучение в магистратуре, мы можем выделить возможность получения дополнительных знаний и навыков, которые будут

способствовать профессиональному и карьерному росту (65,7 % респондентов); приоритет перед конкурентами с дипломами бакалавра и специалиста при трудоустройстве (60,1 % ответивших); саморазвитие (32,3 % респондентов). Другими словами, основными факторами, влияющими на решение обучаться в магистратуре, являются профессиональный и карьерный рост.

Выпускники бакалавриата, отказавшиеся от получения степени магистра, говорят, что магистратура — для тех, кто планирует заниматься наукой или преподавать, а для успешной практики достаточно диплома бакалавра (66,9 % респондентов). Но суть магистерского образования вовсе не сводится только к будущей научной деятельности. Выпускник-магистр может применять свои знания в любых областях. Обучение в магистратуре дает дополнительные навыки аналитической, исследовательской работы, которые полезны любому человеку.

Многие респонденты отмечали, что хотели бы посетить лекции или мастер-классы профессионалов той области, в которой они планируют работать. Но зачастую студент-бакалавр не готов к работе на таких занятиях. По нашему мнению, подобная форма работы со студентами хорошо подходит именно для магистратуры. Магистры уже обладают базовыми знаниями в изучаемой области, мотивированы на освоение новых навыков и способны адекватно воспринимать материал от человека, не обладающего педагогической подготовкой.

Таким образом, мы выходим на целый комплекс противоречий в образовательных ориентациях студентов. Одно из них — это противоречие между желанием студентов получать конкретные профессиональные знания и навыки и их готовностью к этому. Когда мы говорим о том, что взаимодействие вуза и работодателя необходимо, то предполагаем, что студент будет готов к участию в различных совместных проектах образовательного учреждения и бизнеса. Но, к сожалению, практика показывает, что далеко не каждый студент имеет четкие образовательные и профессиональные ориентации.

Второй фактор, который мы использовали при формировании типологии, — отношение к учебе. Он включает три элемента: отношение к учебе в целом; удовлетворенность качеством учебного процесса, удовлетворенность собственными успехами в учебе. Результаты проведенного авторами исследования показывают, что абсолютному большинству студентов в той или иной степени нравится учиться (86 % респондентов). В нашем исследовании мы не дифференцировали студентов по типу повседневных практик, но стоит отметить, что введение балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов ведет к отсеву тех студентов, которые склонны к обучению методом погружения, осваивая материал за короткий промежуток времени в начале или в конце семестра. Поэтому, когда мы говорим о студентах, которые любят учиться, то имеем в виду именно тех, кто склонен к регулярным занятиям.

Что касается качества собственного образования, то студенты в целом дают ему положительную оценку, что подтверждается данными табл. 1. А это безусловно является одним из факторов, детерминирующих ориентации студентов на обучение в магистратуре.

Таблица 1

**Влияние удовлетворенности качеством образования
на ориентации студентов на обучение в магистратуре, % от числа ответивших**

Удовлетворенность качеством образования	Ориентации на обучение в магистратуре	
	Да	Нет
Полностью удовлетворен	66,0	34,0
Скорее удовлетворен	63,2	36,8
Скорее не удовлетворен	44,4	55,6
Совершенно не удовлетворен	40,7	59,3

Чем выше удовлетворенность студентов качеством своего образования, тем более они ориентированы на обучение в магистратуре. Действительно, если студент считает, что получил качественное образование в бакалавриате, почему бы не повысить его уровень в магистратуре? Другое дело, что студенты часто оценивают только свои результаты, не учитывая то, кто, чему и как учил их в вузе, кто будет продолжать их обучение. Здесь мы снова возвращаемся к необходимости привлечения узких специалистов к процессу обучения.

Таким образом, среди противоречий, характеризующих образовательные ориентации студентов, мы можем выделить противоречие между самооценкой студентов и реальными знаниями, умениями и навыками, которыми они обладают. К сожалению, современный учебный процесс часто не позволяет объективно оценивать имеющиеся у студентов достижения. Это связано и с введением балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов, и с использованием независимого тестового контроля. Сюда же можно отнести увеличение норматива «количество студентов на одного преподавателя», что тоже так или иначе влияет на возможность преподавателя разобраться в качестве знаний студентов по предмету.

Кроме описанных выше составляющих учебного процесса в анализируемом исследовании студентам предлагалось оценить удовлетворенность своими знаниями, практическими навыками и оценками. Почти половина опрошенных студентов скорее удовлетворена своими оценками, знаниями и практическими навыками. Больше всего студенты оказались удовлетворены своими оценками, второе место в рейтинге занимают знания, а на последнем месте — практические навыки (табл. 2).

Таким образом, мы подтверждаем противоречие, описанное выше. Мы имеем в виду тот факт, что зачастую в процессе обучения акцент делается на рейтингах, баллах, как правило, в ущерб качеству образования, качеству знаний, умений и навыков студента и соответственно будущего выпускника.

Таблица 2

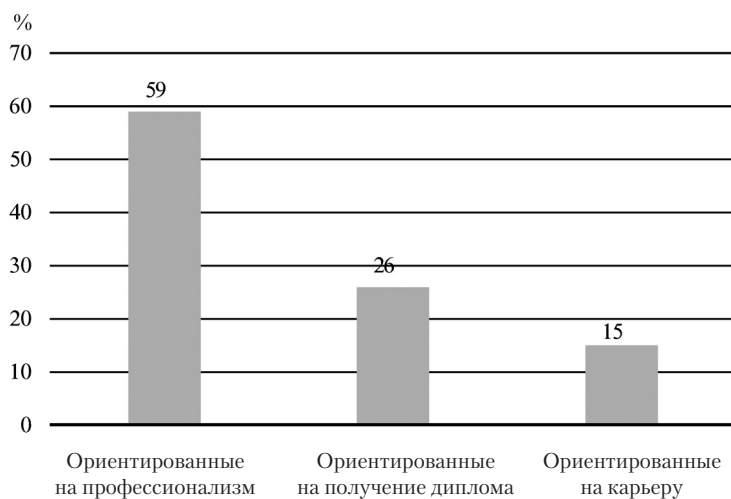
Влияние удовлетворенности успехами в учебе на ориентации студентов на обучение в магистратуре, % от числа ответивших

Удовлетворенность успехами в учебе	Удовлетворен		Скорее удовлетворен		Скорее не удовлетворен		Не удовлетворен	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Ориентации на обучение в магистратуре								
Удовлетворенность оценками	78,4	21,6	66,0	34,0	62,0	38,0	53,8	46,2
Удовлетворенность знаниями	76,7	23,3	68,4	31,6	62,9	37,1	47,1	52,9
Удовлетворенность практическими навыками	63,3	36,7	69,3	30,7	75,2	24,8	50,8	49,2

В результате анализа различных факторов, детерминирующих ориентации на обучение в магистратуре, была разработана типология студентов. Как уже упоминалось выше, данная типология основана на двух признаках: отношение к учебе и ориентации на обучение в магистратуре. В данной типологии выделено три типа студентов: ориентированные на профессионализм, ориентированные на карьеру, ориентированные на получение диплома более высокого уровня. Распределение студентов по данным типам представлено на рисунке.

К первому типу были отнесены респонденты, которые оказались более других удовлетворены своей учебой. Этот тип назван «ориентированные на профессионализм». Для таких студентов «Образование как самоцель» является девизом на протяжении всего процесса обучения. Эти студенты учатся на «хорошо» и «отлично», имеют различные публикации, являются хотя бы однократными участниками каких-либо конкурсов студенческих работ. Также именно в данной группе студентов фиксируется самый высокий уровень интереса к освоению нового знания. Образование стоит на одной из верхних строчек в рейтинге жизненных ценностей у таких молодых людей. По данным проведенного исследования, ориентированных на профессионализм студентов — 59 %, среди них в основном девушки, являющиеся студентами бюджетной формы обучения, с высоким средним баллом, обучающиеся на гуманитарных специальностях.

В ходе биографических интервью, проведенных с выпускниками бакалавриата, которых мы относим к данному типу, молодые люди отмечали, что «*учиться в бакалавриате было интересно*», «*преподаватели нравились*», «*структура и содержание курсовых проектов позволяли участвовать в конкурсах студенческих работ*», «*полученные знания в университете пригождаются на работе*», «*обучение в магистратуре нужно для карьеры*». Таким образом, мы можем заключить, что студенты, ориентированные на профессионализм, считают, что обучение в магистратуре — это не только необходимое условие для эффективной профессиональной деятельности; они отмечают также личный интерес к учебе.

Распределение студентов по типам, % от числа ответивших

Самая существенная характеристика ориентированных на профессионализм студентов — подвижность ориентаций на обучение в магистратуре. Несмотря на то что более половины респондентов подтверждают планы обучаться в магистратуре, только 10–15 % из них реально поступают в магистратуру. Мы считаем, что меры, направленные на привлечение студентов в магистратуру, должны быть в большинстве своем адресованы именно этой группе студентов. Среди направлений, в рамках которых стоит организовывать мероприятия по привлечению студентов данного типа в магистратуру, мы можем назвать финансовое, профессиональное и научное. К финансовым мерам можно отнести решение жилищного вопроса, а именно, предоставление дополнительных мест в общежитиях для магистров, введение дополнительных бонусов, стипендий, поощрений. Но главным мы считаем увеличение числа целевых мест, опять же в рамках программ взаимодействия вуза и работодателя.

Введение балльно-рейтинговой системы поставило студентов перед сложным выбором: не работать и иметь хорошую успеваемость или работать и получать практический опыт, но пропускать занятия и, как следствие, иметь низкий средний балл в «зачетке». Действительно, последние исследования показывают, что современные студенты не работают, то есть к моменту окончания вуза не имеют никакой практики. А работодателя это категорически не устраивает. Лишь немногие современные работодатели вкладываются в обучение своих кадров, считая, что выпускники вузов должны обладать всем необходимым набором компетенций. В современной России отсутствие системы обучения кадров на рабочем месте обусловлено не только нежеланием работодателя, но также тем, что многие организации не имеют достаточно ресурсов для этого. А вуз, являясь оторванным от бизнеса и производства, часто не может дать студенту то, что от него будут требовать на рабочем месте. Отсюда вытекают и меры по привлечению студентов

в магистратуру, связанные с их будущей профессиональной деятельностью: это возможность для студентов знакомиться, проходить практику, участвовать в обучении и мастер-классах именно на тех предприятиях и в тех учреждениях, которые являются для них наиболее интересными, в которых они видят своих потенциальных работодателей.

Наконец, к научным «бонусам» для магистров должна относиться возможность участвовать в научных конференциях, конкурсах, получать опыт, в том числе и международный. К сожалению, возможности эти опять-таки упираются в финансы, ведь на сегодняшний день участие в большинстве научных мероприятий, особенно международных, является платным. В то же время известно, что сегодня существует масса программ студенческой академической мобильности. Проблема в том, что не все о них знают и не для всех студентов данные программы являются доступными.

Ко второму типу студенчества мы относим «ориентированных на получение диплома». Эта группа составляет 26 % респондентов. Это молодые люди, которые учатся по контрактной форме обучения с низким средним баллом, в большинстве своем на гуманитарных направлениях подготовки. Респонденты, отнесенные к данной группе, не имеют определенных образовательных ориентаций. Диплом для них — «корочка», которая даст возможность работать в различных отраслях. Процесс обучения в вузе такие студенты сопровождают минимальными затратами. Они пассивны, не ведут научной деятельности, не участвуют в конкурсах студенческих работ. Материалы биографических интервью, проведенных в ходе реализации данного исследования, показывают, что для ориентированных на получение диплома студентов не интересен процесс обучения, не важен уровень образования, более того, зачастую для них не имеет значения и направление, по которому они обучаются. В процессе беседы выпускники говорили, что *«учились ради “корочки”», «учиться было неинтересно», «специальность разочаровала», «работать по специальности не собираюсь», большинству оказалось «жалко потраченных денег».* Здесь проявляется одна из существующих проблем современного российского высшего образования, которая заключается в том, что высшее образование для части населения потеряло ценность само по себе.

Последний выделенный тип студентов — «ориентированные на карьеру». Его составляют 15 % наших респондентов. В данную группу попали молодые люди, обучающиеся на контрактной основе, по техническим направлениям подготовки, имеющие высокий средний балл. Анализируя специфические характеристики данных студентов, мы пришли к выводу, что преобладающей ценностью для них является успешный карьерный рост в будущем, залогом которого является отчасти и наличие магистерской степени. Это подтверждается и данными биографических интервью. Молодые люди отмечали, что *«в современном мире образование — залог будущей карьеры», «работодатели требуют дипломы престижных вузов», «диплом магистра является преимуществом при трудоустройстве».*

В ходе проведения нашего исследования мы выявили, что наиболее значимыми факторами, влияющими на ориентации студентов на обучение в магистратуре, являются факторы, связанные с самореализацией личности. Таким образом, можно

говорить о противоречии в сознании студентов. С одной стороны, они осознанно выбирают обучение в магистратуре для того, чтобы в дальнейшем претендовать на более престижную должность или более высокий оклад. Но при этом они много внимания уделяют своим переживаниям, связанным с обучением. То есть обучение в магистратуре важно для них не только как ступень для достижения желаемого места в жизни, но и как процесс, обладающий особыми свойствами: престижем, возможностью раскрыть творческий потенциал в области прикладных и фундаментальных исследований, увеличением продолжительности студенческой жизни.

В заключение хочется особо отметить, что изменения в любом устоявшемся социальном институте сопровождаются противоречиями, проблемами, дискуссиями. Общество, как правило, консервативно, любые перемены встречает негативно. Это подтверждается и нашими данными. С одной стороны, студенты-бакалавры понимают необходимость диплома более высокого уровня, диплома магистра, им нравится учиться, образование для них — значимая жизненная ценность, а с другой стороны, существует масса внутренних и внешних факторов, которые меняют ориентации на обучение в магистратуре. И если на внутренние факторы общество, как правило, не влияет (к ним мы относим материальные возможности, личные приоритеты, личный профессиональный рост), то корректировка набора внешних факторов абсолютно реальна (среди внешних факторов необходимо обозначить степень информированности субъектов образовательного процесса и работодателей о сущности магистратуры, преимуществах магистерского образования и диплома магистра; имидж магистра на рынке труда; развитость государственной поддержки студентов-магистрантов; разработку новых наиболее актуальных для рынка труда магистерских программ).

Нам видится, что в первую очередь должно быть активизировано тесное сотрудничество вуза и работодателя по разработке программ подготовки кадров, которые отвечают требованиям современного рынка труда, экономического состояния региона, страны в целом, мировых тенденций развития общества. Как отмечают и сами выпускники, отказавшиеся от поступления в магистратуру, для студента-магистранта очень важна материальная поддержка, ведь обучение в магистратуре требует серьезных временных затрат, расстановки приоритетов между работой (и соответственно заработком) и учебой в пользу учебы, что зачастую невозможно, так как им нужно содержать себя, а некоторым уже и свои семьи.

В качестве перспективных направлений исследований видится изучение степени и качества развития различных моделей и форм взаимодействия вуза и работодателя с учетом представленных типологий студентов, которые являются субъектами как системы высшего образования, так и рынка труда. Здесь же интерес представляет разработка программ привлечения выпускников-бакалавров в магистратуру с учетом их образовательных ориентаций, а также потребностей работодателя.

2. *Cheong K. C., Ong B.* Pre-college profiles of first year students: a typology // In Taylor's 6th Teaching and Learning Conference (TTLC). 2013. P. 450–450.

3. *Flynn D.* Baccalaureate attainment of college students at 4-year institutions as a function of student engagement behaviors: social and academic student engagement behaviors matter // Research in higher education. 2014. № 55(5). P. 467–493.

4. *Bahr P. R.* The bird's eye view of community colleges: a behavioral typology of first-time students based on cluster analytic classification // Research in higher education. 2010. № 51(8). P. 724–749.

5. *Банникова Л. Н., Боронина Л. Н., Вишнеvский Ю. П.* Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социол. исслед. 2013. № 2. С. 58–68.

6. *Jakobi Anja P., Rusconi A.* Lifelong learning in the Bologna process: European developments in higher education // Journal of Comparative and International Education. 2009. № 39(1). P. 51–65.

7. Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций / под общ. ред. В. И. Астафьевой. Харьков, 2010.

8. *Меренков А. В.* Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург, 2003.

Рукопись поступила в редакцию 5 марта 2017 г.

УДК 378.016:1/3 + 316.74 + 374.3:316.344.3

А. В. Меренков
А. Д. Гурарий

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТИ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье на примере таких стран, как Россия, США и Германия, рассматриваются актуальные проблемы изменения ценности гуманитарного образования в современных условиях. Доказывается, что в результате постоянного повышения роли наук, обеспечивающих создание новых технических устройств, существенно преобразующих производство, быт, способы получения и передачи информации, происходит снижение значимости развития знаний, раскрывающих закономерности взаимодействия индивидов в малых и больших общностях, противоречивость социально-политических, экономических, социокультурных изменений, происходящих в условиях глобализации. Это ведет к сокращению во многих странах мира финансирования вузов, осуществляющих подготовку специалистов по гуманитарным специальностям, трудностям в трудоустройстве выпускников прежде востребованных направлений подготовки. Показано, что гуманитарное образование в условиях, диктуемых современным обществом, требует пересмотра его содержания, расширения сфер применения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ценности гуманитарного образования, гуманитарные науки, глобализация, социокультурная ситуация, образовательный процесс.

Человек во все времена стремился получить определенные знания об окружающем мире с целью первоочередного решения проблем своей повседневной жизни. Чтобы обеспечить себя продуктами питания, он изучал различные растения, выявлял факторы, влияющие на повышение урожайности; для решения

утилитарных задач наблюдал за поведением разных животных, выявляя возможности их использования в домашнем хозяйстве. Необходимость создания новых орудий труда заставляла изучать механические, физические свойства камня, дерева, металлов, других природных материалов. Таким образом, ценность знаний, раскрывающих свойства материальных предметов окружающего мира, которые можно использовать для улучшения условий жизни, облегчения физического труда, была весьма высокой в исследовательской активности людей уже на начальных ступенях формирования человечества [6].

Одновременно не менее значимой проблемой являлось получение знаний о том, как организовать совместную деятельность индивидов в малых и больших группах с целью достижения устойчивости общественной жизни, минимизации конфликтов между представителями старшего и младшего поколения, мужчинами и женщинами, управляющими и управляемыми. Понимая свое качественное отличие от животных, человек периодически задавал себе вопрос о том, как и почему он появился в этом мире, для какой цели.

Побуждением к анализу с научных позиций всего многообразия проявлений человеческой активности было то, что еще на ранних ступенях становления общества возникло религиозное объяснение возникновения человека, его миссии и отношений с теми высшими силами, которые управляют миром, поведением социальных групп и индивидов. Однако религия появилась и существует для регулирования сознания и поведения человека, а не для раскрытия законов физического мира, технологий создания различных орудий труда, технических систем. Она сама является частью гуманитарного знания, особым образом раскрывая смысл, цели, содержание материальной и духовной деятельности человека. При этом утверждение ценности духовного фактора в религиозном познании мира является ведущим, определяющим отношение людей к тем орудиям труда, предметам, которые они создают для улучшения труда, быта, отдыха. Утверждая в качестве ведущей цели служение Богу, религия ориентирует каждого индивида на особое управление всеми видами его взаимодействия с природой, техникой, малыми и большими общностями [11].

Вопросы осмысления мира и бытия человека в нем стали предметом философии, которая зародилась в античное время как наука о законах устройства природы, человеческого сознания, факторах, определяющих преобразовательную деятельность людей. Главной задачей этой первой гуманитарной науки, из которой впоследствии выросли все современные науки о человеке, природе, технике, было объяснение как мироустройства, так и поиск способов его совершенствования. Объектом исследования был человек как уникальное существо, обладающее способностями познавать и менять окружающий мир, исходя из своих интересов. Предметом изучения являлись отношения человека к окружающему миру, возможности его преобразования, принципы познания бытия [2, 4–5].

На определенном этапе исторического развития многие гуманитарные науки, такие как история, социология, психология, социальная антропология, политология, педагогика, культурология и др., стали активно развиваться, что способствовало росту интереса к результатам их исследований со стороны властей. Он

был связан не только с получением научных знаний об общественном устройстве. Финансовая, материальная поддержка государством институтов, занимающихся изучением взаимоотношений между индивидами в малых и больших общностях в прошлом и в наше время, подготовка специалистов, компетентных в сфере человеческих отношений, направлена на решение такой важной задачи, как сохранение и укрепление существующей власти. В этом заключается в конечном счете ценность значительной суммы знаний, которые получают ученые, изучая общественные процессы.

Данный тезис доказывает не только практика развития гуманитарных и общественных наук при социализме, когда все исследования, связанные с общественной жизнью, должны были раскрывать истинность марксистско-ленинской науки, реальность построения коммунизма как самого гуманного строя. Аналогичная ситуация существовала и в тех странах, которые вели активную идеологическую борьбу с идеями, утверждающими порочность капитализма и его неизбежное свержение трудящимися массами. Одной из ведущих наук на Западе тогда была советология [10]. Авторами работ искаженно трактовалась история России, других стран, которые в XX в. боролись за экономическую и политическую независимость. История отдельных народов, стран и сегодня переписывается в результате смены власти, изменений политических отношений между государствами. До сих пор социологические и политологические исследования нередко проводятся, исходя из того заказа, который получают ученые от органов законодательной и/или исполнительной власти.

В начале XXI в. произошли существенные изменения в системе управления людьми. В течение всей предшествующей истории регулирование сознания и поведения индивидов требовало специального обучения и воспитания с помощью формирования религиозных представлений, изучения гуманитарных наук. Осуществлялась выработка определенных по направленности стереотипов трудовой, нравственной, общественно-политической деятельности, чтобы сформировать у социальных субъектов нужное для власти отношение к системе государственного управления в стране. Периодически проводимыми социологическими исследованиями выявлялись реакции различных социальных групп на принимаемые законы, постановления федеральных и региональных властей.

На современном этапе развития человечества достижения естественных наук, конструкторов и технологов дали возможность создать уникальную систему управления большими массами людей, позволяющую использовать инновационные разработки не только для конструирования машин, облегчающих труд человека, улучшающих его быт, досуг, но и выявляющих содержание его чувств, мыслей. Новые технологии получения и передачи информации привели к формированию уникальной системы манипулирования общественным сознанием в интересах тех, кто обладает властью. Сегодня в этих целях активно используется Интернет, который в настоящее время превратился в важнейшее средство управления сознанием людей разного возраста, пола, образования, социального положения. Примером являются так называемые стихийные митинги, демонстрации, на которые с помощью социальных сетей за несколько часов можно собрать

десятки тысяч людей. Так запускались «цветные революции» в ряде арабских стран несколько лет назад. Люди подчинялись воле тех субъектов, о целях которых они не имели представления.

Для манипулирования поведением индивидов созданы компьютерные программы, позволяющие определить не только пол, возраст пользователя, но и его интересы, связанные как с приобретением конкретных товаров, так и с желанием установить контакты с лицами, имеющими опасные для власти политические ориентации и установки. Специальные службы могут собирать информацию о гражданах, читая их переписку в электронной почте, sms-сообщениях, прослушивая сотовые телефоны.

Огромную информацию о содержании мыслей, чувств индивидов позволяют получить социальные сети. Они были придуманы для облегчения общения людей, находящихся на значительном расстоянии друг от друга, однако очень быстро превратились в способ самопрезентации индивидов. Человек добровольно сообщает о своих увлечениях, намерениях, высказывает мнение по поводу различных событий, происходящих в стране, мире, помещает фотографии себя и своих знакомых. Фактически без какого-либо внешнего побуждения люди выдают направленность своих моральных, экономических, политических ориентаций и установок. Появляется возможность прогнозировать поведение различных социальных групп в конкретной общественно-политической ситуации, используя уже открытые гуманитарными науками закономерности поведения индивидов в типичных жизненных ситуациях.

Средства массовой информации стали использоваться не столько для информирования людей о тех или иных событиях, сколько для программирования нужного конкретным политическим группам содержания представлений широких масс о том, как следует реагировать на происходящие в стране, мире процессы. Без каких-либо доказательств утверждается единственно правильная трактовка принимаемых ответственными лицами политических, экономических и иных решений о действиях против стран, не подчиняющихся диктату государства, объявляющего себя самым сильным в мире. Обман стал правдой, а правда — ложью [13, 14].

Такие возможности управления большими массами людей не только в отдельных странах, но и в мире в целом возникли не благодаря новейшим открытиям философов, политологов, социологов, историков, культурологов, а стали результатом успехов конструкторов, технологов, программистов. Следовательно, можно предположить, что их ценность значительно выше, чем гуманитариев, которые по старинке изучают уже в целом понятные для тех, кто принимает управленческие решения, свойства человеческого сознания и поведения. В этом, на наш взгляд, заключается одна из причин того, что в последние годы в нашей стране активно финансируется подготовка инженеров, несмотря на то, что количество промышленных предприятий существенно не увеличивается. Более того, современные производства отличаются высоким уровнем автоматизации, не требуя большого числа специалистов.

Одновременно в России происходит сокращение затрат на обучение тех, кто изучает малые и большие общности, мотивы человеческого поведения, отношения

людей к происходящим в экономике, политике, духовной культуре изменениям. Это выражается прежде всего в существенном уменьшении количества бюджетных мест на гуманитарные направления [12]. Так, например, в УрФУ общее количество бюджетных мест в 2017 г. на очных направлениях бакалавриата составляет 3200 (в 2016 г. — 3521 бюджетное место). Из них на гуманитарные направления выделено 263 места [9]. Доля бюджетных мест на гуманитарных науках к общему количеству бюджетных мест в УрФУ составляет 8,2 %. Для сравнения: в 2016 г. данное соотношение было равно 8,9 % (при общем количестве бюджетных мест 3521, из них 313 — на гуманитарные специальности) [8].

В целом для страны характерно сокращение примерно в два раза количества бюджетных мест на таких направлениях подготовки, как социология, политология, философия, история, культурология при одновременном их увеличении на инженерных специальностях за последние три года [5].

В Германии количество безработных выпускников-гуманитариев на 50 % выше в сравнении с выпускниками других специальностей, что, в свою очередь, ведет к сокращению количества студентов, обучающихся на гуманитарных направлениях, поскольку риск остаться безработным после получения образования достаточно высок. Однако каждый четвертый студент продолжает выбирать гуманитарную специальность при поступлении в университет. Наибольшее количество студентов обучаются на таких специальностях, как «Германистика», «Англистика» и «История». Меньшей популярностью пользуются направления «Славистика», «Теология» и «Религиоведение». Согласно данным 2007 г. в Германии из 252 тыс. выпускников университетов только 22 % получили гуманитарную подготовку [22]. Если же обратиться к статистике 2009 г., то, по данным Евростата, выпускники гуманитарных направлений составили лишь 16,5 % от общего количества окончивших университет молодых специалистов [25].

Аналогичная ситуация наблюдается в США. Происходит снижение количества студентов-гуманитариев, несмотря на то, что по статистике Национальной ассоциации колледжей и работодателей (National Association of Colleges and Employers), приведенной The Forbes, специалисты со степенью «бакалавр искусств» (Bachelor of Arts) являются самыми высокооплачиваемыми [19]. Для более полного понимания ситуации важно отметить, что в США степень бакалавра искусств присваивается после обучения по выбранной специальности в области гуманитарных или естественных наук (бакалавр искусств в области юриспруденции, бакалавр искусств в области экономики, бакалавр искусств в области архитектуры и т. д.).

При этом следует учесть, что американские университеты традиционно входят в десятку лучших университетов мира по результатам различных рейтингов (Academic Ranking of World Universities (ShanghaiRanking Consultancy); THE World University Rankings (Times Higher Education); QS World University Rankings (Quacquarelli Symonds) и др.). Германия всемирно известна как кузница философов и исследователей именно в области гуманитарных наук и, согласно мировым рейтингам, вместе с Великобританией, Швейцарией, Нидерландами и Францией входит в пятерку стран с лучшими университетами на европейском континенте [24].

В России в процессе становления рыночной экономики в 1990-е гг. наблюдался всплеск интереса к гуманитарному образованию. В результате закрытия многих промышленных предприятий, значительного увеличения импорта иностранной техники, машин и механизмов ценность инженерного образования существенно снизилась. Для выпускников школ и их родителей возросла значимость получения диплома юриста, экономиста, психолога, менеджера, специалиста по государственному и муниципальному управлению. Государство сохраняло не только финансирование традиционных гуманитарных направлений подготовки, но и поддерживало новые, востребованные рыночной экономикой.

Около десяти лет назад федеральная власть взяла курс на возрождение отечественной промышленности, осуществление «второй» индустриализации страны. Неуклонно стало увеличиваться количество бюджетных мест на инженерные специальности, несмотря на то, что уровень подготовки выпускников школ, подающих документы на соответствующие факультеты, остается весьма низким. Средний балл ЕГЭ поступающих на них на 15–25 % ниже, чем у абитуриентов, выразивших желание стать политологами, историками, социологами [15]. Большинство обучающихся по этим направлениям профессиональной подготовки могут реализовать свою мечту благодаря родителям, имеющим возможность ежемесячно тратить значительную часть семейного бюджета для оплаты учебы детей.

Видимо, сама потребность определенной части молодых людей после окончания школы стать специалистами в сфере отношений между людьми, малыми и большими социальными группами, странами носит устойчивый характер. Так, в настоящее время в Уральском федеральном университете на такие направления подготовки, как международные отношения, регионоведение, психология, политология, бюджетные места почти отсутствуют, но необходимость платить за учебу не останавливает тех, кто стремится стать специалистом по этим гуманитарных наукам.

По итогам приемной кампании 2015 г. в УрФУ на международные отношения был зачислен на контрактной основе 101 студент (10 бюджетных мест); на зарубежное регионоведение — 59 студентов (0 бюджетных мест); на лингвистику — 52 (5 бюджетных мест); на политологию — 16 (10 бюджетных мест). Также обращает на себя внимание средний проходной балл на бюджет на обозначенные направления подготовки — 250 баллов, что традиционно значительно выше, чем у поступающих на большинство технических специальностей [7].

Следовательно, ценность получения глубоких научных знаний о человеке, его сущности, содержании тех факторов, которые влияют на его сознание и поведение, определяется не только степенью заинтересованности государства в таких профессионалах. Личная потребность, имеющиеся склонности к познанию человека во всем многообразии его проявлений всегда будут важными факторами сохранения и развития гуманитарного образования.

Однако его ценность в значительной мере зависит от того, насколько работающие в сфере изучения человека, социальных отношений специалисты готовы отвечать на новые вызовы, перед которыми оказалось современное человечество.

Они связаны с такими актуальными проблемами, как определение пределов создания человеком новых технических устройств, существенно превосходящих его возможности обработки и анализа сложнейшей информации. Искусственный интеллект может привести к подчинению человека роботам или к созданию некоего симбиоза человеческого организма и искусственной системы [16]. Согласятся ли люди быть замененными машинами, отказавшись от тех биологических характеристик, которые им дала природа? Пятнадцать лет назад появилась возможность клонирования человека. Естественное воспроизводство многообразия индивидов предлагалось заменить сохранением тех, кто живет в настоящее время. Однако в большинстве стран мира был введен запрет на научные разработки в этом направлении. Как через некоторое время люди среагируют на опасность замены человека роботами?

Важным вопросом для современного человека является поиск успешной адаптации к постоянно меняющейся реальности. Человеческий организм был создан природой для существования во внешней среде, которая носит устойчивый характер, позволяя выработать систему установок, обеспечивающих самосохранение. Бурные изменения в современном мире вызывают постоянные стрессы, негативно влияющие на физическое и психическое здоровье человека. В этом заключается одна из причин увеличения количества самоубийств в разных странах мира [1].

Распространение в последние годы террористических угроз сделало актуальной задачей исследование природы возникновения у больших групп индивидов патологической установки на убийства, разрушение всего, что создано людьми, отличающимися по убеждениям, вере [4].

На эти и другие вызовы современного общественного развития можно найти ответы, только опираясь на более глубокие исследования сложной природы человеческого сознания и поведения. Для обеспечения прогнозируемого будущего всего человечества ценность гуманитарных исследований и гуманитарного образования должна возрасти. Актуальными направлениями гуманитарных исследований являются следующие.

Во-первых, более полное изучение взаимосвязи природных и социокультурных факторов, влияющих на деятельность как отдельных индивидов, так и малых и больших общностей. Традиционно биологи, психологи, социологи изучают человека со своих узких научных позиций, слабо используя достижения смежных наук. Современные гуманитарные исследования требуют комплексного подхода, объединяющего последние достижения разных наук о человеке.

Во-вторых, разработка новых технологий освоения человеком огромного объема информации, которую он в настоящее время получает из различных источников. Появляются проблемы ее оперативной обработки сознанием, выделения тех сведений, которые соответствуют реальности или направлены на введение индивидов в заблуждение в чьих-то интересах. Возникает необходимость научиться, на основе понимания смысла и направленности получаемых из СМИ, социальных сетей представлений о различных событиях, а не спонтанных чувственно-эмоциональных реакций, принимать обоснованные решения. Поведение, опирающееся

на доверие к источнику знаний, уступает место действиям, возникающим в результате собственного анализа их возможных последствий.

В-третьих, усложнение взаимодействия человека с автоматизированными системами управления различными процессами на производстве, в быту, досуговой деятельности требует приобретения им новых навыков и умений. С одной стороны, исчезла необходимость глубоких знаний о том, как работают технические устройства, которые люди применяют в повседневной жизни. С другой стороны, актуализируется проблема понимания отдаленных последствий привыкания к тому, что многие функции, которые человек выполнял прежде сам, взяли на себя новые приборы, механизмы. Интеллектуальные усилия становятся минимальными. Не происходит ли у современного человека определенное снижение ценности глубоких знаний о различных предметах, явлениях в процессе получения лишь поверхностных, взятых в лучшем случае из справочников сведений?

Изучение этих и связанных с ними других сложных вопросов жизни современного человека требует не ослабления, а усиления внимания к развитию как гуманитарных наук, так и системы подготовки специалистов в сфере организации, управления социализацией личности, взаимодействия индивидов в малых и больших общностях.

Проведенный нами анализ Федеральных государственных образовательных стандартов ряда направлений гуманитарной подготовки показал следующее. Так, в ФГОС бакалавриата по направлению подготовки «Психология» указано, что выпускник должен «решать следующие профессиональные задачи:

— в практической деятельности: анализ психологических свойств и состояний, характеристик психических процессов, различных видов деятельности индивидов и групп;

— в научно-исследовательской деятельности: обработка данных с использованием стандартных пакетов программного обеспечения;

— в организационно-управленческой деятельности: описание и анализ форм организации взаимодействий в трудовых коллективах» [16].

Указание на то, что психолог должен уметь выявлять и анализировать противоречивость влияния природных и социокультурных факторов, оказывающих разнонаправленное воздействие на эмоции, чувства, мышление индивидов в современном мире, требующем умения обрабатывать, анализировать огромный объем информации, принимать обоснованные решения, отсутствует. Деятельность психолога традиционно сводится к способности собирать определенные сведения о тех социальных субъектах, которых он изучает, а не к участию в развитии их психических возможностей на основе последних достижений разных наук о человеке. Однако в этом в первую очередь заключается ценность работы психолога не только с детьми в дошкольной, школьной организации, но и со взрослыми, испытывающими трудности в адаптации к быстроменяющемуся миру.

Аналогичная ситуация обнаруживается при изучении ФГОС по социологии на ступени бакалавриата. В перечне профессиональных компетенций отмечается «способность и готовность использовать знание методов и теорий социальных наук и гуманитарных наук при осуществлении экспертной,

консалтинговой и аналитической деятельности» [18]. Однако не отмечается значимость изучения результатов исследований биологов, генетиков, раскрывающих прежде неизвестные факторы, влияющие на поведение человека в трудовой, досуговой деятельности, способность осваивать новые требования быстроменяющегося мира.

Возникающая в результате медленной перестройки гуманитарного образования неудовлетворенность работодателей качеством подготовки специалистов в сфере человеческого сознания и поведения ведет к тому, что спрос на гуманитариев снижается. Многие выпускники гуманитарных направлений вынуждены тратить много времени на поиск работы по специальности либо трудоустраиваться не по полученной профессии. Это ведет к формированию имиджа гуманитарного образования как менее ценного для современной молодежи.

Следует отметить, что подобная ситуация характерна не только для России, но и для других стран. По мнению экспертов по трудоустройству из организации «Wissenschaftsladen Bonn» («Научная лавка в Бонне»), которая занимается вопросами образования населения, одна из причин падения спроса на гуманитарное образование заключается в том, что вузы не готовят гуманитариев к определенной профессиональной деятельности, не учитывают требования современного рынка труда [21].

Стремясь соответствовать требованиям работодателей, высшие учебные заведения постоянно обогащают образовательный процесс новыми предметами. Так, в США гуманитарное образование, оно же *Liberal Arts Education* (*бакалавр искусств*), предлагает достаточно широкий перечень дисциплин, доступных для изучения студенту-гуманарию. Перечень включает в себя следующие разделы: изучение иностранных языков, развитие коммуникативных навыков, изучение гуманитарных наук, построение логических умозаключений, изучение естественных наук, изучение социальных наук. Университет Гарварда предлагает студентам на выбор 1191 курс для изучения в течение четырех лет учебы. Для получения степени бакалавра искусств студент должен успешно освоить 32 курса. В результате у него должны быть сформированы следующие ключевые компетенции: широкий спектр знаний по гуманитарным наукам и по отдельно взятым отраслям наук (менеджмент и бизнес-администрирование, биология, международные отношения, компьютерные науки); навыки устных и письменных коммуникативных навыков для обоснования своей точки зрения в научной и профессиональной деятельности; умение мыслить критически, основываясь на полученных знаниях, для выработки независимой точки зрения; способность вхождения в многоликое студенческое сообщество, что должно стать залогом расширения сферы научных интересов [20].

Но, несмотря на обогащение новыми сведениями содержания знаний выпускника гуманитарной специальности, в США сохраняется тенденция к сокращению числа студентов на обозначенном направлении подготовки. Для того чтобы привлечь их внимание к наукам о человеке, американские университеты используют различные методы профориентационной работы. Так, Университет Гарварда практикует проведение рекламных кампаний для информирования студентов

первого и второго курса о перспективах обучения в дальнейшем на психолога, социолога, политолога, культуролога; расширяет перечень междисциплинарных программ с целью сохранения имеющегося контингента студентов; организует курсы практической подготовки и стажировки специалистов с целью повышения их востребованности на рынке труда [23].

На сайте Колледжа гуманитарных наук Университета Миннесоты представлен раздел, посвященный профориентации по гуманитарным специальностям. При обращении к нему по каждой из приведенных специальностей (антропология, история, искусствоведение, востоковедение, германистика, лингвистика, филология, философия и т. д.) абитуриент получает информацию о возможностях дальнейшего трудоустройства с приведением примеров конкретных должностей, а также может просмотреть видеозаписи выпускников конкретного направления [26].

В ситуации, сложившейся вокруг гуманитарных наук в России, США и Германии, можно выделить несколько сходных черт.

Во-первых, для данных стран характерно смещение приоритетов в пользу практикоориентированного образования, что во многом диктуется той ценностью, которую приобрели в последние десятилетия естественные и технические науки. Они обеспечили революцию в получении и передаче информации, создании искусственного интеллекта, автоматизации производства, быта огромных масс населения. Видимо, многим хочется, чтобы нечто качественно новое в регулировании взаимодействий между разными социальными субъектами было создано на основе прорывных исследований гуманитарных наук.

Во-вторых, пока вместо стимулирования разработок в сфере методологии и методов изучения человека происходит сокращение средств государства, бизнес-сообщества на развитие как самих гуманитарных наук, так и образования, готовящего специалистов в этой области деятельности. Для Германии, России характерно приоритетное выделение грантов на проекты, реализуемые в рамках технических и естественно-научных направлений.

В-третьих, общей чертой является снижение для государства ценности гуманитарного образования, что не способствует дальнейшему развитию наук о человеке в результате появления новых молодых исследователей актуальных для всего человечества проблем, возникших на современной стадии его развития.

В-четвертых, для взятых для нашего анализа стран характерно то, что гуманитарии в большей степени, чем представители других наук, вынуждены проявлять гибкость, оперативно перестраиваться, демонстрируя способность быстро и четко реагировать на запросы рынка труда с тем, чтобы в условиях высокой конкуренции получить желаемое место работы.

Ценность гуманитарного образования, по нашему мнению, будет возрастать по мере того, как оно станет более практикоориентированным, обеспечивающим возможность решения сложных проблем, возникающих в экономической, политической, социокультурной деятельности как в отдельных странах, так и в мире в целом. Оно должно готовить специалистов, обладающих широким мировоззрением, инновационным мышлением и способных своевременно откликаться

на новые вызовы быстромеменяющейся реальности. Опираясь на междисциплинарность, гуманитарные науки могут в союзе с естественными и техническими науками существенно изменить не только материальную среду существования современного человека, но и его самого.

1. 25 стран с самым высоким уровнем самоубийств [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/post/culture/2015/10/13/2268> (дата обращения: 29.04.2017).

2. *Алексеев П. В., Панин А. В.* Философия. М., 2005.

3. Будущее глазами футуролога и технического директора Google Рэя Курцвейла [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru/tech /2016/03/30/ 8148083/immortality-and-other.shtml> (дата обращения: 12.04.2017).

4. *Возжеников А. В.* Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. М., 2005. С. 504.

5. Вузы России: университеты, институты, академии [Электронный ресурс]. URL: <https://postupi.online/vuzi/?yclid= 2274121822291364420&pagenum=5> (дата обращения: 29.04.2017).

6. *Езер О.* Всемирная история: Древний мир. М., 1997.

7. Итоги приемной кампании 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://urfu.ru/applicant/docs-abiturient/itogi-priemnoi-kampanii-2016-goda/> (дата обращения: 25.04.2017).

8. Контрольные цифры приема УрФУ 2016 года (лица, обучающиеся за счет средств федерального бюджета) [Электронный ресурс]. URL: http://urfu.ru/fileadmin/user_upload/urfu.ru/documents/applicant/docs-2016/Plan_CP_2016_na_sait_bak_s_izmenenijami.pdf (дата обращения: 27.04.2016).

9. Контрольные цифры приема УрФУ 2017 года [Электронный ресурс]. URL: http://urfu.ru/fileadmin/user_upload/urfu.ru/documents/applicant/docs-2017/KCP_2017_UrFU_s_filialami-bak.pdf (дата обращения: 21.04.2017).

10. *Марушкин Б. И.* Советология: расчеты и просчеты. М., 1971.

11. *Мчедлов М. П.* Религия и современность. М., 2001.

12. Правительство повышает уровень конкуренции вузов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3226334> (дата обращения: 03.05.2017).

13. *Симомян М.* Надо, чтобы кого-нибудь грохнули... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perm.kp.ru/daily/26642.7/3661260/> (дата обращения 14.02.2017).

14. Трамп раскритиковал американские СМИ за публикацию «фейковых новостей» [Электронный ресурс]. URL: <https://rns.online/it-and-media/Trump-raskritikoval-amerikanskije-SMI-za-publikatsiyu-feikovih-novostei-2017-04-30/> (дата обращения: 30.04.2017).

15. Сравнительные данные о среднем проходном балле гуманитарных и технических вузов // Вузы России: университеты, институты, академии [Электронный ресурс]. URL: <https://postupi.online/vuzi/?yclid= 2274121822291364420&pagenum=5> (дата обращения: 29.04.2017).

16. Стивен Хокинг предрек победу искусственного интеллекта над человечеством [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2014/12/03/hawking/> (дата обращения: 21.04.2017).

17. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030300 Психология [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm759-1.pdf (дата обращения: 25.04.2017).

18. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 390000 Социология (в ред. Приказа Минобрнауки РФ от 31.05.2011 № 1975) [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/4/20111115120520.pdf> (дата обращения: 26.04.2017).

19. *Adams S.* The Top-paying Liberal Arts Degrees [Electronic resource]. URL: <http://www.forbes.com/sites/susanadams/2013/02/06/the-top-paying-liberal-arts-degrees/> (accessed: 18.04.2017).

20. Bachelor of Liberal Arts Degree. Key learning outcomes [Electronic resource]. URL: <https://www.extension.harvard.edu/academics/undergraduate-degrees/bachelor-liberal-arts-degree> (accessed: 23.04.2017).

21. Die vier Bereiche der Potenzialanalyse. Wila Arbeitsmarkt [e-Quelle] [Electronic resource]. URL: <http://www.wila-arbeitsmarkt.de/blog/2015/02/24/die-vier-bereiche-der-potenzialanalyse/> (accessed: 22.04.2016).

22. Es gibt keine Krise / Die Zeit. 2006. Vol. 6 [Electronic resource]. URL: http://www.zeit.de/2006/06/Geisteswiss_schaften (accessed: 30.04.2017).

23. Humanities Fall From Favor. Far Fewer Harvard Students Express Interest in Field With Weak Job Prospects. The Wall Street Journal. 2013. 6th of June [Electronic resource]. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324069104578527642373232184> (accessed: 18.04.2017).

24. Top universities in Europe. QS World University Rankings 2015/2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.topuniversities.com/where-to-study/region/europe/top-universities-europe> (accessed: 21.04.2017).

25. Übergänge in die Hochschule und aus der Hochschule in den Arbeitsmarkt: Chancen, Probleme, Verläufe unter den Bedingungen der Studienstrukturreformen in Deutschland und Polen / Hans Döbert, Mirosław S. Szymanski. Waxmann Verlag, 2013 [Electronic resource]. URL: <https://books.google.ru> (accessed: 18.04.2017).

26. What can I do with a major with?.. Student services & Advising. College of Liberal Arts. University of Minnesota [Electronic resource]. URL: <http://cla.umn.edu/student-services-advising/career-internship-services/explore-majors-careers/what-can-i-do-major> (accessed: 18.04.2017).

Рукопись поступила в редакцию 15 мая 2017 г.

УДК 378.016:621.039 + 316:621.039 + 621.311МАГАТЭ

**Н. П. Дронишинец
Н. А. Носырев**

ПРОБЛЕМЫ ЯДЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕЖЕГОДНЫХ ДОКЛАДАХ МАГАТЭ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье на основе контент-анализа исследуется содержание Ежегодных докладов Генерального директора МАГАТЭ за 1997–2015 гг. для того, чтобы понять, как менялось их содержание с точки зрения приоритетности использования понятий «знания», «ядерное знание», «управление ядерными знаниями», «ядерное образование». Авторы статьи подчеркивают, что в докладах МАГАТЭ понятие «знания» употреблялось всего четыре раза в 1997 г. и семь раз в 1998 г. — в основном в ходе изложения технической, экспертной, библиотечной информации. В последующих докладах появлялись новые рубрики, отражающие рост потребностей в ядерных знаниях, сформировались совершенно новые понятия: ядерное образование, управление ядерными знаниями, управление риском потери знаний в организациях атомной промышленности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: МАГАТЭ, знания, ядерные знания, управление ядерными знаниями, ядерное образование.

Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), международная организация для развития сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, создана в 1957 г., входит в систему ООН и ежегодно представляет доклады о своей деятельности. По состоянию на 31 декабря 2015 г. в МАГАТЭ входят 167 государств-членов, 83 межправительственные и неправительственные организации со всего мира, которые приглашаются в качестве наблюдателей на Генеральную конференцию, где обсуждается годовой доклад Совета управляющих о деятельности Агентства в течение предыдущего года.

Мы сосредоточим внимание на контент-анализе Ежегодного доклада директора МАГАТЭ за период 1997–2015 гг. Метод контент-анализа необходим для того, чтобы понять, как на протяжении почти двух десятилетий менялось содержание Ежегодных докладов МАГАТЭ с точки зрения приоритетности использования понятий «знания», «ядерное знание», «управление ядерными знаниями». Объектом анализа стали Ежегодные доклады Генерального директора МАГАТЭ за 1997–2015 гг., а выборкой — заголовки содержания докладов. Контент-анализ проводился на основе выделения основных понятий, каковыми являются «знания», «ядерное образование», «управление ядерными знаниями» и производные от них.

В Ежегодных докладах МАГАТЭ за 1997 и 1998 гг. (опубликованных только на английском языке) понятие knowledge (знания) на 129–144 страницах докладов встречалось всего четыре раза в 1997 г. и семь раз в 1998 г. — в основном в ходе изложения технической, экспертной, библиотечной информации (см. таблицу). Российский ученый В. М. Мурогов, заместитель генерального директора МАГАТЭ в период с 1996 по 2003 г., отмечает, что до аварии на Чернобыле в регулярно публикуемых трудах ООН ядерные технологии рассматривались только как источник ядерного оружия или ядерных отходов. После чернобыльской аварии на первое место вышли вопросы безопасности ядерных объектов. Естественно, что и МАГАТЭ сконцентрировалось на этой проблеме [14].

Ежегодные доклады МАГАТЭ с 1999 г. стали публиковаться на многих языках, в том числе и на русском. В докладах МАГАТЭ за 1999 и 2000 гг. появилась новая рубрика — «Управление и информационно-просветительская работа» [1, 2]. Здесь ключевыми понятиями являются «общественная информация» и «международная система ядерной информации». Используя первое понятие, МАГАТЭ начало проводить новую политику в области общественной информации и информационно-просветительской работы с целью усилить взаимодействие агентства с лидерами общественного мнения, со средствами массовой информации и с гражданским обществом [1].

Второе понятие, выделенное в отдельную подрубрику, — «международная система ядерной информации» — требует более пристального рассмотрения. Международная система ядерной информации (ИНИС) является первой в мире автоматизированной библиографической системой в области мирного использования атомной энергии. Она была создана государствами и международными организациями согласно Уставу МАГАТЭ в 1970 г. с целью содействия обмену научно-технической информацией по мирным аспектам применения атомной

энергии. В связи с этим в 1999 г. отмечалось увеличение использования понятия «знание».

**Категории, определенные для проведения контент-анализа
в Ежегодных докладах МАГАТЭ**

Категория	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Знания (знаниями, знаний, знание) <i>Всего</i>	4	7	29	12	25	29	39	22	31	54	32
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015			
Знания (знаниями, знаний, знание) <i>Всего</i>	33	33	46	44	47	40	48	49			

В докладе МАГАТЭ за 2002 г. рубрика «Управление и информационно-просветительская работа» была преобразована в раздел «Информационно-просветительская работа и услуги по информационной поддержке» [3]. Ключевыми понятиями остались «общественная информация» и «международная система ядерной информации», однако добавилась рубрика «Инфраструктура и услуги в области информационной технологии». Значительно возросло использование понятия «знание».

В докладе 2002 г. впервые появилась рубрика «Ядерная наука», которая с этого времени присутствует в каждом докладе. Новой в докладе 2002 г. была и рубрика «Анализ для устойчивого энергетического развития», которая сохранилась и в докладе 2003 г. Однако в Ежегодных докладах МАГАТЭ с 1997 по 2004 г. нет специальной рубрики (раздела), где бы отдельно говорилось о знаниях. Резкое увеличение использования категории «знания» в Ежегодных докладах МАГАТЭ после 2000 г. связано с рядом обстоятельств.

Во-первых, в сентябре 2000 г. состоялся Саммит тысячелетия ООН. В Декларации тысячелетия ООН на первый план был выдвинут целый ряд важных целей: мир, безопасность и разоружение; развитие и искоренение нищеты; охрана окружающей среды. В усилиях, направленных на достижение этих целей, МАГАТЭ играет важную роль.

Во-вторых, в 2000 г. МАГАТЭ взяло на себя особую миссию — стало осуществлять новый внебюджетный Международный проект по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам (ИНПРО). Целью ИНПРО является объединение усилий всех заинтересованных в этой области стран, в том числе развивающихся, где спрос на энергию растет самыми быстрыми темпами, а также включение экспертных знаний агентства в области гарантий и безопасности в процесс проектирования атомных объектов на раннем этапе [2].

В-третьих, в Докладе 2000 г. появилась новая рубрика — «Поддержание знаний и компетентности», что связано с возникшей на рубеже столетий необходимостью сохранить уровень знаний и компетентности персонала во всех областях ядерной энергетики из-за возможной нехватки квалифицированного персонала в будущем. В большинстве стран с передовыми ядерными программами в этот период отмечается значительное сокращение числа новых дипломированных специалистов по данному направлению.

Причина снижения интереса к специальностям ядерного профиля заключается в отношении общественности к отрасли как к «застойной», поэтому у молодых людей создается впечатление, что ядерная отрасль не предлагает им достойного карьерного роста. В результате наблюдаются нехватка специальных экспертных знаний и постепенное сокращение факультетов ядерной науки и техники в университетах и институтах мира. Вопросы знаний и экспертной компетентности в ядерной науке, технике и технологии с этого времени становятся объектом серьезного внимания на правительственном и неправительственном уровне государств-членов МАГАТЭ [13, 110–116]. В ответ на данную потребность МАГАТЭ предложило новую подпрограмму по данной теме на 2002–2003 гг. и направило свои усилия, на координацию международного сотрудничества в организации учебной деятельности.

В докладе МАГАТЭ за 2003 г. говорится о необходимости сохранения непрерывности знаний и квалификации, управления знаниями и вводится еще одно понятие — «сети образования». В 2003 г. была создана Азиатская сеть образования в области ядерной технологии и организован Всемирный ядерный университет. В качестве новой инициативы по сохранению и управлению ядерными знаниями МАГАТЭ приступило к осуществлению пилотного проекта в области быстрых реакторов. В докладе за 2003 г. поддержание и сохранение ядерных знаний, особенно на университетском уровне, позиционируется как важнейшая цель деятельности МАГАТЭ и выделяется в новую тематическую рубрику «Сохранение знаний в области ядерной науки и технологии». Деятельность по сохранению ядерных знаний объединяет все программные направления МАГАТЭ [4].

Доклад МАГАТЭ за 2004 г. впервые содержал раздел «Создание потенциала и сохранение ядерных знаний для устойчивого энергетического развития», посвященный сохранению и расширению знаний о мирном использовании ядерной энергии. Такой же раздел имелся во всех последующих докладах, включая последний, за 2015 год. В докладе МАГАТЭ за 2004 г. появился новый подраздел — «Управление ядерными знаниями». Это понятие «красной нитью» проходит во всех последующих докладах МАГАТЭ, являясь ключевым и постоянно наполняясь новым содержанием. В. М. Мурогов подробно описывает в своих воспоминаниях, как родилась концепция «управление ядерными знаниями» и стала ключевой в содержании ежегодных докладов. На рубеже нового тысячелетия в МАГАТЭ бурно обсуждалось положение дел с медицинскими радиоизотопами. Страны получали изотопы и не всегда контролировали их. В ряде развивающихся стран отмечались несчастные случаи, из-за неграмотности врачей-радиологов умирали пациенты. МАГАТЭ приняло резолюцию: любая

помощь с радиоизотопами должна предоставляться только после программы подготовки специалистов. И на базе этого решения возникла одна из приоритетных программ в работе МАГАТЭ — управление ядерными знаниями (УЯЗ) [14]. Первым шагом к этому стало принятие резолюции генеральной конференцией МАГАТЭ в 2002 г., а в 2004 г. состоялась первая международная конференция по УЯЗ.

В докладе МАГАТЭ за 2004 г. для удовлетворения потребностей целевых пользователей в знаниях о ядерных технологиях и электростанциях вводится новое понятие — «пакет знаний» [5]. В Докладе МАГАТЭ за 2005 г. отмечается фактически рекордное употребление понятия «знание» (см. таблицу). Эта тенденция роста объясняется тем, что в рубрике «Управление ядерными знаниями» введено совершенно новое понятие — «культура управления знаниями». Здесь подробно раскрывается содержание понятия «сохранение ядерных знаний и управления ими»: предоставление руководящих материалов для формулирования политики и для осуществления управления ядерными знаниями; сбор, анализ и совместное использование ядерной информации в целях содействия созданию банков знаний; создание эффективных систем управления знаниями; сохранение и поддержание ядерных знаний; обеспечение устойчивых кадров для атомной отрасли; усиление ядерного образования и подготовки кадров. Вводятся в оборот также понятия «стратегия управления знаниями» и «управление риском потери знаний в организациях атомной промышленности» [6]. Последнее понятие исследуется и в докладе МАГАТЭ за 2006 г.

Из таблицы видно, что в докладе 2007 г. также высок показатель использования понятия «знание». Это связано с тем, что в рубрике «Управление ядерными знаниями» во многом стали отражаться вопросы деятельности по обеспечению образования и подготовки кадров в ядерной области. МАГАТЭ имеет огромные возможности для поддержания колледжей, университетов и институтов, имеющих отношение к ядерной сфере. В 2007 г. расширилось создание сетей академического образования и академическое сотрудничество, МАГАТЭ разработало общие подходы к управлению знаниями в области ядерной технологии и ядерного образования. Для экспертов и государств-членов был разработан руководящий документ под названием «Планирование и осуществление миссий по оказанию помощи ядерным организациям в управлении знаниями». МАГАТЭ особо подчеркивает важность человеческого фактора при решении вопросов, связанных с обеспечением технической и физической ядерной безопасности, рассматривает управление ядерными знаниями как неотъемлемую часть всей ядерной деятельности на проектном, корпоративном и национальном уровне.

Приоритетными оставались вопросы обеспечения подготовки кадров по методологии управления ядерными знаниями. Усовершенствованная методология и руководящие материалы по управлению ядерными знаниями позволили подготовить доклад «Сбор информации в Интернете для управления ядерными знаниями». Разработанные агентством методологии были применены на АЭС ряда стран: например, Казахстану оказана помощь в разработке национальной концепции управления ядерными знаниями.

В анализируемой рубрике появилось новое качество понятия «знание», связанное с сельскохозяйственной деятельностью; рассмотрением вопросов, касающихся водных ресурсов; предоставлением более обширных знаний о воздействии изменения климата на биологическую вариативность морской среды; содействием международной торговле морепродуктами, в особенности из развивающихся стран, посредством предоставления данных о фоновых уровнях загрязнения [7].

В Докладе 2008 г. отражены результаты анализа данных изотопного исследования реки Дунай, которые позволили расширить знания о речной гидрологии и источниках, питающих реки, а также говорится о необходимости углубления знаний о последствиях подкисления Мирового океана путем поощрения научных исследований в этой новой области, поскольку происходящие в последнее время быстрые изменения в химическом составе Мирового океана в ближайшие десятилетия могут негативно отразиться на морской флоре и фауне, пищевых цепях, биологическом разнообразии и рыбном промысле [8].

В Докладе 2010 г. отмечается ряд пробелов в знаниях и потенциале изотопного мониторинга и изотопных данных, которые требуются для обеспечения желаемого уровня оценки водных ресурсов, проведения гидрологических исследований и понимания последствий землепользования и изменения климата [9]. МАГАТЭ создает центры знаний в развивающихся странах, позволяющие повысить уровень осведомленности и осознать последствия влияния подкисления океана на продовольственную безопасность, экосистемные услуги и источники средств существования [10].

В Докладах 2008 и 2010 гг. появился подраздел «Физическая ядерная безопасность на крупных общественных мероприятиях», где говорится о содействии обмену знаниями и опытом между организациями-партнерами по обеспечению физической ядерной безопасности на Олимпийских играх, Кубках мира, саммитах и других крупных общественных мероприятиях. МАГАТЭ предоставляет экспертов и передает в аренду оборудование для обнаружения излучения [8, 11].

В докладах с 2009 по 2013 г. в подразделе «Менеджмент качества» появилась категория «знания» в связи с тем, что в 2009 г. началось осуществление формальной программы управления знаниями, основное внимание в которой уделяется сохранению особо важных профессиональных знаний тех сотрудников, которые должны уйти на пенсию или закончить свою работу в МАГАТЭ.

В докладах 2014 и 2015 гг. в рубрике «Здоровье человека» категория «знание» стала употребляться в подразделах доклада — «Радиационная онкология и биология», «Ядерная медицина». В докладах говорится о дефиците знаний в сфере ядерной медицины, объем которых еще не достиг критической массы, необходимой для обоснования целевых учебных программ в некоторых регионах; в других регионах необходимо обновить учебные программы, приведя их в соответствие с изменившимися отраслевыми требованиями. Для ликвидации дефицита профессиональных знаний МАГАТЭ в 2014 г. официально открыло программу дистанционного онлайн-обучения (DATOL), это рассчитанная на три года программа профессионального обучения. В 1996 г. началось издание материалов по технологии ядерной медицины; сегодня они трансформировались

в согласованную веб-программу дистанционного обучения, которая содержит всесторонние онлайн-учебные ресурсы, охватывающие основополагающие концепции и практические вопросы их применения. Данная онлайн-учебная платформа предназначена для формирования дополнительных знаний и навыков, необходимых специалистам по ядерной медицине с целью проведения высококачественных исследований и оптимального оказания медицинских услуг безопасным образом [11, 12].

Таким образом, контент-анализ Ежегодных докладов МАГАТЭ выявил, как на протяжении почти двух десятилетий менялось содержание этих докладов с точки зрения приоритетности использования понятия «знание». Если в самых первых докладах понятие «знание» употреблялось 4–7 раз в связи с упоминанием ядерного оружия и ядерных отходов, то в последующем появлялись новые рубрики, отражающие рост потребности в ядерных знаниях, сформировались совершенно новые понятия — «ядерное образование», «управление ядерными знаниями», «управление риском потери знаний в организациях атомной промышленности» и ряд других. Данные понятия вошли не только в собственно раздел «Управление знаниями» каждого Ежегодного доклада с 2003 г., но и стали широко использоваться в различных рубриках доклада, таких как «Ядерные технологии», «Управление техническим сотрудничеством в целях развития», в разделах докладов, посвященных вопросам здоровья человека, окружающей среде, сельскому хозяйству и промышленности. Такая многообразная деятельность МАГАТЭ в сфере образования решает задачи в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия ООН в отношении изменения климата, нехватки воды, деградации земель, продовольственной и энергетической безопасности, инфекционных и неинфекционных болезней.

-
1. Ежегодный доклад за 1999 год. МАГАТЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/ar99_rus.pdf (дата обращения: 11.02.2017).
 2. Ежегодный доклад за 2000 год. МАГАТЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/ar2000_rus.pdf (дата обращения: 01.03.2017).
 3. Ежегодный доклад за 2002 год. МАГАТЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/ar2002_rus.pdf (дата обращения: 21.03.2017).
 4. Ежегодный доклад за 2003 год. МАГАТЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/ar2003_rus.pdf (дата обращения: 17.04.2017).
 5. Ежегодный доклад за 2004 год. МАГАТЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/ar2004_rus.pdf (дата обращения: 21.02.2017).
 6. Ежегодный доклад за 2005 год. МАГАТЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/ar2005_rus.pdf (дата обращения: 19.03.2017).
 7. Ежегодный доклад за 2007 год. МАГАТЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/reports/2007/gc52-9_rus.pdf (дата обращения: 14.03.2017).
 8. Ежегодный доклад за 2008 год. МАГАТЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/reports/2008/gc53-7_rus.pdf (дата обращения: 21.03.2017).
 9. Ежегодный доклад за 2012 год. МАГАТЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/reports/gc55-2_rus.pdf (дата обращения: 21.03.2017).
 10. Ежегодный доклад за 2013 год. МАГАТЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gc58-3_rus.pdf (дата обращения: 21.03.2017).

11. Ежегодный доклад за 2014 год. МАГАТЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gc59-7_rus.pdf (дата обращения: 12.01.2017).

12. Ежегодный доклад за 2015 год. МАГАТЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gc60-9_rus.pdf (дата обращения: 07.02.2017).

13. Дрошищинец Н. П., Носырев Н. А. Компетентностный подход в инженерном ядерном образовании // Дискуссия: журнал научных публикаций. 2013. № 7(37), авг.

14. Муругов В. Как менялись приоритеты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atominfo.ru/newsn/u0021.htm> (дата обращения 21.03.2017).

Рукопись поступила в редакцию 24 апреля 2017 г.

УДК 331.105.24(470) + 613:159.923.2

Н. А. Лебедева-Несевря
А. О. Барг
С. С. Соловьев

ЗДОРОВЬЕ В СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНКАХ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Анализируется динамика состояния здоровья работающего населения России на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за период с 2006 по 2015 г. Показано, что самооценка здоровья имеет устойчивую тенденцию к улучшению. Выявлены особенности самооценки здоровья в различных социально-демографических группах. Установлены социально-психологические (удовлетворенность материальным положением и жизнью в целом, оптимистичность/пессимистичность респондента) и социально-демографические (пол, возраст, семейный статус) факторы, влияющие на самооценку здоровья.

К л ю ч е в ы е с л о в а: здоровье, самооценка здоровья, работающие, трудовой потенциал.

Актуальность исследования. Развитие человеческого потенциала, выступающее приоритетной стратегической задачей в современном российском обществе [5], важно не только само по себе, но и в связи с необходимостью скорейшей трансформации экономики нашей страны. Достижение указанной цели требует высокого качества трудового потенциала, одним из компонентов которого является физический потенциал, то есть состояние здоровья работающих граждан. Эффективное управление данным компонентом (принятие решений в сфере здоровья работающих, определение приоритетов здоровьесохранной стратегии) предполагает владение актуальными данными об особенностях здоровья работающих, в том числе занятых в различных отраслях экономики.

Для оценки состояния здоровья работающих в научной литературе используются пять подходов.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук (проект МД-281.2017.6).

Во-первых, здоровье работающих оценивается на основе статистических данных о заболеваемости, инвалидизации и смертности населения трудоспособного возраста. Поскольку не все трудоспособное население является занятым, при работе с такими данными применяются различные поправочные коэффициенты.

Во-вторых, здоровье работающих оценивается на основе показателей заболеваемости с временной утратой трудоспособности (Форма статистического наблюдения № 16-ВН «Сведения о причинах временной нетрудоспособности») [8]. На основе данных о временной нетрудоспособности можно сделать вывод о существенном улучшении здоровья работающих Российской Федерации за последние 10 лет: число случаев временной нетрудоспособности в расчете на 100 работающих снизилось с 61,6 случая в 2005 г. до 54,8 случая в 2014 г. В некоторых субъектах РФ показатель среднего числа случаев нетрудоспособности на 100 работающих снизился более чем на 30 % (в Чукотском автономном округе — с 82 случаев в 2005 г. до 50,7 случая в 2014 г., в Сахалинской области — с 74,5 случая в 2005 г. до 48,9 случая в 2014 г.). Однако, в силу широкой распространенности в России латентной нетрудоспособности [1], данные об «учтенной» заболеваемости с временной утратой нетрудоспособности не описывают реальной ситуации в сфере здоровья работающего населения.

В-третьих, здоровье работающих характеризуется на основе результатов медицинских осмотров, дающих максимально полное представление об их состоянии [7]. Проблема данного подхода состоит в невозможности его применения к большим социальным группам (например, к работающему населению в целом).

В-четвертых, здоровье работающих описывается на основе данных о соматическом здоровье и антропометрических характеристиках индивидов, полученных в ходе социологических опросов [4].

В-пятых, в основе характеристики здоровья работающих лежит их самооценка здоровья, измеренная, как правило, по порядковой шкале. Например, фонд «Общественное мнение» в рамках всероссийского репрезентативного опроса ФОМнибус с 1997 г. предлагал респондентам оценить свое здоровье как «хорошее», «среднее» и «плохое», а в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ с 1994 г. здоровье на основе самооценок измеряется по пятиступенчатой шкале: «очень хорошее», «хорошее», «среднее, не хорошее, но и не плохое», «плохое» и «совсем плохое». Иногда для изучения связи самооценки здоровья с различными факторами самооценка дихотомизируется [2].

Возможность использования самооценки здоровья для анализа состояния здоровья подтверждается доказанными связями самооценки с заболеваемостью и смертностью населения в различных социально-демографических группах [10–12]. К преимуществам использования показателя самооценки здоровья можно отнести также легкость его интерпретации [3].

В связи с этим нами было проведено социологическое исследование самооценки здоровья работающим населением России.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования выступили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) [9] за 2006–2015 гг., представляющего собой серию

ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. Для анализа использовалась выборочная совокупность, репрезентирующая работающее население России в возрасте 18 лет и старше (из общей выборки взрослого населения были исключены те, кто при ответе на вопрос о наличии работы выбрал варианты ответа «у меня сейчас нет работы», «затрудняюсь ответить» или отказался отвечать). Объем общего анализируемого массива (с 2006 по 2015 г.) составил 57 650 человек. Среди них 47,7 % мужчин и 52,3 % женщин. Люди в возрасте до 30 лет составили 22,4 % выборочной совокупности, от 30 до 44 лет — 36,3 %, от 45 до 54 лет (женщины) и 59 лет (мужчины) — 25,5 % и в возрасте 55 лет и старше (женщины) и 60 лет и старше (мужчины) — 15,8 %. Доля респондентов, имеющих неполное среднее образование, — 6,9 %, полное среднее — 15 %, начальное/среднее специальное — 44,9 %, неполное высшее — 3,9 %, высшее и послевузовское образование — 37,4 %.

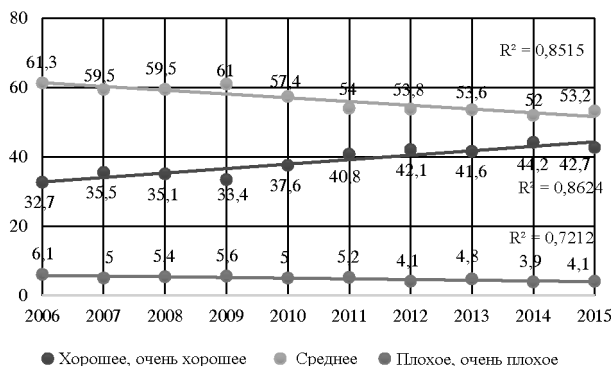
Объем анализируемой выборочной совокупности в 2006 г. составил 4594 человека, в 2007 г. — 4535 человек, в 2008 г. — 4376 человек, в 2009 г. — 4212 человек, в 2010 г. — 7531 человек, в 2011 г. — 7422 человека, в 2012 г. — 7349 человек, в 2013 г. — 6953 человека, в 2014 г. — 5489 человек, в 2015 г. — 5189 человек. В каждой из рассматриваемых выборок социально-демографические характеристики респондентов схожи (различия в долях составляют не более 1 %).

Вопросы, отобранные для анализа, характеризуют самооценку здоровья в целом, объективные показатели здоровья респондента (наличие хронических заболеваний, инвалидность, проблемы с самочувствием в последний перед опросом месяц и т. п.), степень удовлетворенности различными сферами жизни (работой, социальным статусом, материальным положением и т. д.).

Обработка результатов исследования реализовывалась в программе SPSS 19.0 for Windows, использовались методы описательной статистики. Оценка зависимости между переменными производилась с помощью коэффициентов корреляции Гамма (g) и D-коэффициента Сомерса (d). Для приведенных значений коэффициентов ошибка составляет менее 0,001.

Результаты и их обсуждение. Для работающего населения России на протяжении последних 10 лет характерна средняя оценка своего здоровья: «оно не хорошее, но и не плохое», полагают более половины (56 %) респондентов всей выборки. Женщины несколько чаще, чем мужчины (в 60,9 % случаев против 50,8 %), выбирали указанный вариант ответа. С 2006 по 2015 г. доля респондентов, оценивавших свое здоровье как «среднее», несколько сократилась — с 61,3 до 53,2 %. При этом совокупная доля тех, кто говорит о своем здоровье как о «хорошем» и «очень хорошем» увеличилась на 10 % (см. рисунок).

На рисунке видно, что в 2006 г. положительные характеристики своего здоровья выбрали треть респондентов (32,7 %), а в 2015 г. таковых было уже 42,7 %, что позволяет сделать вывод об улучшении состоянии здоровья работающих. Для уточнения данного вывода был построен график аппроксимирующей функции. Для линейного типа аппроксимации коэффициент достоверности R^2 составил 0,862. При этом значением, выбивающимся из линейного тренда,

Динамика самооценки здоровья работающим населением России в период с 2006 по 2015 г., % к общему числу ответивших

является 2009 г., когда доля работающих граждан, оценивавших свое здоровье как «хорошее» и «очень хорошее» сократилась, а оценивавших свое здоровье как «среднее» или «плохое» и «очень плохое», напротив, увеличилась. Исключение из моделирования показателя 2009 г. при линейной аппроксимации динамики доли «хорошо» и «очень хорошо» оценивающих свое здоровье приводит к значению коэффициента достоверности R^2 на уровне 0,923. Снижение самооценок здоровья работающего населения в 2009 г. обусловлено, вероятно, последствиями финансово-экономического кризиса в России 2008 г. — снижением финансовой безопасности домохозяйств, ухудшением социального самочувствия граждан, сокращением государственных расходов на здравоохранение и обеспечение социальной защиты.

Выявленные тенденции повышения самооценки здоровья при прогнозировании на ближайшие два года с вероятностью 96 % должны сохраниться.

В период с 2006 по 2015 г. в среднем по выборке более трети респондентов (37,1 %) отзывались о своем здоровье как о «хорошем». Это присуще мужчинам в большей степени, чем женщинам (43,3 против 31,8 % соответственно), также среди мужчин достоверно больше тех, кто оценивает свое здоровье как «очень хорошее»¹.

Доли респондентов, определявших за исследуемый период свое здоровье как «плохое» и «совсем плохое», крайне малы — 4,7 и 0,2 % соответственно. С 2006 по 2015 г. произошло сокращение совокупной доли респондентов, дававших негативные оценки своему здоровью, на 2 % (с 6,1 % в 2006 г. до 4,1 % в 2015 г.). Тенденция снижения негативных оценок и роста положительных является достоверной и при анализе результатов опроса в разрезе возрастных групп.

Среди людей молодых возрастов (до 30 лет) чаще встречаются те, кто оценивает свое здоровье как «хорошее» (52,1 % в 2006 г. и 61,6 % в 2015 г.). В среднем

¹ Отметим, что в отечественных исследованиях ранее устанавливалось как наличие [6], так и отсутствие [2] гендерных различий в самооценке здоровья.

«не плохим, но и не хорошим» считают свое здоровье 37,5 % респондентов данной возрастной категории, причем за 10 лет наблюдается сокращение доли респондентов, давших средние оценки, на 10 %. В возрастной группе 30–44 года доля лиц, отмечавших, что у них среднее здоровье, составила 59,6 % в 2006 г. и 46,4 % в 2015 г. Среди лиц пенсионного возраста (55/60 и старше) почти три четверти (72,9 %) склонны оценивать свое здоровье как среднее и лишь 16 % считают его хорошим.

В ходе анализа результатов исследования по критерию хи-квадрат обнаружена статистически значимая связь между семейным положением и самооценкой здоровья. Вдовы и вдовцы чаще, чем лица с другим семейным положением, оценивают свое здоровье как «среднее» (71,7 %) или «плохое» (10,7 %), только 17 % дают суммарно положительные оценки. Треть разведенных считают свое здоровье хорошим, 61,5 % — средним и 6,8 % — плохим. Наиболее высокие оценки своему здоровью присуждают те, кто в браке никогда не состоял (очень хорошее и хорошее — 55,4 %, среднее — 41,8 %, плохое — 2,8 %). Люди, состоящие в зарегистрированном браке, положительно оценивают здоровье в 37,2 % случаев, в 58,1 % — относят свое здоровье к среднему и в 4,7 % — к плохому. Практически такое же распределение ответов наблюдается и у живущих в гражданском браке.

Для проверки независимого влияния семейного статуса на самооценку здоровья было осуществлено сравнение средних значений распределений в подгруппах респондентов одного возраста с различным семейным статусом. Установлено, что в возрастных группах 30–44 года и 45–59 лет те, кто состоит в зарегистрированном (первом или повторном) или гражданском браке, достоверно выше оценивают свое здоровье, чем разведенные или вдовы. В подгруппе респондентов до 30 лет, напротив, наиболее высокий уровень самооценки здоровья демонстрируют те, кто не состоит в браке (независимо от его формы).

Установлена слабая связь между такими показателями, как удовлетворенность условиями и оплатой труда, работой в целом, и самооценками здоровья у респондентов мужского пола. Те, кто полностью/скорее удовлетворен указанными характеристиками в своей профессиональной деятельности, больше склонны к положительным характеристикам собственного здоровья ($g = 0,25$). В группе работающих женщин таких связей не обнаружено, однако для них важным оказывается общий пессимистический/оптимистический настрой на будущее. Так, отмечена слабая связь самооценки здоровья и надежды на улучшение жизни семьи в ближайший год ($g = 0,23$). Те женщины, которые предполагают улучшение жизни в будущем году, чаще дают положительные оценки здоровью (например, в 2015 г. эта подгруппа в 44,8 % случаев судила о своем самочувствии хорошо и только в 3 % случаев — плохо, тогда как противоположно настроенные дамы положительные характеристики здоровью дали в 18,5 % случаев, а отрицательные — в 12,3 %).

В отношении мужчин данная связь не обнаружена, зато их самооценки здоровья в некоторой степени сопряжены с представлениями о своем социально-экономическом статусе. Так, на два проективных вопроса о девяти ступенях социальной иерархии (*«Представьте себе лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой, ступени стоят нищие, а на высшей, девятой, — богатые. На какой из девяти*

ступеней находитеcь сегодня вы лично?» и «Представьте себе лестницу из девяти ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей — те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитеcь сегодня вы лично?») те мужчины, которые ставят себя на высшие ступени, в меньшей степени склонны давать отрицательные самооценки здоровью ($g = 0,20$ и $g = 0,22$ соответственно).

Необходимо отметить, что здесь мы не можем говорить о прямой зависимости уровней самооценок социальных статусов и здоровья, так как определение этих уровней, в свою очередь, сопряжено с объективными показателями здоровья. Например, если в течение последних 12 месяцев мужчине делали хирургическую операцию, то он скорее поставит себя на более низкую ступень на лестнице богатых и нищих ($g = 0,32$), так же как и в случае наличия у него группы инвалидности ($g = 0,22$) или при нахождении в больнице в течение последних 3 месяцев ($g = 0,33$).

Среди обоих полов отчасти определяющей самооценку здоровья является удовлетворенность жизнью в целом ($g = 0,28$). Те респонденты, которые в настоящее время полностью удовлетворены жизнью, более склонны давать позитивные оценки своему здоровью (в 2015 г. 56 % отмечают хорошее и очень хорошее здоровье, 41,5 % — среднее и только 1,6 % — плохое). Те же, кто не удовлетворен своей жизнью, чаще негативно оценивают свое здоровье (12,9 %). Аналогичные связи с самооценкой здоровья зафиксированы для показателя удовлетворенности своим материальным положением ($g = 0,26$).

Важно отметить, что у женщин удовлетворенность различными жизненными сферами не коррелирует с такими объективными показателями здоровья, как наличие хронических заболеваний, инвалидность, проблемы с самочувствием в последний перед опросом месяц и т. п. Удовлетворенность жизнью у мужчин отчасти зависит от факта хирургического вмешательства в течение последних 12 месяцев ($g = 0,28$) и наличия группы инвалидности ($g = 0,31$).

Коррелируют с показателем самооценки здоровья такие объективные показатели здоровья, как наличие и количество хронических заболеваний ($g = 0,69$), постановка диагноза тяжелых заболеваний и их количество ($g = 0,51$), наличие инвалидности ($g = 0,81$). Между ними установлены сильные связи, значимость меры которых для каждого показателя не превышает 0,05, что свидетельствует о высоком уровне достоверности полученных данных и релевантности показателя самооценки здоровья при характеристике популяционного здоровья или здоровья отдельных групп населения. Отметим, что показатель индекса массы тела в меньшей степени влияет на самооценку здоровья респондентов, что можно объяснить следующими причинами: во-первых, округление респондентами своего роста и веса (при частотном анализе наблюдаются выбросы, кратные 5 см и 5 кг соответственно); во-вторых, ответы респондентов распределены неравномерно по шкале (одна градация включает более 40 % ответов респондентов).

В целом состояние здоровья работающего населения России удовлетворительно, и наблюдается стабильная тенденция к его улучшению.

К основным объективным факторам, определяющим самооценку здоровья, относятся пол, возраст и семейное положение.

Среди мужчин больше, чем среди женщин, доля тех, у кого «хорошее» здоровье. Больше среди мужчин и тех, кто оценивает свое здоровье как очень хорошее.

В младшей возрастной группе респонденты чаще оценивают свое здоровье как хорошее. С возрастом увеличивается доля лиц, отмечающих, что у них среднее здоровье. Среди лиц пенсионного возраста почти три четверти склонны оценивать свое здоровье как среднее. Вдовы и вдовцы чаще, чем лица с другим семейным положением, оценивают свое здоровье как среднее или плохое. Наиболее высокие оценки своему здоровью в самой молодой группе дают те, кто в браке никогда не состоял, а в средних группах, напротив, состоящие в браке.

Субъективные показатели, влияющие на самооценку здоровья, для мужчин и женщин различны. Мужчины склонны давать негативные характеристики здоровью, если не удовлетворены условиями и оплатой труда, а также социальным статусом, женщины — если не видят перспективы улучшения жизни семьи в целом в ближайший год. Некоторое влияние на самооценку здоровья обоими полами оказывает общая удовлетворенность жизнью и материальным положением.

На удовлетворенность различными жизненными сферами, а также самооценку социального статуса у мужчин, в отличие от женщин, оказывают влияние такие факторы, как проведенная в течение последних 12 месяцев хирургическая операция, наличие группы инвалидности и нахождение в больнице в течение последних трех месяцев.

Подтверждена гипотеза о том, что такой показатель, как самооценка здоровья, способен адекватно описывать состояние здоровья и на популяционном, и на индивидуальном уровне.

1. Варламова С. Н., Седова Н. Н. Латентная нетрудоспособность — характер, факторы, масштабы // Социол. исслед. 2009. № 5. С. 51–58.

2. Канева М. А. Социально-экономические, поведенческие и психологические детерминанты самооценки здоровья россиян // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 6(339). С. 158–171.

3. Кислицына О. А. Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13, № 2. С. 289–302.

4. Кобелькова И. В., Батулин А. К. Анализ взаимосвязи образа жизни, рациона питания и антропометрических данных с состоянием здоровья лиц, работающих в условиях особо вредного производства // Вопр. питания. 2013. Т. 82, № 1. С. 74–78.

5. Медведев Д. А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопр. экономики. 2016. № 10. С. 5–30.

6. Назарова И. Б. Здоровье российского населения: факторы и характеристики (90-е годы) // Социол. исслед. 2003. № 11. С. 57–69.

7. Состояние здоровья работников судоремонтных заводов по результатам медицинских осмотров / А. Н. Никанов, М. А. Каминский, И. И. Рочева, Н. Р. Лештаева, В. С. Михалева, Б. А. Скрипаль, И. В. Новицкий, Т. И. Ефимова, О. Д. Петренко, Л. Н. Гришанова, Е. Н. Цырятьева // Экология человека. 2008. № 6. С. 24–26.

8. *Никольская О. Г.* Состояние здоровья городского работающего населения // Аспирант. вестн. Поволжья. 2015. № 1–2. С. 240–249.

9. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН [Электронный ресурс]. URL: RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 01.04.2017).

10. *Idler E. L., Benyamini Y.* Self-rated health and mortality: A review of twenty-seven community studies // *Journal of Health and Social Behavior*. 1997. Vol. 38. P. 21–37.

11. *Latham K., Peek C. W.* Self-rated health and morbidity onset among late midlife U.S. adults // *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2013. Vol. 68(1). P. 107–116.

12. *Lee Y.* The predictive value of self assessed general, physical, and mental health on functional decline and mortality in older adults // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2000. Vol. 54. P. 123–129.

Рукопись поступила в редакцию 12 апреля 2017 г.

УДК 316.74:2 + 274/278 + 172.3

Е. В. Грунт
О. Г. Смирнова

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ПРОТЕСТАНТИЗМУ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается отношение россиян к протестантизму в современной России. Предложена авторская периодизация становления протестантизма в России. В основание периодизации положены три критерия: виды деятельности протестантов в каждый из периодов, отношение к нему власти, выполняемые функции. Показано, что становление российского варианта протестантизма прошло пять основных периодов. В современной России протестантизм имеет свою историю, свои традиции, свой самобытный характер. Отмечается, что наиболее авторитетные протестантские церкви могут и должны обрести статус социальных партнеров государственных институтов. Исследование выявило, что отношение к протестантизму у большинства россиян во многом отрицательное, хотя большинство из них имеет знакомых или друзей среди адептов данной религии. Причинами являются стереотипы, сложившиеся в общественном мнении россиян.

К л ю ч е в ы е с л о в а: церковь, религия, протестантизм, протестанты, духовность, мораль, социальное партнерство, межконфессиональное сотрудничество, отношение россиян.

Спектр социологических проблем религиозной жизни общества и личности разнообразен и широк. Эти проблемы представляют интерес для верующих и неверующих, для светских ученых-гуманитариев и теологов. Они образуют междисциплинарное проблемное пространство, внутри которого существуют

и соприкасаются между собой не только социологические, но и социально-богословские вопросы. В отдельные исторические моменты религия является важным фактором, мощной социальной силой, инициирующей существенные социальные сдвиги и перемены в российском обществе. Как отмечают Р. Старк и У. Бэйнбридж, она выступает в роли потусторонних компенсаторов для физических лиц и особенно востребована в периоды личных, социальных и культурных кризисов [11, 3]. Так возникает пространство, где религиозность трансформируется в социальность, воплощается в ее массовые и индивидуальные формы. Это пространство и составляет один из тех проблемных ареалов, который может исследовать социология. П. Бурдье, изучавший проблему религиозных воззрений самих социологов, утверждает, что религия представляет собой универсум веры. При этом для социологии сама вера выступает проблемой, требующей осмысления [1, 25]. Одной из важных и малоизученных тем в российской социологии является проблема протестантизма и отношения к нему россиян в «православной стране».

Протестантизм в России, объединяющий до двух миллионов верующих, представлен несколькими десятками течений, самые многочисленные из которых — пятидесятники и баптисты. Представители протестантских деноминаций активно занимаются благотворительностью, сотрудничают с природоохранными организациями и образовательными учреждениями, но их социальная деятельность практически всегда остается в тени. Об их вкладе в общественную жизнь не упоминается в СМИ. Вся история их существования сопровождается искаженными стереотипами, существующими в общественном мнении россиян, — отрицательным отношением к деятельности протестантских деноминаций. Все это свидетельствует об актуальности темы исследования: изучение проблемы становления протестантизма в России, отношения к нему россиян, выявление причины того или иного отношения.

Прежде чем говорить об отношении к протестантизму россиян, дадим историко-социологический анализ периодов его становления в России. Рамки статьи не позволяют дать их полный анализ, выделим лишь общие характеристики каждого.

Становление протестантизма в России прошло пять основных периодов, неоднозначных и противоречивых как по длительности своего существования, видам деятельности, так и по отношению к нему власти. Критериями периодизации, на наш взгляд, могут выступать:

- 1) виды деятельности протестантов на каждом из этапов;
- 2) отношение власти к протестантизму;
- 3) выполняемые им функции.

О протестантизме в его русском варианте можно говорить как об элементе социального института религии в целом, выполняющем определенные функции. Исследование показало, что ведущими функциями протестантизма являются просветительская, аксиологическая, пропагандистская, охранительная, функция социализации личности, социокультурная, евангелизации и пр.

Первый период развития протестантизма в России относится к 1860–1870-х гг. В это время на юге России, в регионах компактного расселения сектантов, прежде всего молокан, переживших в середине XIX в. духовный кризис (впрочем,

как и все российское общество), началось распространение протестантизма (баптизма). До начала XX в. молокане и южные баптисты, имея серьезные разногласия в вопросах веры, сохраняли между собой личные, родственные и религиозные связи. Представители баптистов и евангельских христиан (пашковцев) присутствовали на молоканских съездах и праздниках, проповедовали в молоканских общинах, публиковались в молоканских изданиях, а новомолякане участвовали в мероприятиях баптистов и евангельских христиан. На раннем этапе развития к конфессиям русского протестантизма довольно близко примыкали общины смешанного типа, соединяющие элементы традиционного русского сектантства и протестантских идей Запада.

Одновременно протестантские идеи «оправдания по личной вере», «возможности обращения к Богу без посредничества церкви», «приоритета Библии над церковным преданием» становились популярными и в православной среде. Известное религиозное течение среди столичной аристократии, распространившееся затем и на другие слои общества, появилось в 1874 г. в Петербурге под влиянием проповедей лорда Редстока. По фамилии руководителя движения, полковника В. А. Пашкова, его сторонников стали называть пашковцами. В начальный период становления евангельского движения его течения не смогли объединиться и выработать единое вероучение, несмотря на попытку провести объединенный съезд (попытка была предпринята В. А. Пашковым и его единомышленниками в 1884 г.). Таким образом, мы видим, что к началу XX в. среди этих разнообразных, хотя и близких между собой течений выделялись два: евангельские христиане и баптисты. Именно они к 1905 г. оказались наиболее оформленными организационно и догматически, что позволило им быстро развиваться в легальных условиях как конфессиям русского варианта протестантизма. Их современными преемниками являются евангельские христиане-баптисты, евангельские христиане и другие протестантские церкви евангельского направления.

Второй период, 1905–1917 гг., стал относительно благоприятным временем организационного формирования конфессий и распространения русского протестантизма во всех регионах России для его утверждения в легальных формах в государстве и обществе. На этом этапе начинают формироваться как институциональные (наличие молебных домов, школ, миссии, появление пасторов как социально-профессиональной группы священников и пр.), так и функциональные его характеристики (просвещение, пропаганда, социализация детей, охрана вероисповедания и пр.). Все это говорит о том, что протестантизм постепенно становился важным элементом религиозной жизни российского общества и важным элементом религии как социального института. Хотя процессы эмансипации и интеграции русских протестантов в российское общество не стали необратимыми, тем не менее протестантизм сохранил легальный статус (по крайней мере, на уровне отдельных общин) и в дальнейшем, на протяжении всего советского периода истории.

До 1905 г. правовое положение русских протестантов (за исключением баптистов, получивших легализацию в 1879 г. [3, 27]) не было обеспечено. Их общины не могли иметь легальный статус, из-за чего были лишены не только возможности

свободной религиозной деятельности, но и самого права на существование. Вместе с тем русские протестанты демонстрировали свои сплоченность и трудолюбие, а повсеместное трезвенничество и помощь в общинах бедным единоверцам способствовали их зажиточности. Как справедливо отмечает И. С. Проханов, «...будучи заброшенным в русскую действительность и проповедуемо простыми людьми, Евангелие преобразило и преобразовывает сотни тысяч и даже миллионы жизней многих пьяниц в совершенно трезвых людей, развратников — в святых... праздных и ничего не делающих — в неутомимых тружеников и т. п.» [6, 9].

Однако в русском протестантизме оказались слабо развитыми или нереализованными некоторые характерные черты западного протестантизма: протестантская деловая этика, культ предприимчивости, профессионального и личного успеха, стремление к общественной интеграции. Именно об этих чертах писал М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» [2, 135]. В реальной жизни к подобию монашества чаще стремились интеллигентные горожане (например, близкий к евангельскому кругу барон П. Н. Николаи, фрейлина императорского двора М. П. Мясоедова, которая отказалась от замужества и наследства и стала офицером Армии спасения; все три дочери лидера петербургских евангельских христиан И. В. Каргеля и т. д.). Представители тех сословий, для которых труд был жизненной необходимостью, а большая семья — условием ведения хозяйства, придерживались более практических установок, хотя и не проявляли при этом особой деловитости и стремления к успеху. В конце XIX в. произошла легализация русского протестантизма.

На наш взгляд, следующий, т р е т ь и пер и о д, становления протестантизма в России, период 1918–1929 гг., явился самым благоприятным. Это связано с тем, что русские религиозные меньшинства, в частности русские протестанты, пользовались относительно привилегированным положением по сравнению, например, с Русской православной церковью. Еще в 1903 г. на II съезде РСДРП его участники приняли резолюцию «О работе среди сектантов». Однако ее принятие не имело серьезных практических последствий. Что касается советского правительства, то в первые годы своего существования оно пыталось заигрывать с сектантами, считая их своими, по крайней мере временными, попутчиками (публичные обвинения сектантов в контрреволюционности и массовом пособничестве белогвардейцам относятся уже к концу 1920–1930-м гг.). Этому способствовали как объективные обстоятельства (отсутствие у русских религиозных меньшинств богатства, духовного сословия и т. д.), так и лояльное отношение значительной части сектантского руководства к новой власти.

Многие верующие не только разделяли идеи коммунистического братства, но и пытались воплотить их в жизнь. Наиболее ярко это проявилось в публицистической и организаторской деятельности И. С. Проханова — председателя Союза евангельских христиан, инициатора создания религиозных сельскохозяйственных коммун. В статье «Новая, или евангельская, жизнь» он писал об общественном идеале: новая общественная жизнь «...будет построена на принципе удовлетворения всех законных потребностей каждого члена. В ней, с одной стороны, не будет нужды, а с другой стороны, не будет места излишеству и роскоши» [6, 15].

Идеал Проханова, хотя и подкрепленный библейскими цитатами, мало отличается от других коммунистических утопий. В принципе, если говорить о коммунистических идеалах и ценностях, то во многом они схожи с религиозными ценностями. Если сравнивать ценности и идеалы протестантизма и православия, то, на наш взгляд, православные ценности во многом стали прообразом коммунистических ценностей. Почему же протестантизм поддерживал ценности и идеалы, навязанные новой властью? Очевидно, это связано с тем, что такие ценности, как отсутствие роскоши и излишества, труд, удовлетворение потребностей каждого члена общества и провозглашаемое новой властью личностное начало — основные ценности протестантизма — совпали с провозглашаемыми ценностями коммунистической идеологии.

В советской России работали иностранные миссионеры. Крупные городские общины имели зачастую хоры и оркестры, состоявшие из профессиональных музыкантов. Массовые крещения, совершавшиеся на открытом воздухе, на берегах рек и озер, собирали сотни любопытных, становились местным событием и своеобразной формой религиозной агитации.

Внутренняя жизнь общин не ограничивалась богослужebными собраниями. В молитвенных домах действовали библейские, музыкальные, рукодельные, женские, детские, юношеские и другие кружки. Верующая молодежь устраивала театральные представления, концерты, поэтические вечера, лодочные катания, пикники. «Втягивание молодежи в секты идет главным образом через обучение ее игре на музыкальных инструментах, пению, декламации» [7, 18]. Здесь мы видим вновь проявление пропагандистской, просветительской и воспитательной функций протестантизма. К ним еще добавляется интеграционная функция, так как осуществлять контроль над организациями, имеющими единую структуру, использовать для проведения своей политики руководящие центры, было легче и эффективнее, чем иметь дело со множеством разрозненных религиозных групп. К тому же противники религии вынуждены были признать, что они не всегда в состоянии конкурировать с протестантами.

1940–1980-е гг. — четвертый период формирования протестантизма в России. На наш взгляд, в условиях гонений, нелегального или полунелегального существования русский протестантизм постепенно начал терять свои институциональные характеристики, существовал как замкнутая субкультура — особый мир, отделенный от окружающего невидимой, но четкой гранью. В отличие от контркультуры с ее активной наступательной позицией, стремлением влиять на окружающий мир субкультура русских протестантов имела своей главной целью выживание и самосохранение. В системе ее ценностей было хорошо все то, что способствовало изоляции от мира, и плохо все, что могло привести к слиянию с ним, а значит, и к гибели.

Как отмечалось ранее, если до начала гонений (в 1930-е гг.) многие русские протестанты участвовали (хотя и не очень активно) в общественной жизни российского общества, стремились к получению образования, профессиональному росту, интересовались культурой, искусством, не отвергали занятий спортом, то в дальнейшем под влиянием внешних условий социальная концепция русского

протестантизма претерпела серьезные изменения. Окружающий мир сделался настолько враждебным, что для верующих стало естественным желание «убежать» от него, замкнуться в рамках общины. Церковные порядки и правила становились более строгими, все больше стали заметны тенденции к изоляции от общества и замкнутости членов общин в кругу единомышленников. Разумеется, этот процесс не был единообразным для всех течений русского протестантизма. Наибольшей замкнутостью и строгостью правил отличались подпольные, незарегистрированные группы (например, пятидесятники, адвентисты-реформисты). Лояльные протестанты были более открытыми, тем более что и власти требовали от них отказа от изоляционизма. В то же время именно «нелегалы» вели особую активную миссионерскую деятельность.

В русском протестантизме послевоенного времени можно выделить ряд основных черт субкультуры. В протестантских общинах и семьях верующих настоятельно рекомендовалось избегать общения с атеистами (за исключением имеющих у них родственных связей, контактов по месту работы или учебы); вредным считался интерес к советской культуре и СМИ, особенно к телевидению (радио считалось более допустимым, поскольку верующие нередко слушали религиозные передачи зарубежных радиостанций); не приветствовался интерес к светскому искусству (литературе, кино, живописи, современной музыке). У значительной части верующих это доходило до эстетического нигилизма. Не поощрялось стремление к образованию и профессиональному росту (чему способствовали дискриминация верующих государством, а также наличие курса «научного атеизма» в программах советских вузов). В результате понижался образовательный и интеллектуальный уровень не только массы рядовых прихожан, но и религиозных служителей.

Настороженное отношение к образованию и умственному труду сохранилось в некоторых консервативных общинах даже в наши дни. Культивировалась одежда без каких-либо украшений (в некоторых случаях таковыми считались наручные часы и мужские галстуки) [8, 27], причем правила, касавшиеся внешности и быта, возводились порой в ранг принципиальных доктрин. В лексиконе русских протестантов выработались особые слова и термины, характерные только для этой среды; личное общение между мужчинами и женщинами сводилось к минимуму; возросла власть служителя над рядовыми прихожанами; отношение к отлученным или людям, добровольно покинувшим общину, было жестким. Все это, с одной стороны, говорит о субкультурности русского протестантизма в этот период, а с другой — о его отличии от западного.

Вместе с тем русские протестанты стремились компенсировать недостаток внешних впечатлений интересной и наполненной внутренней жизнью общины: члены общины активно общались между собой, вместе отмечали праздники и памятные события (дни рождения, свадьбы и т. п.); оказывали взаимную материальную и моральную помощь; посещали дружественные общины; создавали хоры, оркестры, библейские и рукодельные кружки, куда по желанию принимались и неверующие; организовывали специальное общение для молодежи. Протестанты культивировали трезвость и трудолюбие. В общинах существовали запреты

на употребление алкоголя, курение, сквернословие и аборт. Разводы были крайне редки, обычно происходили по инициативе неверующей стороны (в случае смешанных браков). Правда, настоящего культа крепкой многодетной семьи русских протестантов не сложилось, поскольку огромное преобладание в общинах женщин и недостаток мужчин при ограниченности внешних взаимодействий (или даже прямом запрете на браки с неверующими) приводили к тому, что многие «сестры» оставались одинокими и бездетными. Церковное руководство, состоявшее, естественно, из мужчин, редко обращало внимание на эту демографическую проблему и объясняло несложившуюся личную жизнь большинства своей паствы «волей Божьей». Тем не менее многодетность верующих семей (запрещались не только аборт, но и «греховные» формы предохранения) позволяла многим общинам самовоспроизводиться за счет внутренних ресурсов, даже не прибегая к активной миссионерской деятельности.

Следующий, п я т ы й, п е р и о д в развитии протестантизма в России — конец 90-х гг. XX в. — наши дни. После распада СССР наблюдаются бурное распространение и рост протестантских общин (особенно пятидесятнических и харизматических), развитие богословской науки и образования, издательской, благотворительной, религиозно-общественной и культурной деятельности. Русские протестанты постепенно интегрируются в современное общество, преодолевая на этом пути общественную настороженность и собственные изоляционистские устои, освобождаются от влияния зарубежных единоверцев. Мы можем говорить о том, что русский протестантизм восстанавливает свои институциональные характеристики и функции (вновь появляются церкви, моленные дома; социально-профессиональная группа священников; миссия, функции и пр.). Возможно, именно надежды на быстрое чудо, становление личностного начала, ценность успеха импонируют современному российскому обществу. К тому же в делах, касающихся церковного служения, харизматы проявляют большую активность и дисциплинированность, что способствует бурному распространению этого движения во всем мире, включая Россию. Для харизматов также характерно использование на богослужениях современной музыки (в том числе рок-музыки) [5, 151] и танцев, допущение к причастию некрещеных людей, допущение женщин к должности пастора. Эти же особенности в той или иной степени свойственны либеральным пятидесятникам.

Из церкви евангельских христиан-баптистов также выделилось более либеральное течение, объединившееся в Союз церквей евангельских христиан. Для евангельских общин характерно стремление сохранить основные принципы евангельского христианства, но не держаться за устаревшие правила и традиции, касающиеся формы богослужений, стиля одежды, бытового уклада и т. д.

Несмотря на появление либеральных церквей и проникновение «мирского духа» в консервативные протестантские общины, последние по-прежнему пользуются заметным влиянием в России. При этом важной причиной нежелания объединиться с лояльными единоверцами является неприятие экуменизма. Одним из главных программных документов современного протестантизма в обществе является документ под названием «Социальная позиция протестантских церквей

России», который подготовили российские протестантские церкви в 2003 г. в соответствии с решением Консультативного совета глав протестантских церквей. Таким образом, мы можем сказать о том, что протестантизм как элемент социального института религии имеет сегодня свой руководящий орган. В настоящее время в Консультативный совет входят Евразийская федерация союзов евангельских христиан-баптистов стран Содружества, Евро-Азиатское отделение Церкви христиан адвентистов седьмого дня, Западно-Российский союз Церкви христиан адвентистов седьмого дня, Российский объединенный союз христиан веры Евангельской, Российский союз Евангельских христиан-баптистов и Союз христиан веры Евангельской пятидесятников России.

В своем программном документе коллектив авторов сформулировал ценности и нормы, характерные для христианской общины. Большое внимание уделено представлению позиции протестантских деноминаций России по вопросам прав и свобод человека. Кроме того, в документе определены сферы взаимодействия церквей и государства. Перечень сфер сотрудничества включает в себя, в частности, поддержку института семьи, материнства и детства; служение милосердия и благотворительность; посильную деятельность в профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы [9, 15].

Рассмотрев проблемы становления протестантизма в России, перейдем к анализу результатов эмпирического исследования, посвященного отношению россиян к протестантизму.

Методология исследования. Методологическую базу исследования составили идеи структурно-функционального анализа, институционального подхода к протестантизму; положения о специфике российского варианта протестантизма; междисциплинарный подход, позволяющий привлечь данные истории при социологическом анализе протестантизма в России. Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического исследования, проведенного под руководством авторов в 2014–2015 гг. в Екатеринбурге. Методами сбора первичной информации выступали анкетный опрос жителей Екатеринбурга ($n = 600$ человек), глубинное интервью с пасторами ($n = 5$). Также осуществлен вторичный анализ данных других исследователей. Екатеринбург является типичным российским культурным, промышленным, научным центром, расположенным на Среднем Урале, между Европой и Азией, и имеет все типичные для России протестантские общины.

Результаты исследования. *Знание респондентами ценностей протестантизма.* Важный вопрос нашего исследования — с какими деноминациями в протестантизме знакомы респонденты. Данные исследования показали, что самыми известными из них являются баптисты (40%), следующими в списке по узнаваемости стоят пятидесятники (20%), далее следуют евангелисты (19,1%); наименее известными оказались методисты (11,8%). Затруднились ответить на этот вопрос 40,9% опрошенных. Мы предполагаем, что данное затруднение связано с тем, что респонденты не видят отличий между разными течениями протестантизма.

Исследование показало достаточно хорошее знание респондентами основных ценностей протестантизма. Были выделены индивидуализм (28% опрошенных);

рационализм, прагматизм (95,5 %); стремление к успеху (26,4 %); трудолюбие (21,8 %); ценность времени (3,6 %); стремление к независимости (22,7 %); любовь к ближнему (18,2); любовь к Богу (9,1 %). В целом можно сделать вывод о том, что респондентами отражены практически все ведущие ценности, присущие данной религии, что свидетельствует о достаточно хорошей осведомленности респондентов о ней.

В исследовании нами проанализированы источники получения респондентами знаний, информации о протестантизме. Вопрос о том, какие источники информации помогли респондентам узнать о протестантизме, является для нас важным потому, что позволяет понять, к каким методам прибегает протестантская церковь в нашей стране для привлечения новых адептов и пропаганды своих ценностей, а также то, насколько эффективны эти методы. Вопрос предполагал несколько вариантов ответов, так как источников информации могло быть сразу несколько. Исследование зафиксировало, что самым популярным источником оказались друзья и знакомые (96 %); 59 % респондентов отмечают, что имели доступ к религиозной литературе и узнали о протестантизме из нее; 34 % опрошенных узнали об этом из СМИ; 27 % получали брошюры и узнали о протестантизме из них.

Данные об источниках информации продемонстрировали нам, что среди жителей города существует «народная молва» и многие люди узнают о протестантизме друг от друга. Это вполне объяснимо. На территории Екатеринбурга зафиксированы 42 протестантские церкви [10], поэтому горожане не только знают о существовании протестантизма как таковом, но и имеют представления о деятельности протестантской церкви. Данные анкетного опроса подтвердили результаты глубинного интервью: *«У нас разные методы работы с населением города: проповеди; выпуск литературы; проведение специальных тематических занятий о Евангелии, о нашей деятельности; организация работы с детьми; наши миссионеры ходят по квартирам, рассказывая о Боге и ценностях, проповедуемых нами»* (пастор, 38 лет).

Следующая проблема, рассмотренная в нашем исследовании, — наличие или отсутствие у респондентов знакомых или друзей, которые придерживались бы протестантизма. Результаты исследования показали, что 51,8 % опрошенных не имеют среди друзей или знакомых адептов протестантских церквей; 34,5 % ответили на этот вопрос положительно; 13,6 % затруднились дать ответ. Таким образом, исследование показало, что практически каждый третий опрошенный имеет знакомых — приверженцев протестантизма. Это еще раз подтверждает достаточную степень информированности респондентов о представителях протестантизма и тех принципах, на которых он основывается, а следовательно, наличие некоторого сложившегося мнения о протестантизме.

Отношение респондентов к протестантизму. Причины позитивного/негативного отношения. В исследовании нас интересовал вопрос об отношении респондентов к протестантизму и о причинах того или иного отношения к нему. Анализ данных показал, что люди в большей степени относятся к протестантизму негативно. Большинство опрошенных отметили, что они относятся к нему «скорее отрицательно» (47,3 %); 18,2 % опрошенных — «отрицательно», 17,3 % — «скорее

положительно». Никто из респондентов не указал на однозначно положительное отношение. Как видим, каждый пятый опрошенный затруднился с ответом, а большинство из них относятся к протестантизму отрицательно. Данные глубинного интервью подтвердили результаты анкетного опроса: «Отношение к нам негативное. Хотя в последнее время к нам много приходит молодежи. Негативное отношение к нам, сложившееся в общественном мнении населения, скорее связано с незнанием нашей деятельности или пережитками прошлого...» (пастор, 52 года).

Настораживает тот факт, что никто из респондентов не дал положительную оценку этой религии. Возникает вопрос, с чем связано позитивное или негативное отношение к протестантизму. Исследование зафиксировало: среди негативно настроенных людей имеются те, кто считают, что общины протестантских церквей напоминают секту (33,3 %); 43,2 % опрошенных считают, что протестанты слишком вольно трактуют Библию. Есть те, кто отрицательно относятся к протестантизму в силу того, что представители протестантизма не имеют должного влияния в обществе (23,3 %). Некоторые люди аргументировали свое мнение тем, что протестанты не принимают участия в общественной жизни (10 %) (рис. 1).

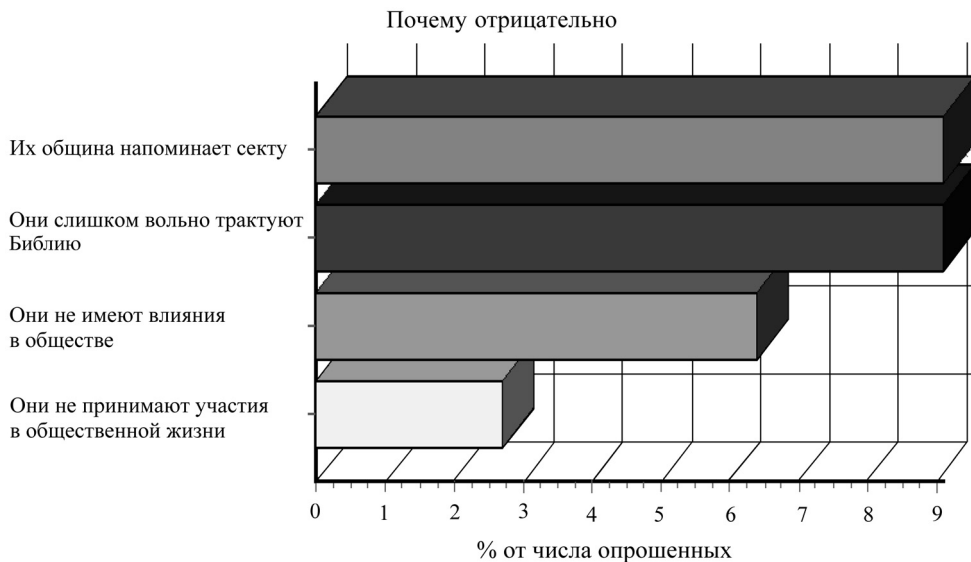

Рис. 1. Причины отрицательного отношения респондентов к протестантизму

Общая тенденция здесь, по нашему мнению, такова, что людей в большей степени настораживают те порядки, которые установлены внутри самой церкви. То обстоятельство, что протестантские общины являются более сплоченными ввиду относительно небольшого, но постоянного числа адептов, формирует в общественном мнении россиян ощущение того, что из таких общин очень сложно вернуться в обычную жизнь. На это указал каждый третий опрошенный. Вполне вероятно, что печальный опыт 90-х гг., когда был пик формирования различных пирамид и культов, наложил свой отпечаток на менталитет россиян. Также

и то обстоятельство, что в протестантизме используют русскоязычный перевод Библии, что делает ее более доступной для понимания, послужило еще одним поводом для недоверия к этой религии. Упрощенность обрядов и отсутствие лишней атрибутики в молитвенных домах протестантов, показалось простым людям слишком вольным и поверхностным отношением к библейским заветам (на это указало большинство респондентов – 74 %). Немаловажной проблемой оказалась и общественная жизнь протестантов (на это указал каждый третий респондент). Определенная часть респондентов ссылается именно на нее как на причину своего негативного отношения. Недостаточно активное участие в общегородских мероприятиях, крупных акциях или благотворительности расценивается как замкнутость и обособленность протестантских общин. На это указал каждый второй респондент. Такое положение вещей говорит о равнодушии представителей протестантизма к общественной жизни, отсутствию у них гражданской позиции и позитивных предложений для улучшения уровня жизни в городе.

Среди положительно оценивающих протестантизм мнения распределились следующим образом: большинство людей высоко ценят современные взгляды и гибкость протестантов в вопросах быта, норм и ценностей, которых они придерживаются в своем образе жизни (26,3 %). Еще 35,3 % респондентов позитивно оценили жизнерадостность, которая не присуща православным верующим. Также были отмечены доброта и открытость (21,1 %). Далее было отмечено, что протестанты «не навязывают свое мнение другим» (15,8 %). На последнем месте оказалось их умение ценить время и насыщенность жизни (10,5 %) (рис. 2)

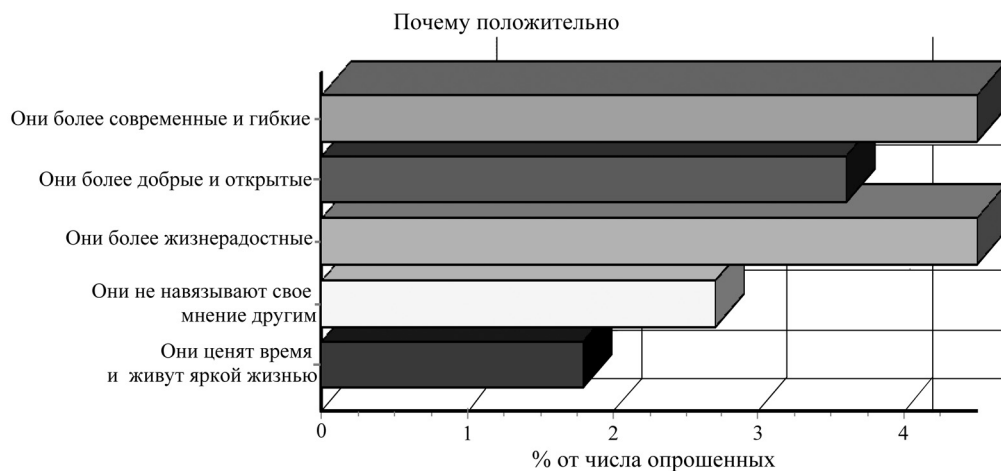

Рис. 2. Причины положительного отношения респондентов к протестантизму

Как видно из рис. 2, люди, которые питают позитивные чувства к протестантам, ссылаются на личные характеристики адептов протестантских церквей. Им импонируют не столько результаты протестантской деятельности, сколько внутреннее состояние адептов и их отношение к жизни. Очевидно, что привлекательная

для респондентов жизнерадостность и более современный взгляд на нормы и правила, присущие протестантам, кажутся особенно ценными в сравнении со взглядами православных верующих. Более строгая и кроткая модель поведения глубоко верующих, православных людей и некоторых священнослужителей тяготит людей, далеких от религии. В свою очередь, сбрасывает стереотип о том, что верующие люди ограничивают себя во многих простых радостях. Были отмечены такие душевные качества, как доброта и открытость. Симпатия к отсутствию агрессивного вмешательства в личное пространство других людей была отмечена как важное качество протестантов. Наше исследование подтвердило данные, полученные другими социологами [4, 179]. Возможно, такое мнение респондентов складывается благодаря сравнению протестантской и православной церкви. В последнее время в России наблюдаются тенденция к усилению влияния православия на светскую жизнь общества, сращивание православной церкви и государства. Как уже отмечалось нами ранее, согласно протестантской этике и тем нормам, которые существуют в протестантских общинах, им действительно свойственны простота и деловая этика, предприимчивость, что позволяет идти в ногу со временем, не выделяясь на фоне остальных людей своим ярко выраженным инакомыслием.

Исследование позволило сделать вывод о том, что становление российского варианта протестантизма прошло пять основных периодов. В настоящее время он во многом утратил связь с западными течениями. Российский вариант протестантизма имеет свою историю, приобрел свои традиции, у него есть свой самобытный характер. Его цели, ценности и функции направлены на служение обществу, призваны улучшать качество жизни людей. Протестантские церкви готовы активно участвовать в решении насущных проблем, переживаемых народом нашей страны. На наш взгляд, наиболее авторитетные из них могут и должны обрести статус социальных партнеров государственных институтов, вносящих весомый вклад в духовно-нравственное воспитание молодежи, преодоление детской беспризорности и безнадзорности, укрепление семьи, оздоровление нравственной атмосферы в обществе, формирование высоких стандартов деловой, хозяйственной и трудовой этики. Позитивное развитие данного процесса и его динамика в значительной степени зависят от консолидации российских протестантов, их желания и умения развивать и укреплять межконфессиональные связи и сотрудничество.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что отношение к протестантизму у большинства респондентов во многом отрицательное, хотя большинство из них имеет знакомых или друзей среди адептов этой религии. Причинами являются стереотипы, сложившиеся в общественном мнении россиян: сама церковь (упрощенность обрядов, Библии, убранство церкви), личностные качества прихожан (отказ от общественной работы, благотворительности, отсутствие гражданской позиции).

1. *Бурдье П.* Социология веры и верования социологов. Начала : сб. текстов / пер. с фр. Н. А. Шматко. М., 1994.

2. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
3. История евангельских христиан-баптистов в СССР. Издание Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов. М., 1989
4. Каргина И. Г. Влияние кризиса на протестантские конфессии в современной России // Теория и практика. Краснодар, 2014. № 2.
5. Никольская Т. К. Христианская рок-поэзия 1990-х гг. в религиозно-общественном контексте // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 2000. Вып. 4.
6. Проханов С. И. Новая, или евангельская, жизнь // Христианин. 1925. № 1.
7. Сводка о состоянии религиозных организаций и антирелигиозной пропаганды по Ленинградской области. Л., 1928
8. Сименс О., Поплавкин В. Церковь: пастыри и стукачи. Черкассы, 1995
9. Социальная позиция протестантских церквей России. М., 2003. С. 15.
10. Христианская афиша Екатеринбурга [Электронный ресурс]. URL: <http://ekaterinburg.drevolife.ru/karta/sverdlovskaya/ekaterinburg/> (дата обращения: 07.04.2017).
11. Stark R., Bainbridge W. The Future of Religion. Berkeley, CA: University of California Press, 1985.

Рукопись поступила в редакцию 5 июня 2017 г.

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.485.26 + 316.485.6 + 355.01

Н. А. Комлева

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА: СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА

В статье впервые в русскоязычной научной литературе гибридная война рассматривается как исключительно геополитическое явление, в своем полном объеме определяемое в иных исследовательских парадигмах. Проблема изучается в рамках методологии геополитического реализма. Автор полагает, что сущностью гибридной войны является совокупность действий, направленных на разрушение всех основных геополитических пространств общества-соперника, то есть на его абсолютное сокрушение, причем агрессия во всех основных типах геополитических пространств осуществляется одновременно. Вычлениются основные технологии гибридной войны и ее ключевые акторы. Автор высказывает свою точку зрения на способы противодействия актам гибридной войны, ведущейся против России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: война, гибридная война, акторы гибридной войны, технологии гибридной войны, способы противодействия актам гибридной войны.

Сущность феномена «война» определяется в толковом словаре В. И. Даля (первое издание, 1863–1866) следующим образом: «ВОЙНА ж., раздор и ратный бой между государствами, международная брань» [9]. С. И. Ожегов в своем толковом словаре (первое издание — 1949 г.) уже толкует данное понятие несколько иначе, более расширительно: «ВОЙНА ж., вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства» [26]. В политологическом словаре-справочнике, изданном в 2008 г., находим: «ВОЙНА — вооруженное столкновение в ходе разрешения конфликтов, форма разрешения политического конфликта путем применения насилия» [19]. Как видим, в нашем веке, в отличие от столетий XIX и XX, *войной принято называть вооруженное разрешение политических конфликтов любой природы.*

Необходимо отметить при этом, что существительное «война» в течение последней четверти века постоянно обрастает прилагательными, меняющимися с довольно высокой скоростью: асимметричная, преэмптивная, сетевая, сетевая, сетевая, нелинейная, бесконтактная, непрямая, неконвенциональная, информационная, психологическая, прокси-война, хаос-война и, наконец, гибридная.

Большая изменчивость прилагательных при неизменности существительного «война» говорит о высокой степени конфликтности общества как на глобальном, так и на региональном и локальном уровнях функционирования.

В чем причина возросшего уровня социальной и межгосударственной конфликтности? По нашему мнению, таких причин несколько: 1) вследствие исчезновения мировой системы социализма возникла проблема передела постсоциалистического и постсоветского пространства между державами-победительницами в холодной войне (1946–1991), что определило высокий уровень конфликтности в целом ряде «больших регионов» (Восточная Европа, Центрально-Азиатский регион, Большой Ближний Восток, Юго-Восточная Азия, Северная и Центральная Африка); 2) США, стремясь сохранить свое монопольное глобальное лидерство, прилагают усилия для подавления развития региональных сверхдержав, в том числе и путем поощрения сепаратизма и терроризма на их территории, вовлечения данных государств в «конфликты малой интенсивности», организации «цветных революций» и «гуманитарных интервенций» (см. об этом, в частности, [18, 23, 29]); 3) «социальное государство» стран Запада, сформировавшееся в период борьбы двух систем, в том числе их соревнования в сфере социальной защиты, постепенно теряет свои позиции (см. об этом, например, [20, 15]), что вызывает недовольство некоторых слоев населения (мигранты, «новые бедные») и попытки организовать массовые беспорядки с требованием возврата к полномасштабным формам социальной защиты.

В последнее десятилетие к этим причинам добавилась еще одна, которая и является одним из базовых факторов возникновения феномена гибридных войн: переход современной России в статус великой державы и предпринимаемые ею в связи с этим попытки возврата в свои прежние лимитрофы (контролируемые пространства), в настоящее время уже имеющие других «хозяев» (подробнее об этом см. [10]).

Понятие *гибридной*¹ войны используется с 2001 г., когда в англоязычной научной литературе появляется первое упоминание об этом типе войны [35, 175]. С середины первого десятилетия текущего века термин «гибридная война» постоянно употребляется в работах таких англоязычных авторов, как Фрэнк Хоффман, Дэвид Килкален, Билл Немет, Джон Маккуэн, Натан Фрейер, Прашант Парамесваран. Гибридная война понимается данными авторами как сочетание регулярных и иррегулярных форм ведения боевых действий (см, например, [33]). Под иррегулярными боевыми действиями в данном случае понимаются операции, осуществляемые террористическими организациями. Таким образом, акторами гибридной войны признаются как государственные, так и негосударственные структуры [Там же].

В русскоязычной научной литературе толкование гибридной войны гораздо более расширительное. Сферой гибридного противоборства полагаются все основные сферы жизнедеятельности общества (см., в частности, [7]). При

¹ Понятие «гибрид» пришло из биологии, где означало животное или растение, полученное в результате скрещивания генетически различающихся особей [27]. В прочих науках означает объект, полученный сочетанием разнородных частей.

этом исследователи данной проблемы, предлагая свои определения понятия «гибридная война», дают исключительно дескриптивные дефиниции, подробно перечисляя признаки гибридной войны в различных сегментах общественной жизни. По нашему мнению, это проистекает из имплицитно присутствующей в каждом исследовании гибридной войны опорной максимы К. Клаузевица о войне как о продолжении политики другими средствами. Однако представляется, что позиционирование гибридной войны как феномена, принадлежащего исключительно сфере политики, неправомерно и потому продуцирует многочисленные дефиниции экзистенциального толка (перечисление параметров существования), никак не завершаясь формулированием дефиниции эссенциальной (указание на сущность феномена).

По нашему мнению, *гибридная война представляет собой исключительно геополитическое явление, в своем полном объеме не определяемое в иных исследовательских парадигмах.*

Гибридная война — это совокупность действий, направленных на разрушение всех основных геополитических пространств общества-соперника, то есть на его абсолютное сокрушение. При этом агрессия во всех основных типах геополитических пространств осуществляется одновременно.

Основными геополитическими пространствами автор данной статьи полагает следующие: географическое, экономическое, информационно-идеологическое и информационно-кибернетическое. В каждом типе геополитического пространства способы ведения гибридной войны различаются в соответствии с природой данного типа пространства.

Основные способы ведения гибридной войны в *географическом пространстве*: 1) локальные «традиционные» войны в ресурсных регионах страны–объекта агрессии, вовлечение данной страны в серию «конфликтов малой интенсивности» по периметру ее границ; 2) «цветные революции»², то есть государственные перевороты в стране–объекте агрессии и в государствах, являющихся ее геополитическими союзниками; 3) поощрение сепаратизма в стране–объекте агрессии.

Все перечисленные технологии применяются к современной России. В конце 90-х — начале 2000-х гг. страны Запада и их союзники, страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Иордания, ОАЭ), спонсировали террористическую войну (термин С. Иванова, тогдашнего министра обороны РФ) на российском Северном Кавказе в финансовом отношении, поставляли в регион наемников, военных советников, современное вооружение. Террористическая война была составной частью сепаратизма так называемой Республики Ичкерия, образованной на большей части Чеченской Республики в составе России, а также определенных сил в Республиках Ингушетия, Кабардино-Балкария, Дагестан (проект «Лакской республики»). Попытки осуществить «ромашковую революцию» в Российской Федерации наблюдались в 2003–2008 гг., а также в 2012 г. («белоленточное движение»). «Цветные революции» прошли по Сербии, Украине (дважды), Грузии, Киргизии.

² О сущности и основных технологиях «цветных революций» см. [14, 406–414].

Основные способы ведения гибридной войны в *экономическом пространстве*: 1) санкции против отдельных отраслей экономики страны–объекта агрессии, в том числе закрытие для нее международных рынков (или отдельных их сегментов) и блокирование доступа к определенным технологиям; 2) санкции против всех отраслей экономики страны–объекта агрессии в совокупности (экономическая блокада); 3) санкции против ключевых персоналий, определяющих содержание и ход экономических процессов в стране–объекте агрессии.

В настоящее время Россия находится под экономическими санкциями со стороны США, ЕС, Австралии, Канады, Японии и некоторых других стран, введенных в 2014 г. после присоединения Крыма к России. Под санкциями оказались практически все системообразующие банки страны, нефтедобывающие компании, основные предприятия оборонно-промышленного комплекса. Санкции направлены прежде всего на ключевой сектор российской экономики — нефтяной. Блокируется доступ к технологиям для освоения арктических, сланцевых и трудноизвлекаемых месторождений нефти. Санкции, установленные в отношении российского банковского сектора, затрагивают довольно значительную его часть — более 50 % суммарных активов. Произошло резкое сужение географической и продуктовой диверсификации российского агропродовольственного импорта, ослабление сырьевой и производственной базы пищевых отраслей [21]. Потери от санкций составили в 2015 г. 3,7 % ВВП [30].

Санкции против России пали на «плодородную почву»: страна находилась в чрезмерной зависимости от импорта не только указанных продуктов промышленного производства, но и лекарств, изделий электроники, продовольствия, товаров широкого потребления. Так, в тяжелом машиностроении доля импорта в 2014 г. составила 60–80 %, в станкостроении — свыше 90 %, в радиоэлектронике — 80–90 %, в медицинской промышленности и фармацевтике — 70–80 %, в легкой промышленности — 70–90 %. За период 2000–2014 гг. объем ввозимой продукции увеличился в 8,4 раза [30].

Действуют также персональные санкции против ведущих политиков, банкиров, промышленников страны.

Основные способы ведения гибридной войны в *информационно-идеологическом пространстве*: 1) замещение традиционных ценностей и/или доминирующих идеологических конструктов данного общества ценностями и/или доминирующими идеологическими конструктами другого общества; 2) фальсифицирование истории страны–объекта агрессии; 3) десакрализация пророков, основных персоналий и основных постулатов базовых религий страны–объекта агрессии; 4) имплантация и/или поощрение децивилизующих социальных практик: промискуитета, насилия в отношении слабых и беспомощных, наркомании, инцеста, бытовой и экономической преступности.

Информационно-идеологическое пространство России на рубеже XX–XXI вв. сжалось почти до минимального объема. «Ценности теряют ценность... Вера отвергается, верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рвутся» [32, 11]. Следствием сформированности фактора «общей несчастливой судьбы» — или, в иной терминологии, ощущения перенесенной глубокой

социальной травмы — стала «своеобразная идеализация Запада, стремление сблизиться с ним вплоть до обретения единой идентичности» [8, 11]. Имплантация западных идеологических конструктов и западных ментальных ценностей внутрь информационно-идеологического пространства постсоветской России была эффективной, поскольку в том числе строилась на компенсационной технологии преодоления социальной травмы (социальной травмой являлись распад СССР и «шоковая социальная терапия») — так называемой инновационной стратегии, состоящей в быстром восприятии новых навязанных ценностей [1]. «Главная тенденция, отмеченная в последние годы, — рост числа людей с индивидуалистическими ориентациями. Если в 2008 г. в целом по стране преобладали представители социальных ориентаций, то к 2012 г. ситуация сменилась на противоположную. По словам исследователей, сдвиг происходит во многом за счет более молодых поколений, ценности которых сформировались под влиянием мощных политических, экономических и культурных изменений рубежа 1980–90-х» [3]. В настоящее время «тенденция сохраняется, индивидуалистов в России с каждым годом все больше» [Там же].

Основные способы ведения гибридной войны в *кибернетическом пространстве*: 1) вытеснение программного продукта и кибернетических технологий страны — объекта агрессии с мировых и/или региональных рынков; 2) хакерские атаки против экономических и политических институтов страны — объекта агрессии.

В отношении России применяются и эти способы ведения гибридной войны, однако ради справедливости надо отметить, что российский рынок ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) большим объемом и не обладал. «Доля России на мировом рынке электронной техники и компонентов составляет не более 0,1–0,3 %, на мировом рынке информационных услуг доля России составляет приблизительно 0,2 %. Вклад ИКТ в экономический рост России заметно ниже (приблизительно в три раза!) соответствующих показателей развитых стран» [11, 251]. При этом «основная часть оборудования, его материальной базы и программных продуктов производится за рубежом и там закупается» [Там же, 251]. В последнем случае экономические санкции, затрудняющие или пресекающие приобретение российскими структурами элементов западной материальной базы ИКТ и западных программных продуктов, особенно действенны в кибернетическом пространстве гибридной войны.

Несмотря на ограниченность сектора международного рынка ИКТ, занимаемого российскими компаниями, их тем не менее вытесняют из этого сектора — в основном под предлогом связи данных компаний с «русской разведкой» или «с Кремлем», что сегодня считается опасным преступлением против национальной безопасности стран Запада. Так, в июне 2017 г. в сенате Конгресса США прозвучало требование запретить Пентагону использовать программы российской «Лаборатории Касперского» [22] именно по той причине, что «Лаборатория» связана «с российским правительством».

Российские банки [31], правительственные структуры подвергаются хакерским атакам в еженедельном или даже ежедневном режиме. «В Кремле заявили, что хакерские атаки фиксируются каждый день, в том числе на сайт

президента» [12]. При этом около 28 % кибератак на российские серверы совершаются с территории Соединенных Штатов [16].

Если говорить о *соотношении военных и невоенных технологий*, используемых в рамках гибридной войны, то, «по данным российского Генштаба, сегодня такое соотношение составляет 1 : 4 в пользу невоенных видов борьбы» [2].

Акторами гибридной войны, по нашему мнению, являются государства, глобальные и транснациональные корпорации, межгосударственные и надгосударственные институты, а также НПО (неправительственные организации).

Особенность гибридной войны в поведенческой сфере состоит в том, что *никаких сдерживающих факторов морального или правового порядка в этой войне для акторов-агрессоров нет*. Главное — результат (разрушение геополитических пространств соперника), а не соблюдение моральных или правовых норм. Эту особенность выделяют почти все исследователи гибридной войны.

Сознательное несоблюдение норм морали, по нашему мнению, продуцируется состоянием психологической жесточенности конкретного геополитического актора, которое, в свою очередь, имеет причиной реальную опасность утраты личного геополитического статуса с присущими этому статусу возможностями, совокупной мощью и ресурсами экспансии. Этим «конкретным геополитическим актором» сегодня выступают прежде всего США (см. об этом [4, 24, 28, 29]). Вот почему, в частности, Оперативная концепция армии США «Победа в сложном мире 2020–2040 гг.» (АОС) [37] предполагает готовность американской армии к ведению гибридной войны³, а одна из публикаций на сайте «NATO Review magazine» содержит утверждение: «Термин “гибридная война”... был воспринят всеми главными военными державами и стал базисом современной военной стратегии... что включает регулярные и иррегулярные, конвенциональные⁴ и неконвенциональные тактические методы ведения войны» [34]. Однако невоенные источники, в отличие от военных, содержат расширительное понимание гибридной войны. В частности, в австралийском электронном журнале «The Diplomat» следующим образом определяется структура этого типа войны: применение конвенциональных вооружений, методов иррегулярной войны, терроризма, использование криминальных практик, ненасильственных действий, информационных операций, экономических, финансовых и подрывных политических действий (we ought to pay attention not only to the mix of conventional weapons as well as irregular tactics, terrorism and criminal behavior, but also non-violent actions. These include not just information operations, but also economic, financial and subversive political acts) [36].

Вышеперечисленные методы ведения гибридной войны фактически предполагают включение в состав комбатантов таких неконвенциональных структур, как частные военные компании, незаконные вооруженные формирования террористического характера, структуры организованной преступности (наркокартели

³ При этом АОС утверждает, что гибридная война в качестве важной составляющей включает «традиционные информационные операции, электронную и кибервойну» (traditional information operations, electronic warfare (EW) and cyber warfare are important components of hybrid warfare).

⁴ Разрешенные международными конвенциями о правилах ведения «традиционной» войны.

прежде всего), структуры внесистемной радикально-экстремистской оппозиции, подрывные СМИ, подрывные НКО и НПО.

Каким образом возможно противостоять атакам противника в рамках гибридных войн? Приведем рекомендацию непопулярного ныне политика Мао Цзедуна (1893–1976)⁵, данную, правда, по несколько иному поводу: «Действовать острием против острия». Это и есть сжатая вербальная формула противодействия гибридным угрозам.

В более развернутой форме и применительно к современным условиям данная рекомендация выглядит следующим образом.

В военной сфере: обеспечение сбалансированного развития всех видов и родов войск (сил), освоение высокоточного оружия и современных средств связи, разведки, автоматизированного управления и РЭБ; повышение мобильности сил и средств для осуществления перегруппировок войск на удаленные ТВД; быстрое и решительное реагирование на конфликты, нелинейный характер которого позволяет достигать значительных результатов при относительно небольших возмущающих воздействиях [2].

Подробное изложение военных методов противостояния гибридным войнам можно найти в докладе начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации генерала армии В. Герасимова на общем собрании Академии военных наук (январь 2013 г.) [6].

В невоенной сфере: обеспечение возможности оперативного сосредоточения критически важных усилий и ресурсов в наиболее угрожаемом месте. Сегодня это фронты информационной и экономической войны и обеспечение кибербезопасности критической инфраструктуры; ведение непрерывной разведки и ее тесное взаимодействие со структурами политического и военного управления с целью оперативного создания и использования преимущества на угрожаемом направлении; наличие качественного кадрового ресурса, способного обеспечить разработку и реализацию стратегии противодействия гибридной войне [2]; разработка российской стратегии контргибридной войны; формирование государственной системы противодействия операциям гибридной войны против руководства и населения России; создание в структуре сил специальных операций Вооруженных сил России и спецслужб подразделений для проведения информационных и психологических операций; разработка российского национального законодательства, направленного на противодействие технологиям гибридной войны, прежде всего «цветным революциям»; выявление, диагностика и блокирование деятельности негативных коммуникаторов, стремящихся подорвать информационный суверенитет России; осуществление постоянного мониторинга блогосферы и социальных сетей в целях блокирования негативной информации, нацеленной на содействие экстремизму и терроризму, международной и межконфессиональной розни; превентивное блокирование всех каналов (финансовых, информационных, организационных) и структур иностранной и олигархической помощи радикальной и экстремистской оппозиции в России; активизация информационного обмена и международного сотрудничества

⁵ Председатель КНР в 1954–1959 гг., председатель Компартии Китая в 1943–1976 гг.

с союзниками в военно-силовой, финансово-экономической и информационно-психологической сферах для принятия необходимых мер по выявлению и отражению угроз безопасности России [17].

Правовой аспект гибридной войны характеризуется следующим образом: к гибридной войне невозможно применить современные нормы международного права, определяющие понятие «агрессия», в такой войне не существует понятий «фронт» и «тыл» [2]. Это обстоятельство создает для «государства-мишени» большие трудности в преодолении направленных на него атак гибридного типа.

Для создания российской и международной правовой базы противодействия гибридным войнам можно предложить следующее: разработку юридически точного определения сущности и основных форм ведения гибридной войны; последовательное соблюдение норм существующих международных конвенций по гуманитарному праву и защите культурных объектов в ходе боевых действий; разработку новых международно-правовых документов для противодействия способам ведения гибридной войны в каждом конкретном типе геополитического пространства.

Системная и целенаправленная нейтрализация операций гибридной войны, проводимых против России, требует в том числе создания новой организационной структуры (Бюро контргибридной войны) [17]. Пока Россия, как всегда, «долго запрягает», подобная структура в США уже имеется. Это Бюро противодействия гибридной войне (Hybrid warfare resistance Bureau), созданное в декабре 2015 г. и имеющее официальный статус общественной организации [5]. Любопытно, что собственного сайта в Интернете данная организация не имеет, размещая свою информацию исключительно в социальных сетях.

В любом случае Россия «не должна ограничиваться простым парированием угроз, возникающих в сетевцентрической войне со стороны Запада. Одни лишь оборонительные действия и реагирование на шаги противника не будут эффективны и не дадут желаемого результата» [25]. Следовательно, необходима не просто стратегия ответа на гибридные войны со стороны Запада (постоянно запаздывающее реагирование приводит к отставанию и проигрышу), но опережающие действия. И в этом случае важно помнить так называемую максиму Лиддел-Гарта: «Цель войны — добиться лучшего, хотя бы только с вашей точки зрения, состояния мира после войны. Следовательно, ведя войну, важно постоянно помнить, какой мир вам нужен» [13]. Для победы в гибридной войне, по нашему мнению, прежде всего необходим «большой проект», то есть концептуально-системное изложение основ нового миропорядка, построенного на иных принципах, чем ныне существующий «однополярный» мир. Однако самого по себе глобального проекта, альтернативного существующему, недостаточно, даже если проект детально разработан. Необходим в той же мере проработанный механизм его реализации: ресурсы, акторы, технологии. Системная угроза требует и системного ответа. Находясь внутри чужого глобального проекта, Россия так и будет оставаться «страной-мишенью», реагирующей на угрозы и вызовы «постфактум».

1. *Асташов А. Б.* Историческая травма в социально-политических проектах // Будущее нашего прошлого : материалы науч. конф., Москва, 15–16 июня 2011 г. / отв. ред. А. П. Логунов; Рос. гос. гуманит. ун-т, фак-т истории, политологии и права, каф. истории и теории ист. науки. М., 2011. С. 44–55.
2. *Бартош А.* Гибридная война становится новой формой межгосударственного противоборства // Военное обозрение. 9 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/112955-gibridnaya-voyna-stanovitsya-novoy-formoy-mezhgosudarstvennogo-protivoborstva.html> (дата обращения: 15.05.2017).
3. *Береснева Е.* Ценности россиян — много индивидуализма, мало «ценностей роста» // Научная Россия. 22 августа 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/tsennosti-rossiyan> (дата обращения: 21.05.2017).
4. *Бьюкенен П.* Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова ; послесл. А. Столярова. М. ; СПб., 2003.
5. Бюро противодействия гибридной войне // Hybrid warfare resistance Bureau: [ФБ-аккаунт]. URL: <https://www.facebook.com/hwrbbureau/> (дата обращения: 18.05.2017).
6. *Герасимов В.* Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий // Военно-промышленный курьер [Электронный ресурс]. URL: <http://vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 15.05.2017).
7. Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П. А. Цыганкова. М., 2015.
8. *Горшков М. К.* «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социол. исслед. 2012. № 2. С. 3–11.
9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Война [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=3577> (дата обращения: 23.05.2017).
10. *Комлева Н. А.* Контракция российского геополитического пространства: основные технологии преодоления // ИНИОН РАН — Россия: ключевые проблемы и решения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rkpr.inion.ru/inion/items.html?page=2&category=103&kind=100002298> (дата обращения: 23.06.2017).
11. *Кузнецов Ю. А., Маркова С. Е.* Анализ качественных особенностей динамики развития российского рынка ИКТ. Структурный подход // Тр. Нижегород. гос. техн. ун-та им. Р. Е. Алексеева. Сер. : Экономика, инновации и менеджмент. 2013. № 3(100). С. 251.
12. *Латухина К.* Дмитрий Песков заявил о хакерских атаках на сайт президента России // Российская газета. 08.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/06/08/dmitrij-peskov-zaiavil-o-hakerskih-atakah-na-sajt-prezidenta-rossii.html> (дата обращения: 20.05.2017).
13. *Лиддел-Гарт Б.* Стратегия непрямых действий. М., 2008.
14. *Манойло А. В.* Роль цветных революций в демонтаже современных политических режимов // Национальная безопасность. 2014. № 3. С. 406–414.
15. *Мартыанов В.* Кризис социального государства и городской креативный класс // [Электронный ресурс]. URL: <http://svom.info/entry/631-krizis-socialnogo-gosudarstva-i-gorodskoj-kreativn/> (дата обращения: 20.05.2017).
16. МИД: треть хакерских атак на российские сайты приходится на США // МК.RU 7 июня 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/06/07/mid-tret-khakerskikh-atak-na-rossiyskie-sayty-prikhodyatsya-na-ssha.html> (дата обращения: 24.06.2017).
17. *Панарин И. Н.* Гладиаторы гибридной войны // Экономические стратегии. 2016. № 2. С. 60–65.
18. *Перкинс Дж.* Тайная история американской империи. Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. М., 2008.
19. *Погорельый Д. Е., Филитов К. В., Фесенко В. Ю.* Политологический словарь-справочник. Война [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2427088/page:6/> (дата обращения: 17.05.2017).
20. *Попова Е. А.* Кризис социального государства: причины и пути выхода [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2012/01/492> (дата обращения: 21.05.2017).

21. Последствия введенных санкций для экономического развития России // Ассоциация «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы» : [сайт]. URL: http://www.rescue.org.ru/publ_1_posledstviya-vvedennyx-sankcii-dlya-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii.html (дата обращения: 23.06.2017).
22. Сенатор США предложила оградить Пентагон от программ Касперского [Электронный ресурс] // REGNUM. Информационное агентство. 29 июня 2017 г. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2294260.html> (дата обращения: 29.06.2017).
23. Сетевые войны: угроза нового поколения. М., 2009.
24. *Сорос Дж.* Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь : пер. с англ. М., 2004.
25. Стратегическое прогнозирование международных отношений / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. М., 2016.
26. Толковый словарь Ожегова онлайн. Война. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3653> (дата обращения: 15.05.2017).
27. Толковый словарь Ожегова. Гибрид [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=5120> (дата обращения: 15.05.2017).
28. *Уткин А. И.* Подъем и падение Запада. М., 2008.
29. *Фридман Дж.* Следующие сто лет: Прогноз событий XXI века / пер. с англ. А. Калинина, В. Нарицы, М. Мацковской. М., 2010.
30. *Хейфец Б. А.* Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России / Институт экономики РАН: [сайт]. URL: http://inecon.org/docs/Kheifets_pareg-2016.pdf (дата обращения: 17.05.2017).
31. ЦБ выявил хакерские атаки на российские банки [Электронный ресурс] // Вести FM. 27 июня 2017 г. URL: <http://radiovesti.ru/news/661639/> (дата обращения: 28.06.2017).
32. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социол. исслед. 2001. № 1. С. 6–16.
33. *Frank G. Hoffman.* Conflict in the 21-th Century: the Rise of Hybrid Wars. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, December 2007 [Electronic resource]. URL: www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (accessed: 26.05.2017).
34. Hybrid war — does it even exist? URL: NATO Review magazine [Electronic resource]. URL: <http://www.nato.int/docu/Review/2015/Also-in-2015/hybrid-modern-future-warfare-russia-ukraine/EN/> (accessed: 30.05.2017).
35. McGregor Knox and Williamson Murray, Eds. The dynamics of Military Revolution 1300-2050. Cambridge, Cambridge University Press, 2001.
36. Prashanth Parameswaran. Are We Prepared for 'Hybrid Warfare'? // The Diplomat. February 13, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://thediplomat.com/2015/02/are-we-prepared-for-hybrid-warfare/> (accessed: 23.06.2017).
37. The US Army Operating Concept (AOC): Win in a Complex World 2020-2040. 7 October 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.tradoc.army.mil/tpubs/pams/TP525-3-1.pdf> (accessed: 27.06.2017).

Рукопись поступила в редакцию 17 июня 2017 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.7 ЕС + 316.7 + 351.85

К. М. Табаринцева-Романова

АРХЕТИПЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ФИЛОСОФСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ*

В статье предлагается характеристика европейской идентичности и идентичности Европейского союза в контексте европейской культурной политики. Автором предпринимается попытка разграничить эти два понятия и определить их сосуществование в едином европейском пространстве. Описываются наиболее значимые классические и новые архетипы современной европейской идентичности, а также принцип их взаимодействия и механизм закрепления новых архетипов.

Ключевые слова: культурная политика ЕС, Европейский союз, европейская идентичность, архетипы.

Формирование европейской идентичности является одной из задач культурной политики Европейского союза (ЕС). Исходя из приоритетных векторов развития последней, Европейский союз выстраивает международные культурные отношения (далее — МКО) со странами — не членами ЕС. Уточним, что в контексте данной статьи под МКО понимаются отношения между государствами в области культуры. Стоит подчеркнуть, что в предметное поле термина входят сопряженные с ним понятия «культурной» безопасности, «культурных» войн, охраны культурного достояния, культурных прав. Таким образом культура выступает в роли некой единой автономной системы в реализации культурной политики.

Культурная политика ЕС — достаточно молодое явление, характеризующееся своей внутренней неоднородностью и неоднозначностью. С одной стороны, она представляет собой некий искусственный концепт, формирующийся извне институтами ЕС. С другой стороны, ее можно изучать как процесс, направленный на формирование европейской идентичности и понятия культуры как единого общеевропейского пространства.

* Исследование выполнено при поддержке программы Европейского союза ERASMUS+, Jean Monnet, 565442-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-MODULE.

Прежде всего, стоит отметить, что концепт «Европа» является в настоящее время динамическим концептом: особенно в кризисные моменты истории мы можем наблюдать, как на привычное семантическое ядро «Европа» нанизываются, словно бусины, новые смыслы и трактовки, объясняющие уникальность ее духа. Например, происходит переход от ницшеанского понимания Европы как «больного, который в высшей степени обязан своей неизлечимости и вечному преобразованию своего страдания: эти постоянно новые состояния, эти столь же постоянно новые опасности, болячки... породили вконец ту интеллектуальную чуткость, которая есть почти что гениальность» [9, 534], к восприятию Европы, которая, по выражению Юргена Хабермаса, «уже давно стала чем-то само собой разумеющимся для молодого поколения» [5].

У феномена Европы нет четких пространственных и временных характеристик. Действительно, история Европы с XIII в. — это история экспансии из ее центра. Так что можно сказать, что «Европа» существует там, где «европейцам» удалось укоренить себя и свои институты, в любой точке мира. Как пишет М. В. Берендев, «термин “европейская идентичность” используется во многих контекстах и в различных исследованиях, в результате чего значение этого термина настолько размылось, что он полностью лишился строгой аналитической точности... Европейская идентичность никогда не представляла собой единого концепта» [4, 71].

Прежде чем перейти непосредственно к характеристике действующих архетипов европейской идентичности, кратко охарактеризуем ее современное «состояние». Тема европейской идентичности и ее кризиса хорошо изучена в российской и зарубежной науке (например, работы Ф. Фукуямы, Л. В. Дериглазовой, Н. В. Александровой, Е. Е. Беляевой, М. В. Котеневой, И. А. Василенко и др.). В данной статье методологически для описания европейской идентичности мы опираемся на конструктивистский подход, который позволяет изучать процесс формирования европейской идентичности как одно из направлений современной культурной политики ЕС, направленной на решение интеграционных вопросов. Априори европейская идентичность имеет наднациональный характер и формируется различными европейскими межгосударственными организациями: Советом Европы, ОБСЕ. Европейская идентичность включает в себя два поля: первое связано со всеми «внутренними» представлениями европейских граждан о собственном своеобразии культур; второе заключается в их представлении о наличии отличительных европейских черт, на основе которых европейцы противопоставляют Европу и другой мир. При этом стоит отделить европейскую идентичность от идентичности ЕС. Как отмечает Л. В. Дериглазова, «важными составляющими европейской идентичности и ЕС-идентичности являются определенные представления о политическом устройстве (демократия и защита прав человека); экономическом (рыночная экономика и свобода предпринимательства); в области социальных отношений (принципы социальной солидарности и сплоченности); во внешней политике (отсутствие вооруженных конфликтов между европейскими странами» [6].

Также Н. В. Александрова в своей статье «К вопросу о формировании европейской идентичности» описывает два основных подхода, используемых при

изучении европейской идентичности: 1) «сверху–вниз» — сторонники которого выступают за формирование идентичности на базе общего европейского наследия (история, ценности, этнос и т. д.); 2) «снизу–вверх», представители этого подхода предлагают скрупулезно отслеживать, сколько людей действительно считают себя европейцами и что они под этим понимают. Подход «снизу — вверх» нацелен на изучение постепенного формирования массовой европейской идентичности, различий в восприятии у людей собственной «европейскости» (Euroreanness) и степени влияния ощущения себя европейцем на политическое поведение в целом [1].

Согласно данным «Евробарометра» от 2015 г. в ЕС наблюдается тенденция потепления отношения граждан ЕС к самому Европейскому союзу: так, до 40 % выросло доверие к ЕС, а 39 % респондентов отметили формирование у них положительного образа ЕС; 75 % испанцев и 61 % французов чувствуют себя гражданами ЕС [12].

По данным 2016 г., основными вызовами для ЕС остаются иммиграция (48 %) и угроза терроризма (39 %) [13]. Один из трех европейцев не считает себя гражданином ЕС, также сотрудники «Евробарометра» отметили снижение с 67 до 63 % опрошенных жителей ЕС, которые считают себя европейцами. Италия и Болгария показывают самые низкие показатели европейской идентичности: в Италии только 49 % считают себя и итальянцами, и европейцами; 68 % опрошенных итальянцев не интересуются вопросами, связанными с работой или проживанием в другой европейской стране, либо не готовы воспользоваться предлагаемыми в другой стране услугами системы здравоохранения [17].

Говоря о европейской идентичности, обычно подразумевают следующие концепты, которые частично уже являются сами по себе архетипами: «демократия», «общие ценности», «история», «христианство». Однако, когда говорят «европеец», этот концепт воспринимается неопределенно: по какому принципу относить себя к европейцу: географическому, культурному, социально-экономическому?.. Идентичность является в некотором роде формой демаркации: мы и другие. Соответственно мало кто хочет и готов заменить национальную культурную идентичность на европейскую, ведь в конечном счете наличие множества культурных идентичностей и соответственно самих культур и есть сама Европа, недаром девизом ЕС стало «Единство в многообразии». К сожалению, большинство европейцев не чувствуют потребность и желание быть европейцем, для них это скорее обязательство и необходимость, то есть идея европейской идентичности рождается не из сердца, а от разума: они не испытывают ни патриотизма, ни любви к ЕС. Таким образом, уже на начальном этапе изучения современных архетипов мы наблюдаем определенный дуализм, который рождается из бессознательного сознания человека сохранить свою уникальность.

С другой стороны, необходимо понять, насколько в постиндустриальном обществе необходима единая культурная идентичность, должна ли она быть сформирована «извне» или это стихийный, самоорганизующийся процесс, который не требует вмешательства. Любопытной точкой зрения является мысль французского исследователя Франсуа Бонарделя о том, что культурная

идентичность — «опасный архаизм или же неизлечимая ностальгия, в любой момент рискующая пробудить призрак национализма» [11]. Автор утверждает, что на современном этапе, который характеризуется идеалами потребительства и модным человеколюбием, Европа является неким самостоятельным концептом только благодаря культуре, которая является категорией чувств, а не прагматизма, а именно: говоря о культуре, мы теряем чувство времени и пространства, наше восприятие выходит за рамки географии, экономики, истории, выходя, таким образом, на новые общечеловеческие горизонты, где не может быть ощущения моего или твоего, а есть только ощущение единого европейского. Это еще раз свидетельствует о двойственной природе современной европейской идентичности.

Воспринимая ее как концепт, формируемый политическими институтами, мы превращаем идентичность в искусственный и «навязанный» элемент культурной политики, который провоцирует чаще всего отторжение со стороны европейского общества, которое сразу же начинает «вспоминать» о своей национальной уникальности. В таком случае роль архетипов сводится к минимуму, и здесь мы говорим не о классических бессознательных установках и юнгианских психологических архетипах, а о том, что архетипом или героями мифов становится любая современная модная «икона-образ»: образы и стереотипы поведения, пропагандируемые СМИ или в социальных сетях. Например, во многих глянцевого журналов, на молодежных музыкальных каналах формируются стиль и образ поведения, стирается гендерная идентичность, задаются критерии «успешности в обществе», а подражание поп-звездами и «иконам стиля» становится само собой разумеющейся моделью поведения для молодого поколения. С другой стороны, если европейская идентичность пробуждается в обществе стихийно, сама по себе, то тогда мы можем действительно говорить о наличии в ней базовых архетипов, которые используются в качестве необходимого для реализации и функционирования культурной политики в целом базиса.

Подчеркнем, что формирование единой политической Европы не предполагает стирания исторических национальных идентичностей, а скорее, наоборот, вынуждает последние вести диалог друг с другом, говоря о своих отличительных чертах. Как верно отметил французский историк Франсуа Фуре, «чтобы войти в европейскую культуру, неизбежно нужно пройти через дверь одной или нескольких национальных культур. Нет необходимости подавлять их (национальные культуры), чтобы создать что-то наподобие европейской наднациональной культуры, которая на самом деле не существует. Великие европейские мастера сильно связаны со своей национальной традицией. Феллини — это великий европейский режиссер, потому что нет больше никого настолько итальянского» [14].

На наш взгляд, объединяющим звеном в формировании культурной политики ЕС может стать набор определенных архетипов и мифов, характерных для большинства государств-членов ЕС. Необходимо подчеркнуть, что для конструирования единого европейского мифа стоит использовать выделенную К. Леви-Строссом задачу мифа как логической модели, а именно — разрешение некоего противоречия [7, 206]. Также в методологическом аспекте будут интересны работы Р. Барта о современных мифах, где он рассуждает о существовании

«правых» и «левых» мифов в политической жизни общества. Он пишет о том, что «миф — это двойная система; в нем обнаруживается своего рода вездесущность: пункт прибытия смысла образует отправную точку мифа... он безусловно является наиболее удобным средством той идеологической инверсии, которая характерна для нашего общества, на всех уровнях человеческой коммуникации» [2]. То есть по сути миф помогает снять «политической» окрас с того или иного формируемого образа, являющегося необходимым элементом для построения в дальнейшем конструкта идентичности.

Стоит отметить, что в условиях современного экономического и политического кризиса на мировом уровне все большее количество политиков, философов, политологов в своих выступлениях прибегают к понятиям «архетип» и «коллективное бессознательное». К наиболее используемым архетипам относятся архетипы Спасителя, Матери, Анимы, Анимуса, Тени, которые так или иначе могут проявляться в различных культурах и таким образом приобретают универсальный характер. То есть, вычленив из национальных культур схожие архетипы, можно на их базисе сформировать единую европейскую культуру. Необходимо отметить, что наличие архетипов проявляется в языке: упоминание тех или иных архетипов/мифических героев свидетельствует об их значимости как для говорящего, так и для слушателя.

Рассмотрим пример использования описанных выше теоретико-методологических положений на практике. Существует точка зрения, что, осознавая наличие того или иного архетипа и управляя им, можно манипулировать политикой. Чаще всего апелляция к стереотипам характерна для популистских партий, например «Пять звезд» в Италии или «Подemos» в Испании. Так, лидер итальянской партии Б. Грилло в статьях сравнивается с Гелиогабалом, а лидер греческой «Сиризы» А. Ципрас был назван итальянскими СМИ «Давидом Южной Европы», когда политик выступил против «плана Юнкера» — финансовой помощи со стороны ЕС в обмен на урезание социальных выплат в Греции. В своем обращении Ципрас апеллировал к таким архетипам греческого народа, как демократия, традиции, суверенитет. Мари Ле Пен, лидер французской партии «Народный фронт», кандидат на пост президента, сама становится «олицетворением» архетипа лидера ультраправых партий [Там же], для которых характерны критика мультикультурализма, агрессивный национализм, ксенофобия, призыв к сильной власти.

Анализ политических статей показал, что для современной риторики характерны:

- 1) смысловое изменение понятия «архетип»;
- 2) использование понятия «архетип» для характеристики идеологических движений с целью выявления используемых манипуляций для привлечения электората или, наоборот, для дискредитации той или иной партии. Вследствие этого понятие «архетип» приобретает негативную коннотацию;
- 3) отсутствие четкого набора архетипов и символов.

Очевидным становится вывод о целесообразности и эффективности сознательного использования архетипов для формирования единого общественного мнения, опираясь на коллективное бессознательное (использование мифологии).

Такая технология может быть использована при формировании культурной политики ЕС, которая непосредственно связана с языком, мифами, символами как частью европейского культурного наследия.

Таким образом, для использования архетипа как ядра для формирования единой европейской политики необходимо изменить коннотацию термина, вернувшись к базовому пониманию архетипа, вычленив определенный набор базовых общеевропейских архетипов и использовать его как базис для консолидированной политики. Также вычленение общеевропейского архетипа позволит преодолеть наблюдаемый кризис идентичности в Европейском союзе.

Любопытной является концепция французского философа Де Бенуа, который в середине 90-х гг. предложил использовать в качестве такого объединяющего архетипа архетип империи для противопоставления его государству-нации. Отметим, что на данном этапе слово «империя» имеет негативную коннотацию. Однако, как отмечает автор, признание многообразия источников международного права, утверждение принципа субсидиарности, осознание идентичности как множества идентичностей более характерно для имперской модели, которая прошла сквозь века от Римской империи до XX в. В качестве примера актуальности данного архетипа в современных международных отношениях можно привести предложение Мари Ле Пен присоединить бельгийский франкоязычный регион Валлонию к Франции и комментарий к нему политического обозревателя Оливье Дюфо: «Франция теряет позиции на глобальной арене, поэтому предложение увеличить территории может воодушевить часть избирателей, тоскующих по имперскому прошлому» [8].

Однако существует более «популярный» архетип демократии, который по своей сути является противоположным архетипом империи. Как отмечает Паоло Ридола, несмотря на то, что Ниццкий договор является неким единым кладезем политических прав (статья с первую по десятую договора), а европейские политические партии определены как интегрирующие факторы, влияющие на формирование европейского сознания и политической воли граждан Союза (ст. 191), ЕС не хватает «европейского единения» [18], так как он все еще зависит от идеи, что демократический принцип реализуется в опыте национального государства, соответственно демократия в сознании европейцев автоматически «привязывается» к географическим рамкам того или иного национального государства, а именно базируется на архетипе суверенного государственного единства.

Еще одним примером таких мифов, как показывает исследование А. Ф. Фесенко, может быть миф о Троянской войне. Согласно ее предположению «в результате современная европейская культурная идентичность представляет собой напластование ее исторических форм и носит прецедентный характер. В зависимости от конкретной исторической ситуации может произойти актуализация любого из идентификационных оснований (миф) и/или возникнуть их симульганная комбинация» [10, 42].

Естественно, существуют и противоположные точки зрения. Так, противники идеи построения единой европейской идентичности говорят о невозможности создания общеевропейской идентичности, так как она как раз и не имеет общих

мифов, архетипов и символических ценностей, например единой футбольной команды или общеевропейской команды Олимпийских игр.

Современная риторика глобализации и мультикультурализма очень часто мешают понять все преимущества и недостатки стремления построить единую европейскую идентичность как некий социальный конструкт, а не как определенную устойчивую общность. Такой конструкт включает в себя множество идентичностей: индивидуальную (приобретается человеком в течение его жизни), этническую, национальную, мультикультурную. Таким образом, идентичность является неким процессом, направленным на формирование уважения к многообразию культур, этническому сопереживанию. Принимая «иное» как часть нас, мы способны распространять ценности мультикультурной идентичности через систему образования, СМИ, кинематограф, демонстрирующий культурные достижения других народов. Это позволяет, с одной стороны, увидеть сходство, с другой стороны, оценить различия культур — то, что необходимо для получения новых знаний, основанных на ценностях «единой культуры мира».

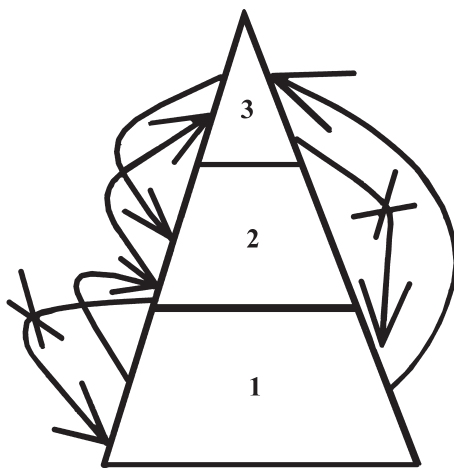
Подводя итог, хотелось бы отметить, что в настоящее время мы наблюдаем два параллельных процесса построения европейской идентичности и использования архетипов.

С одной стороны, мы видим формирование европейской идентичности как закономерный этап эволюции Европейского союза, как своего рода кульминацию интеграционных процессов, которым предшествовали успешная экономическая интеграция и успешные и не совсем попытки политической интеграции. Однако этот процесс является неким искусственным, созданным извне конструктом, чуждым национальному бессознательному. Как следствие, мы отмечаем рост националистических настроений, неприятие и кризис европейской идентичности. В этом случае возможны два варианта использования архетипов и мифов: 1) выделение глубинных бессознательных базовых архетипов, существующих почти в каждом национальном бессознательном и использование их для построения единой европейской идентичности (это достаточно трудоемкий и продолжительный во времени путь); 2) формирование новых архетипов через культурную политику и СМИ, которые будут способствовать формированию новых европейских ценностей, объединяющих ЕС.

С другой стороны, мы можем наблюдать стихийное формирование европейской идентичности, связанной с ЕС весьма опосредованно. Данный тип идентичности формируется как осознание себя «европейцем» (не обязательно гражданином ЕС, в данном случае рамки национальных государств в принципе стираются), имеющим общую историю, культуру, территорию, разделяющим общие ценности. Тогда мы обращаемся к глубинным архетипам — Спасителя, Матери, Анимы, Анимуса, Тени, которые так или иначе проявляются в современном мире и соответствуют «естественным» и инстинктивным проявлениям человеческой природы. С этой точки зрения кризис европейской идентичности можно попытаться объяснить тем, что проводимая политическими институтами ЕС и национальных государств политика вступает в противоречие с природой человека, с присущими ему глубинными бессознательными архетипами — например, все проекты и реформы,

направленные на размывание гендерной идентичности и принадлежности. Так, попытка заменить понятия «мама» и «папа» на «родитель один и родитель два», а «беременная женщина» на «беременные люди» или популяризация образа «свободный от детей» антогонируют с базовыми архетипами Спасителя и Матери. С этой точки зрения популярность лозунга правых партий за отмену однополых браков и возвращение к традиционной семье объясняется как раз внутренним противоречием между навязываемым новым и базовым архетипами.

Схематично взаимодействие архетипов можно отобразить следующим образом (см. рисунок):

Взаимосвязь архетипов:

1 – базовые бессознательные архетипы; 2 – архетипы, которые не свойственны биологической природе человека, но крепко укоренились в его сознании и постепенно вытесняются на бессознательный уровень (например, архетип империи, архетип прав человека, архетип демократии, архетип «левых» и «правых» партий и т. д.); 3 – новые архетипы, которые по своей сути еще не являются сформированными полностью архетипами, но навязываются и пропагандируются как таковые

На схеме виден принцип взаимодействия и «приживания» новых архетипов: они не должны явно контрастировать с базовыми архетипами. В противном случае, при нарушении принципа взаимодействия, усиливаются противоречия в формировании идентичности, атомизируется социум и блокируется сложнейший процесс формирования единой европейской идентичности.

С другой стороны, принимая во внимание скорость изменения информационных потоков и геополитических условий современного мира, встает вопрос, как бы пессимистично это ни звучало, о целесообразности глубинных исследований идентичности ЕС. Если обратиться к отчету Л. Болдрини о перспективах Европейского союза [16], то в нем мы обнаружим любопытный вывод о том, что, помимо культурных элементов, на которых базируется единая европейская идентичность (при этом они не называются), объединяющими моментами и преимуществами

единой Европы становятся возможность путешествовать, не меняя валюту; продукты питания и игрушки высокого и контролируемого качества; возможность звонить и отправлять СМС по всей Европе без дополнительных надбавок; реализация программы «Эразмус»; жесткие нормы по контролю загрязнения окружающей среды и экологии. Таким образом, очевидным становится факт, что на сегодняшний день перед ЕС не стоит задача сформировать глубинную идентичность ЕС у граждан в ее классической психологической интерпретации, то есть идентичность, которая бы базировалась на архетипах, мифах и ценностях. В кризисный момент европолитики предпочитают акцентировать внимание на конкретных, уже построенных и успешно функционирующих элементах, которые никак не связаны с психологией, философией и историей отдельных стран-членов ЕС. В этом есть рациональное зерно: так нивелируется неравенство членов ЕС и сглаживается различное восприятие основных политических вопросов, обходится вопрос роста национальных идей, выносятся за скобки сложнорешаемые проблемы экономического и миграционного кризиса в Европе. Однако при таком утилитарном использовании идентичности есть вероятность, что она так и не будет сформирована до конца. Существует также вероятность, что она будет носить, в определенном смысле, ситуативный характер и будет больше зависеть от экономических реалий, нежели от глубинных ценностных установок. А это значит, что при возникновении серьезного экономического кризиса, дальнейших проблем с мигрантами, прецедентами типа Брексит достигнутые успехи в формировании «общеевропейской идентичности» могут быть сведены к нулю или претерпеть существенную деформацию.

1. *Александрова Н. В.* К вопросу о формировании европейской идентичности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politex.info/content/view/485/30> (дата обращения: 29.12.2016).

2. *Барт Р.* Миф сегодня [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 29.12.2016).

3. *Беляева Е. Е.* Культурная интеграция как основная стратегия культурной политики Европейского союза. М., 2012.

4. *Берендев М. В.* «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? [Электронный ресурс]. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/080/atixomxhetamdpxsb_70-79.pdf (дата обращения: 29.12.2016).

5. Гражданин Европы: только миф? [Электронный ресурс]. URL: http://logosjournal.ru/arch/24/88_3.pdf (дата обращения: 29.12.2016).

6. *Дериглазова Л. В.* Деятельность Европейского союза по формированию европейской идентичности [Электронный ресурс]. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2273> (дата обращения: 29.12.2016).

7. *Левин-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983.

8. На пути к Французской империи [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/europe/20110805/172927079.html> (дата обращения: 10.10.2016)

9. *Ницше Ф.* Веселая наука : соч. : 2 т. / пер. с нем. Т. 1. М., 1990.

10. *Фесенко А. Ф.* Троянский миф как культурное основание Европейской идентичности // Вестн. МГУКИ. 2010. Май–июнь. 3(35). С. 41–47.

11. *Bonardel Fr.* Colloque Europe-marché ou Europe-Puissance 26 avril 2011 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLusjVSKf877v9habG9dXZacUcjCKi9iA4> (accessed: 29.08.2016).

12. Indagine Eurobarometro standard della primavera 2015: I cittadini vedono l'immigrazione come la sfida più importante per la UE. [Electronic resource] URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-5451_it.htm (accessed: 29.08.2016).
13. Indagine eurobarometro, primavera 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.europedirect.comune.terni.it/content/indagine-eurobarometro-primavera-2016> (accessed: 29.08.2016).
14. Iodice A. Identità culturale [Electronic resource]. URL: <http://www.kas.de/wf/de/71.7603> (accessed: 29.08.2016).
15. Ridola P. La parlamentarizzazione degli assetti istituzionali dell'Unione Europea fra democrazia rappresentativa e democrazia partecipativa [Electronic resource]. URL: http://archivio.rivistaaic.it/materiali/anticipazioni/democrazia_europa/index.html (accessed: 29.08.2016).
16. Stato e prospettive dell'unione europea. Relazione finale [Electronic resource]. URL: <https://www.fasi.biz/images/eurosaggi.pdf> (accessed: 29.03.2017).
17. Ue: Eurobarometro, 68 % italiani non conosce diritti cittadino europeo [Electronic resource]. URL: http://www.askanews.it/esteri/ue-eurobarometro-68-italiani-non-conosce-diritti-cittadino-europeo_71199762.htm (accessed: 29.08.2016).

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2017 г.

УДК 316.4.051 + 364-2 EVS + 327.7 ЕС

Н. Е. Кузьминых

ПРОГРАММА ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЛОНТЕРСКОЙ СЛУЖБЫ (EVS) КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ЕС

В статье анализируется функционирование программы Европейской волонтерской службы с момента ее создания в 1996 г. по настоящее время: цели и ценностные ориентиры программы; акторы, занятые в ее реализации; виды мероприятий, проводимых в рамках программы; некоторые результаты и значение программы для ЕС.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ЕС, волонтерство, Erasmus, молодежная политика, культурная политика.

Проект европейской интеграции, будучи реакцией на вызовы современности, за свою более чем полувековую историю подвергался изменениям и дополнялся новыми векторами развития, что нашло отражение как в учредительных документах Европейских сообществ и Европейского союза, так и в практической деятельности их органов и структур.

Культурный аспект интеграции впервые получил официальный юридический статус в Маастрихтском договоре 1992 г.: «Союз будет способствовать расцвету культур государств-членов, уважая при этом их национальное и региональное разнообразие и в то же время выдвигая на первый план общее культурное наследие» [11]. Там же отмечалась важность сотрудничества с третьими странами и международными организациями в сфере культуры, культурного обмена некоммерческого характера, а также приводилась ссылка на связь культуры, образования

и профессиональной подготовки. В настоящее время данные положения являются частью Лиссабонского соглашения [2] и составляют, таким образом, правовой базис культурной политики ЕС.

Культурная стратегия начала воплощаться в конкретных проектах: первыми шагами стали такие программы, как «Калейдоскоп» (1996–1998) и «Рафаэль» (1997–2000), направленные на поддержку художественного творчества и защиту культурного наследия. Затем эти специальные инициативы были объединены программой «Культура-2000», нацеленной на развитие общего культурного пространства и позже преобразованной в рамочную программу с идентичным названием. Следующим шагом стала программа «Культура-2007», получившая расширенный бюджет и фокус на интенсификацию межкультурного диалога. Новая программа «Креативная Европа», рассчитанная на 2014–2020 гг., направлена главным образом на поддержку аудиовизуального сектора.

Таким образом, инструменты культурной политики ЕС представлены широким спектром инициатив и программ, направленных в равной степени на «содействие распространению европейской культуры в мире» и «продвижение культурного разнообразия стран–членов ЕС». При этом стоит отметить, что содержание понятия «европейская культура» многогранно, а сама культурная политика ЕС неотделима от стратегий обучения в течение всей жизни и неформального образования и, таким образом, должна рассматриваться в самом широком смысле как совокупность инициатив Европейского союза во всех этих сферах.

Европейская волонтерская служба: содержание и основные принципы

Программа Европейской волонтерской службы (European Voluntary Service, EVS) была запущена Европейской комиссией в качестве пилотного проекта в 1996 г. Данная инициатива, основывающаяся на принципах неформального образования, продвижения ценностей европейского гражданства и солидарности, оказалась успешной и в 1998–1999 гг. получила продолжение в рамках Плана действий ЕС по Европейской волонтерской службе (European Voluntary Service Community Action). В 2000–2006 гг. программа EVS стала частью программы «Молодежь», затем заняла одно из ключевых мест в рамках новой программы «Молодежь в действии» (2007–2013) и, наконец, в 2014 г. была включена в программу Erasmus+, действующую по настоящее время.

Erasmus+ включила в себя все прежние инициативы и получила расширенный бюджет. В частности, отмечается, что в период 2014–2020 гг. 10 % от общего бюджета программы будет выделено на поддержку неформального образования в сфере молодежной политики. При этом основная часть этих средств предназначена для организаций из стран–участниц программы (Programme countries: страны–члены ЕС, Республика Македония, Исландия, Норвегия, Лихтенштейн и Турция), однако около 25 % бюджета может быть использовано для финансирования международных мероприятий с участием программных стран и стран, граничащих с ЕС [4].

Цели программы EVS как одного из действий (Key Action 1) программы Erasmus+ — личностное, профессиональное развитие молодежи, углубление международного сотрудничества, продвижение общих европейских ценностей.

Программа дает возможность молодым людям в возрасте от 18 до 30 лет принять участие в социально ориентированном волонтерском проекте продолжительностью до года. При этом к кандидатам не предъявляется строгих требований, связанных с уровнем образования и наличием опыта работы. Более того, в соответствии с принципом инклюзивности, провозглашенным программой, люди с ограниченными возможностями также могут внести свой вклад в реализацию проекта.

Тематика проектов варьируется от помощи незащищенным слоям населения и экологических инициатив до работы с молодежью и защиты прав человека, все проекты реализуются на базе некоммерческих или муниципальных организаций.

В Руководстве по программе каждый год выделяются приоритетные направления проектов. Так, например, в 2017 г. акцент сделан на социально отчужденные группы молодежи, беженцев и мигрантов, продвижение культурного многообразия, межкультурного и межконфессионального диалога; на проекты, направленные на повышение медиаграмотности, развитие критического мышления и инициативности молодых людей; на предотвращение радикализации молодежи. Наконец, в проектах требуется учитывать следующие аспекты: они должны «способствовать включению участников в обсуждение европейских тем и строительство Европы», «давать возможность участникам определять общие ценности с представителями других стран, несмотря на имеющиеся культурные различия», «способствовать борьбе с расизмом и ксенофобией» [4].

Отличие от ряда других волонтерских проектов EVS не требует от участников никаких финансовых вложений: все расходы, включая транспортные, визовые и медицинскую страховку, покрываются грантом, расширяя таким образом возможности участия молодых людей в соответствии с принципом «Волонтерство для всех».

Для того чтобы принять участие в программе, необходимо направить заявку (как правило, состоящую из мотивационного письма и резюме) в принимающую организацию и пройти отбор. Кандидатуры должны рассматриваться вне зависимости от пола, этнической и религиозной принадлежности, политических взглядов и т. д., но на практике принимающие организации могут предъявлять требования к гражданской принадлежности потенциальных участников и, иногда, к гендерной принадлежности для соблюдения принципов культурного многообразия и гендерного баланса.

Проект может быть реализован как в одной из стран — участниц программы, так и в стране-партнере (Partner countries: страны, граничащие с ЕС и другие страны-партнеры) [Там же]. При этом должны соблюдаться следующие принципы: 1) молодежь из стран — участниц программы может участвовать в проектах, реализуемых как в стране — участнице программы, так и в стране-партнере; 2) молодежь из стран-партнеров может участвовать только в проектах, реализуемых

в странах–участницах программы; 3) в проект должно быть вовлечено хотя бы одно государство–член ЕС.

В проект, помимо самого волонтера, вовлечены отправляющая, принимающая и координирующая организации (в некоторых случаях функции принимающей и координирующей стороны может выполнять одна структура), аккредитованные Национальными агентствами стран–участниц программы. За аккредитацию организаций из стран–партнеров отвечает Ресурсный центр SALTO для стран Восточной Европы и Кавказа (SALTO EECA).

Среди других принципов программы, указанных в Хартии EVS [6], стоит отметить связь проекта с территорией, на которой он реализуется («польза для местного сообщества»); приверженность концепции неформального обучения; некоммерческий характер проекта и деятельности волонтера.

Хартия EVS определяет, кроме того, стандарты качества проектов и необходимую поддержку волонтеру до начала проекта, во время его осуществления и после его завершения. В частности, отправляющая организация должна провести подготовительную работу с волонтером и оказать ему поддержку на всех этапах проекта. Принимающая организация должна обеспечить достойные и безопасные условия труда и жизни волонтера; предоставить необходимую поддержку для изучения нового языка; назначить ментора, который призван помогать волонтеру в адаптации к новым условиям.

Названные выше характеристики отличают европейскую инициативу от «случайного, несистематизированного» [1] волонтерства.

Европейская волонтерская служба: результаты и значение программы

Оценкой качества проектов занимаются Национальные агентства – специальные органы, учрежденные в государствах–членах ЕС. В их обязанности входит оценка проекта на этапе подачи заявки, выделение финансирования и контроль за выполнением целей программы. В своей деятельности Национальные агентства руководствуются положениями Гада по программе Erasmus+ [4], упомянутой выше Хартией EVS, а в качестве инструментов оценки проектов применяют «Молодежный паспорт» (YouthPass) и опросы волонтеров после завершения проектов (по системе самостоятельной оценки результатов), которые затем использует Европейская комиссия для мониторинга молодежной политики.

В частности, в отчете, подготовленном Итальянским национальным агентством в 2016 г. [9] по случаю 20-летия программы EVS, опубликованы следующие результаты:

1) участники программы отмечают *значительное* улучшение таких ключевых компетенций (Key competences), как общение на иностранном языке (84,7 % респондентов), культурное самовыражение и сознательность (80,1 %), социальная и гражданская компетенция (78,3 %), способность к обучению (73,5 %);

2) 95,3 % бывших участников программы утверждают, что участие в EVS сделало их более внимательными к теме мультикультурализма;

3) 88,9 % респондентов отмечают значительный вклад программы в их личностный рост; 75,3 % указывают на пользу контактов с представителями других стран для собственного личностного, социального и профессионального роста.

Эти данные находят подтверждение в публикации результатов анализа и мониторинга программы Erasmus+ «Молодежь в действии», размещенной на сайте Европейской комиссии [3]. Согласно этим данным

1) 97 % участников программы EVS улучшило свои языковые и межкультурные компетенции;

2) 85 % респондентов стали внимательнее к общим европейским ценностям;

3) 80 % бывших волонтеров отметили, что участие в программе помогло определить возможности для личностного роста и профессиональной карьеры.

Среди других результатов программы отмечается также позитивный вклад волонтерских инициатив в жизнь местных сообществ, возросшее внимание местных сообществ к проблемам и нуждам молодых людей, продвижение солидарности, толерантности, взаимопонимания и взаимоуважения среди молодых людей в Европе.

В ряду множества инициатив ЕС в области культуры и образования программа Европейской волонтерской службы является уникальным инструментом, соединяющим в себе принципы неформального образования, доступности и инклюзивности, некоммерческого характера деятельности с обязательным межкультурным измерением организуемых проектов.

EVS, наряду с программой студенческих обменов Erasmus, празднующей в 2017 г. 30-летний юбилей, вносит неопределимый вклад в формирование общего европейского пространства, основанного на принципе «единство в многообразии». Возможность прямого контакта и неформального культурного обмена с представителями разных стран, как государств — членов ЕС, так и стран-партнеров, делает участников проектов более открытыми и готовыми к диалогу. Исследователи указывают на появление нового «поколения Erasmus», мобильного, внимательного к темам европейской идентичности и гражданственности [8].

При всех очевидных положительных сторонах волонтерской программы и программ мобильности они затрагивают лишь относительно небольшой процент молодых людей: так, в 2010/11 академическом году среднее количество студентов, принявших участие в обменных программах, составило 4,5 % (при запланированных Европейской комиссией 20 % к 2020 г.) [10]. Общее количество участников программы EVS за 20-летнюю историю составило около 100 тыс. Европейский союз планирует удвоить эту цифру в период 2014–2020 гг. [5].

Можно предположить, что причинами таких показателей являются низкая информированность, возможные сложности в поиске программы и недостаточная мотивация молодых людей.

Однако ЕС считает волонтерские инициативы эффективным инструментом для достижения целей культурной политики в самом широком смысле и предпринимает дальнейшие шаги для их популяризации: в декабре 2016 г. была создана дополнительная платформа, по своим характеристикам очень близкая программе EVS, — European Solidarity Corps (Европейский корпус солидарности), которая

позволяет молодым людям разместить свою кандидатуру в системе и быть вовлеченными в социально ориентированный проект как в своей стране, так и за рубежом [7]. В данный момент происходит набор потенциальных кандидатов с целью запуска первых проектов весной 2017 г.

Представляется, что успешное функционирование подобной программы, которая задействует не только страны–участницы ЕС, но и третьи страны, в долгосрочной перспективе способно внести положительный вклад в современные интеграционные процессы.

1. Акция 2 – Европейская волонтерская служба (EVS) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.salto-youth.net/rc/eeca/languages/wozmozhnosti/rus-aksja2/> (дата обращения: 08.10.2016).

2. Article 167 (ex Article 151 TEC) [Electronic resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12016E167> (accessed: 10.10.2016).

3. Effects [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/assets/eac/youth/library/factsheets/effects-evs-factsheet_en.pdf (accessed: 19.01.2017).

4. Erasmus+ Programme Guide [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/sites/erasmusplus/files/files/resources/erasmus-plus-programme-guide_en.pdf (accessed: 25.07.2016).

5. European Voluntary Service celebrates 20 years in 2016 [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/youth/news/20151205-european-voluntary-service-20-years_en (accessed: 19.01.2017).

6. EVS Charter [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/sites/erasmusplus/files/library/evs-charter_en.pdf (accessed: 25.07.2016).

7. Questions and Answers on the European Solidarity Corps [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-16-4168_en.htm (accessed: 19.01.2017).

8. *Stoekel F.* Do Erasmus students develop a European identity? [Electronic resource]. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2016/09/28/erasmus-students-european-identity/> (accessed: 05.01.2017).

9. SVEliamo l'Europa – 20 anni di Servizio Volontario Europeo [Electronic resource]. URL: <http://www.erasmusplus.it/pubblicazioni/sveliamo-leuropa-20-anni-di-servizio-volontario-europeo/> (accessed: 22.12.2016).

10. *Tóth A.* Unity in Diversity – and in Erasmus? [Electronic resource]. URL: <http://www.nouvelle-europe.eu/node/1523> (accessed: 05.01.2017).

11. Treaty on European Union [Electronic resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:11992M/TXT&from=EN> (accessed: 10.10.2016).

Рукопись поступила в редакцию 16 июня 2017 г.

ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ПОЛЬСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В статье авторы стремятся проследить формирование и эволюцию «многослойной» государственной политики Польши в области региональной безопасности и обеспечения национальных интересов. Польша является последовательным сторонником НАТО и ЕС, тем не менее ее восточная политика находится в конкуренции с брюссельскими планами переформатирования Центрально-Восточной Европы. В статье анализируются особенности польской восточной политики, их историческое происхождение.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Европейский союз, Европейская политика соседства, Восточное партнерство, Центрально-Восточная Европа, восточная политика Польши, концепт О. Халецкого, геополитическая концепция Е. Гейдройца, польский проект пакта «Междуморье», «Новый Восточный блок».

Исследование «тонкой настройки» польской политики безопасности имеет немаловажное значение для российских институтов, принимающих государственные решения. Польша является самым крупным региональным игроком в Восточной Европе, представляющим интересы ЕС и НАТО и имеющим общую границу с Россией.

В данной статье рассматривается сопряжение европейских (ЕС) и польских интересов и проектов в реализации восточной политики. Польша является одним из инициаторов расширения влияния ЕС на восточных соседей. Идея восточного партнерства зародилась в процессе дискуссий в польских аналитических центрах (*think tanks*) и среди лиц, принимающих решения (*decision-makers*). В 1998 г. польский министр иностранных дел предложил включить восточно-европейское направление в повестку стратегии расширения ЕС, в рамках которого могла осуществляться дифференцированная политика в отношении Беларуси, Молдовы, Украины и России. Центральное место в польской стратегии отводилось Украине с перспективой ее скорого вовлечения в Европейский союз. Польша была инициатором подписания Соглашения об ассоциации между ЕС и Украиной. Для достижения своих целей Польша использует механизмы политической ассоциации, свободной торговли и открытых виз [27, 83].

Однако в принятом в 2003 г. Европейским союзом документе Европейской политики соседства (*European Neighbourhood Policy, ENP*) польские инициативы концентрации внимания на восточно-европейских странах оказались ослабленными в результате включения в политику соседства стран Южного Средиземноморья. Только в 2008 г. Польше удалось добиться поддержки в ЕС ее собственной концепции в отношении восточного соседства. Действуя совместно со Швецией, польское руководство предложило создание Восточного партнерства (*Eastern Partnership, EaP*), новую политику, ориентированную на Армению, Азербайджан,

Беларусь, Грузию, Молдову и Украину. Цель Восточного партнерства заключалась в том, чтобы создать необходимые условия для ускорения политической ассоциации и дальнейшей экономической интеграции между Европейским союзом и Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной [14].

В качестве методологического инструментария исследования авторы опираются на теории нового регионализма [15]. Что касается теоретических оснований польской внешней политики, то авторы учитывают, что становление польской политической мысли происходит на основе возрождения национальных традиций (досоциалистического периода) и интеграции западных политических теорий [30, 12].

Формирование Европейской политики соседства

С расширением Европейского союза руководящие органы ЕС начали разрабатывать программу действий в отношении новых соседних стран. В декабре 2002 г. на заседании Европейского совета в Копенгагене было отмечено, что ЕС готов предложить новым соседним странам расширение сотрудничества на основе разделяемых ценностей. В марте 2003 г. Европейская политика соседства была впервые упомянута в коммюнике Европейской комиссии «Расширяющаяся Европа» (*Wider Europe*) [33].

Под влиянием событий «арабской весны» 2011 г. ЕС произвел «пересмотр» концепции Европейской политики соседства. В Совместном коммюнике, принятом высшими органами ЕС, отмечается большой прогресс соседних стран в области имплементации демократических реформ и законов, верховенства права, социальной справедливости [11]. Пересмотренная концепция более не настаивала на приведении местного законодательства к критериям *acquis communautaire*. Новая концепция исходит из того, что не все соседние страны проявляют заинтересованность в имплементации стандартов ЕС и каждая из участвующих в проекте стран преследует собственные цели [10].

В новом документе обращалось внимание на нарастание конфликтов в соседних регионах, подъем терроризма и экстремизма, нарушение прав человека, территориальной целостности государств, растущее число нелегальных иммигрантов в ЕС, угрожающее стабильному развитию, энергетический кризис [Там же]. Основными приоритетами обновленной политики *ENP* были объявлены политическая и экономическая безопасность, стабилизация региона. На реализацию обновленной политики *ENP* выделено на 2014–2020 гг. 15,4 млрд евро. В обновленной политике соседства ЕС установил принцип поощрения участвующих сторон «больше за большее» (*more for more*), т. е. поощрение стран, добывающихся лучших результатов в реализации политики соседства [11]. Польский исследователь К. Фальковски использует понятие «трансформации восточноевропейских государств», подразумевая под этим постепенное накопление ими «критической массы» преобразований, которая приблизит их «в будущем к более глубокой интеграции с западными политическими и экономическими структурами» [16, 23].

В 2015 г. был открыт специальный портал «Соседство ЕС», рассчитанный на четыре года. Его задачей является повышение информированности относительно реализации программы Европейской политики соседства. На портале размещаются информация о программах восточного и южного партнерства, а также общие сведения о порядке обучения журналистов и медиаспециалистов [2]. Европейская политика соседства разделена на два независимых друг от друга направления партнерства — восточное и южное. Восточное соседство (*Eastern Neighbours*) географически связано с политикой ЕС в отношении Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины, имеет двусторонние и многосторонние каналы сотрудничества. Несмотря на то что Россия также является соседом ЕС, ее отношения с Союзом должны регулироваться Договором о стратегическом партнерстве, перезаключение которого затянулось на неопределенное время. Южное соседство (*Southern Neighbourhood*) обращено к политике ЕС в отношении Алжира, Египта, Израиля, Иордании, Ливана, Ливии, Марокко, Палестинской национальной администрации, Сирии и Туниса [13].

Программа Восточного партнерства «Культура и креативность» (*EU-Eastern Partnership Culture and Creativity Programme*) является частью второго этапа культурной программы Восточного партнерства, финансируемой в рамках Европейского инструмента соседства (*European Neighbourhood Instrument, ENI*). Она призвана поддержать вклад культурных и креативных отраслей в устойчивое гуманитарное и социально-экономическое развитие в Армении, Азербайджане, Беларуси, Грузии, Молдове и Украине. На реализацию программы ЕС выделил на 2015–2018 гг. 4,296 млн евро. Программой предусмотрены развитие национальной статистики ООН в сфере культуры в Грузии, Украине, Армении и Азербайджане; подготовка научных статей о развитии творческих индустрий, о культурном наследии, об исполнительских видах искусства и о развитии киноиндустрии; разработка модели картографирования культурных ценностей для малых городов; проведение шести национальных форумов по направлениям реализации программы, поддержка инициатив в сфере реформ; содействие сотрудничеству между культурными организациями из ЕС и стран Восточного партнерства; создание сети из 260 менеджеров среднего звена в области культуры; наращивание потенциала журналистов в сфере культурной журналистики; разработка онлайн-курсов для менеджеров в области культуры; проведение семинаров по программе «Креативная Европа» и консультирование организаций, подающих заявки на финансирование; освещение тенденций культурных и креативных индустрий на сайте и в социальных сетях; перевод ключевых руководств и справочных документов по современным тенденциям в европейском культурном пространстве на региональные языки [4].

Несмотря на усилившуюся критику как изнутри ЕС, так и со стороны России в отношении Восточного партнерства, четвертый саммит Восточного партнерства, состоявшийся в мае 2015 г. в Риге, не внес существенных изменений в политику ЕС в отношении Восточного партнерства [21]. Принятая ЕС в июне 2016 г. новая Глобальная стратегия для европейской внешней политики и безопасности в качестве стратегической цели направлена на повышение устойчивости соседних государств [28].

В данный момент известна повестка готовящегося пятого саммита Восточного партнерства в Брюсселе в ноябре 2017 г. На нем обсуждение будет сконцентрировано на четырех приоритетных вопросах: эффективное управление, укрепление институтов и надлежащее управление; развитие общества, повышение мобильности и развитие контактов между людьми; укрепление экономики, стимулирование экономического развития и использование рыночных возможностей для большего процветания; укрепление взаимных связей, особенно в области транспорта и энергетики [3]. Верховный представитель ЕС Могерини и член Европейской комиссии Хан представили министрам рабочий документ, подготовленный совместно Европейской службой внешних связей и Европейской комиссией, — «Восточное партнерство: ориентация на ключевые приоритеты и результаты». Этот документ определяет 20 результатов, которых необходимо достичь к 2020 г. в четырех областях. Документ дает понимание результатов, ожидаемых от сотрудничества, и может служить общим планом работы в период до саммита и до 2020 г. [22].

С развернутой критикой в отношении Европейской политики соседства выступает директор программы «Европа в мире» Королевского института международных отношений «Эгмонт» Свен Бископ: в ней, по его мнению, отсутствует единство подходов стран ЕС к реализации политики Восточного партнерства. Это ведет к тому, что ЕС не рассматривается участниками политики соседства как стратегический актор, один из центров силы или как мировая держава. С. Бископ считает, что выделение дополнительных средств на политику соседства без решительного пересмотра механизмов и инструментов не имеет никакого смысла. Патерналистский подход не соответствует требованиям времени. «Мы объявили о партнерстве практически со всеми... обещая им “яблоки” при условии, что они станут такими, как мы, — демократическими социально-ориентированными рыночными экономиками, гарантирующими безопасность, процветание, свободу и равенство своих граждан». В действительности, продолжает С. Бископ, заключая соглашение о партнерстве, мы лишаем себя свободы действий, компрометируем саму идею партнерства, имея дело с сомнительными политическими режимами. Во внешнеполитической стратегии ЕС отсутствует набор ключевых приоритетов, разделяемых всеми странами-членами. «Настало время остановить осуществление программ и партнерств и вернуться к дипломатии», — заключает С. Бископ [1]. Он полагает, что в Брюсселе за закрытыми дверями было принято секретное соглашение относительно Украины: «Украина должна быть западной». Но одного решения недостаточно. На самом деле ЕС не имеет конкретного плана в отношении Украины. С. Бископ выделяет три категории соседних стран: «незаинтересованные соседи» (*indifferent neighbours*); «эластичные соседи» (*resilient neighbours*); «равносильные соседи» (*equal neighbours*), «миролюбивые соседи» (*peaceful neighbours*).

К «незаинтересованным соседям» он относит прежде всего Россию, которая преследует свои собственные цели, расходящиеся с интересами ЕС. В связи с распространением экономического и политического влияния Китая по периметру реализации проекта Шелкового экономического пути (*One Belt, One Road*) в ЕС

возникает беспокойство, что в соседних с ЕС странах могут усомниться в эффективности Европейской политики соседства [6].

«Эластичные соседи». Под ними С. Бископ подразумевает соседние с ЕС государства, в которых не действуют принципы «хорошей политики» и соблюдения прав человека. Он относит эти государства к так называемым «серым или буферным зонам». Как в таком случае вести совместную антитеррористическую борьбу со спецслужбами репрессивных режимов? К примеру, какую цену должен заплатить ЕС «буферной» стране Турции, чтобы воспрепятствовать проникновению угроз через ее территорию? Европейский союз не должен исключать, что он может иметь дело с политическими режимами в соседних странах, которые представляют угрозу собственному народу. Как поступать в данном случае, если сотрудничество ЕС с этими политическими режимами будет способствовать не их ослаблению, а укреплению? [7].

«Равносильные соседи». Европейский союз предпочитает сотрудничать с демократическими режимами, стремясь сделать их «витриной» успешно развивающихся обществ. Однако С. Бископ упрекает руководство ЕС в том, что оно не связывает экономическую помощь с «геоэкономикой». А именно, ЕС не использует свои экономические инструменты для достижения общих стратегических целей, включая безопасность, политические и экономические интересы. Нельзя говорить о новой региональной стратегии, если Еврокомиссия продолжает расходовать деньги на основе старых подходов.

Однако, спрашивает С. Бископ, готова ли ЕС применить силу в том случае, если возникнет угроза демократическим завоеваниям в регионе? «Другими словами, вопрос заключается в следующем: должен ли ЕС быть гарантом безопасности демократических процессов в соседних регионах»? Подводя итоги, С. Бископ отмечает, что ЕС должен развивать отношения со всеми субъектами в тех областях, где имеются общие интересы, при этом категорически «не пересекать красную линию», когда речь идет о нарушениях прав человека [Там же].

Исторические предпосылки восточной политики Польши

Польская восточная политика все более ориентируется на учет национальных интересов страны и зачастую обращается к историческим концепциям реформирования региона, который в Польше предпочитают называть «Центрально-Восточная Европа».

Впервые термин «Центрально-Восточная Европа» ввел в оборот польский историк-эмигрант Оскар Халецкий (1891–1973) [18]. Понятие было направлено против немецко-центричного проекта *Mittleuropa*, который, по существу, сдвигал Польшу в Восточную Европу, отрывая ее от Западной Европы. Напротив, использование геополитического понятия «Центрально-Восточная Европа» автоматически превращало Польшу в связующее звено между Германией и Восточной Европой. О. Халецкий пытался привлечь внимание к тому, что между Германией и Россией расположен большой регион, который требует к себе особого внимания. Он считал Россию с культурной точки зрения чуждой европейской идентичности

[17]. Польский исследователь М. Филиппович обращает внимание на то, что О. Халецкий как интеллеktуал был типичным продуктом Габсбургской монархии. Он знал немного о России и был настроен антикоммунистически. Долгий период идеи О. Халецкого занимали маргинальное положение. Они не встретили серьезной поддержки в американских научных и политических кругах ни накануне Второй мировой войны, ни даже в период холодной войны [Там же].

В 1990-х гг. польский историк Е. Ключовский начал вводить в научный и политический оборот идеи О. Халецкого. Он установил контакты с исследователями из Беларуси, Украины, Литвы, Чехии и Венгрии, создав тем самым сообщество (ассоциацию) интеллеktуалов Центрально-Восточной Европы с центром в Университете Люблина. В 2002 г. польский МИД придал юридический статус ассоциации, создав на ее основе Институт изучения Центрально-Восточной Европы [Там же].

Польские исследователи обращали внимание на использование командой президента Л. Качиньского (2005–2010) «ягеллонской идеи» (польской королевской династии, правившей в XIV–XVI вв.), которая предусматривала подчинение польскому культурно-политическому влиянию земель на Востоке, входивших некогда в состав Речи Посполитой, Литвы, Белоруссии, Украины [8, 309]. Для обоснования восточной политики польская политическая элита обратилась к геополитической концепции Ежи Гейдройца, сформулированной им в 1960-е гг., когда он работал редактором польскоязычного журнала «Культура» в Париже. Он обосновал концепцию будущей польской внешней политики. Ее смысл сводился к тому, что Россия не будет представлять серьезной угрозы для Польши, если между двумя странами будет создано пространство из независимых государств — бывших советских республик. Таким образом, цель польской внешней политики заключается в том, чтобы поддержать антироссийское восстание этих стран и развивать с ними добрососедские отношения таким образом, чтобы исключить их возвращение в орбиту России [9].

Современные польские подходы к восточной политике

В период пребывания у власти в Польше партии «Право и справедливость» президент Лех Качиньский искал новое измерение восточной политики Польши. При нем происходит переход от российско-центричной восточной политики к многовекторной политике в Центрально-Восточной Европе. Центральное место в ней заняли вопросы экономического сотрудничества. Вместе с тем польское руководство периода президентства Качиньского выражало обеспокоенность возможными негативными последствиями для региона расширения ЕС и НАТО на Украину и Беларусь [8, 304].

Тем не менее правящая элита партии «Право и справедливость» Качиньского нацелилась на разрушение российской монополии в Восточной Европе. Она стала добиваться включения таких государств, как Украина, Беларусь и Грузия, в орбиту ЕС и НАТО. Естественное давление со стороны России должно было компенсировать создание региональных союзов с участием указанных стран. Для

противодействия России планировалось сформировать антироссийскую геополитическую ось с участием стран Балтии, Вышеградской группы, Украины, Грузии и других стран Кавказа. Была предпринята безуспешная попытка вовлечения Казахстана в польские планы сотрудничества.

Польша брала на себя функции координатора сотрудничества. Главным политическим и стратегическим инструментом политики Качиньского в Восточной Европе стала энергетическая безопасность. Польское руководство настаивало на том, что сотрудничество в области энергетики не должно рассматриваться через призму двусторонних отношений, но должно стать частью широкого контекста энергетической безопасности ЕС и стран всего региона. Кульминацией инициатив Качиньского называется энергетический саммит в мае 2007 г., проведенный в Кракове. Накануне польский президент нанес визиты в Казахстан и Азербайджан, в ходе которых призывал руководителей этих стран присоединиться к польской инициативе. В работе энергетического саммита приняли участие руководители Польши, Украины, Грузии и Азербайджана, специальный посланник президента Казахстана. Саммит проходил на фоне «газовых войн» России с Украиной. Н. Назарбаев предпочел саммиту встречу с российским президентом В. В. Путиным. Итогом инициатив Качиньского стало создание Межправительственной комиссии по энергетике и достижение договоренности о достройке нефтепровода Одесса — Броды — Плоцк — Гданьск. По инициативе польского руководства за саммитом в Кракове последовало еще несколько встреч по энергетической безопасности с участием представителей балтийских государств [8, 302–307].

Для усиления своего влияния в Центрально-Восточной Европе польское руководство прибегало к таким видам «мягкой» силы, как экспорт ценностей и институтов «хорошего управления». Универсальным подходом для реформирования постсоветской Центрально-Восточной Европы стала реализация идеи конструирования идентичности региона как культурно и политически независимого от России. М. Филипович полагает, что Восточное партнерство создает предпосылки движения в этом направлении [17, 70, 85]. Польское руководство лоббировало вступление Украины и Грузии в НАТО и ЕС. При этом польские аналитики обращают внимание на то, что лидеры Германии и Франции демонстрировали большую осторожность по отношению к инициативам Качиньского. Это сказывалось на эффективности польских инициатив в Восточной Европе [8, 309]. Таким образом, преследовалась важная задача, а именно усиление субъектности Польши в евроатлантических структурах. Политическим центром реализации новой восточной политики Польши была канцелярия президента Качиньского.

Последующие польские правительства проводили менее наступательную восточную политику. Это было связано с нарастанием внутренних разногласий в Европейском союзе по вопросам стратегии и тактики восточной политики.

Прагматичное польское правительство партии «Гражданская платформа» Дональда Туска (2007–2014) стремилось улучшить отношения с Россией. Однако польскому правительству не удалось добиться серьезных достижений в решении таких вопросов, как согласование позиций в оценке исторического прошлого, относительно цен на поставки газа из России. Тем не менее это привело к признанию

Брюсселем приоритетов Польши в политике ЕС в отношении восточного соседства [27, 83].

Традиционно Польша в большей степени сконцентрирована на развитии отношений с Белоруссией и Украиной, подчеркивая общность исторического прошлого. В меньшей степени она проявляет интерес к сотрудничеству с Молдовой. Что касается государств Южного Кавказа, то они находятся вне поля ее интересов. Однако с 2012 г. в сферу внешней политики Польши вошли все страны Восточного партнерства, из них львиная доля помощи приходится на Грузию, Молдову, Украину и Беларусь. Более 70 % выделенных фондов направляется на программы продвижения демократии, политическую и экономическую трансформацию. Польские чиновники высшего ранга доминируют в руководстве программ, ориентированных на Восточное партнерство.

По мнению польских аналитиков, стратегическая цель Польши в отношении восточных соседей должна заключаться в политике демократизации и европеизации восточных соседей. Польша не стремится к тому, чтобы стать восточной границей ЕС. Она рассматривает европейское единство в качестве гарантии мира на континенте и собственной безопасности. В период председательства в Совете Евросоюза Польша добилась создания Европейского благотворительного фонда за демократию (*European Endowment for Democracy, EED*). Эта организация позиционирует себя как международная неправительственная организация [12]. Тем не менее в 2013 г. из 6 млн евро, выделенных Евросоюзом на деятельность организации, 5 млн достались Польше на реализацию программ. Несмотря на все усилия, предпринимаемые польским руководством в Восточном партнерстве, эксперты отмечают их недостаточную эффективность. К примеру, польские инвестиции в Украину, основного реципиента Польши, составляют всего лишь 2 % от зарубежных инвестиций. Неохотно студенты из стран, входящих в Восточное партнерство, едут в польские университеты на обучение [27, 86].

С середины 1990-х гг. Украина является приоритетным направлением польской восточной политики. Между двумя странами существует соглашение о стратегическом партнерстве. Польское руководство лоббирует интересы Украины в ЕС, особенно это отмечалось в период президентства А. Квасьневского. С избранием президентом Украины В. Януковича происходит снижение активности в польско-украинских отношениях. Польское руководство изменило свою тактику в отношении Украины, которая стала проявляться в политике «малых шагов».

Польша в подвижном балансе великих держав

Разразившийся в 2014 г. украинский кризис привел к существенному сдвигу в массовом и политическом сознании в странах Центрально-Восточной Европы в понимании проблем национальной и региональной безопасности. Польские эксперты пришли к выводу о том, что завершился полный цикл Ялтинского мирового порядка, в рамках которого, несмотря на холодную войну, соблюдались международно-правовые нормы функционирования государств, порядок был основан на принципах мирного сосуществования государств, соблюдался принцип

целостности границ. Польские эксперты задаются вопросами: приведет ли ревизия Ялтинских договоренностей одной из держав к активизации НАТО, какое место будет занимать Центрально-Восточная Европа в новом раскладе великих держав, изменятся ли условия безопасности для стран региона, не возникнет ли некая «серая зона безопасности», «вакуум безопасности» в этом европейском регионе, удастся ли России ослабить доминирование США в регионе? [31, 95].

Польское экспертное сообщество занимает жесткую и последовательную позицию в поддержке Украины против, как они называют, «гибридной войны», «новой игры без правил», которые ведет Россия. «Замороженные» конфликты в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье, «энергетические войны» рассматриваются как фактор противодействия со стороны России политике Восточного партнерства [23, 24]. По мнению С. Сераковски, «тень Кремля» нависла над территорией от Хельсинки до Тбилиси, а возможно, и до Астаны. Геополитическая «теневая зона» между Западом и Россией была воссоздана в результате реактивации имперских амбиций России, политики Кремля «собираания русских земель» [29, 22]. Российский евразийский экономический интеграционный проект рассматривают как идеологический, политический и экономический вызов Западу [32, 185–204].

Т. Степневски утверждает, что увеличивается геостратегическая значимость НАТО как союза в условиях возрастания конкуренции со стороны России, Турции, США, ЕС, Ирана и даже Китая на пространстве от Черного до Каспийского морей [31, 186]. В любом случае НАТО как организация коллективной обороны должна постоянно адаптироваться к новым асимметричным угрозам, возможностям нарушения режима нераспространения. После распада СССР центр тяжести европейской стабильности сместился на восток в связи с разрастанием межэтнических конфликтов, наличием непризнанных государств, экономической и политической нестабильностью ряда новых независимых государств, усилением террористической угрозы, наркотрафика, нелегальной миграции [Там же, 193]. Как отмечает Т. Степневски, система безопасности в Восточной Европе от Балтии до Черного моря является чрезвычайно сложной из-за ее многомерности (военные аспекты, энергетические, этнополитические и др.) [Там же, 196]. В 2015 г. ЕС признал, что «не может самостоятельно решить многие проблемы региона», однако обновленная программа Европейской политики соседства может создать условия для позитивной динамики [20].

Т. Степневски полагает, что саммит НАТО в 2016 г. в Варшаве продемонстрировал возрастание значения Польши в Евроатлантическом союзе [31, 191]. По польскому сценарию проходил визит президента США Д. Трампа в Польшу в июле 2017 г., в ходе которого он сделал большой реверанс в сторону Польши: «Польша — географическое сердце Европы, но, что более важно, в польском народе мы видим душу Европы» [19]. В российском экспертном сообществе распространено мнение о том, что США стремятся использовать Польшу для ослабления или даже раскола Европейского союза [5]. Дж. Фридман прогнозирует рост влияния Польши в регионе и реализацию ее амбиций в создании регионального блока под своим влиянием и при поддержке США. Геополитический интерес США в данном случае будет проявляться в создании противовеса России и Германии. Создание

блока «Междуморье», заключает Дж. Фридман, может привести к использованию Соединенными Штатами эффективного инструмента установления баланса сил в Европе и укрепления американского влияния [25, 103–104].

Польские эксперты обращают внимание на то, что роль лидера в ЕС принадлежит Германии. Таким образом, «германский вопрос» вновь стал актуальным для Польши. Отцы-основатели европейской интеграции не предполагали возвращения германской гегемонии. Переговоры в нормандском формате по Украине вели Германия и Франция от имени Европейского союза.

Появление плана «нового восточного блока» было нацелено на координацию действий стран Центрально-Восточной Европы. Основанием для активизации проекта «нового восточного блока» стал миграционный кризис. При правительстве Э. Копач (22.09.2014–16.11.2015) позиция Польши была ближе к германской по миграционному вопросу. Однако главе правительства приходилось искать баланс между позицией электората и Берлина [Там же, 95–112]. Напоминает ли идея «Нового Восточного блока» проект «Междуморья», объединения восточноевропейских стран между Балтийским и Черным морями? В Польше определенные политические круги, среди которых президент Польши А. Дуда, глава правительства Б. Шидло, симпатизируют данному проекту. Идея установления особого вида сотрудничества между США и странами Центрально-Восточной Европы, направленного против России, находит поддержку в Польше, странах Балтии, Чехии, Словакии, Венгрии, некоторых балканских государствах [Там же, 104].

Польский экономист М. Кедзьерски (Marcin Kedzierski) даже написал пошаговый проект из десяти пунктов, как создать новое «Междуморье». По его мнению, проект «Междуморье» должен реализоваться в виде региональной политики стран Центрально-Восточной Европы. Новый блок должен стать разновидностью «Центрально-Европейского союза», который встанет на одинаковый уровень с такими акторами ЕС, как Германия и Франция. Для Польши это могло бы стать правильным ответом на рост экономической мощи Германии и агрессивности со стороны России. При дальнейшем обострении текущей ситуации речь могла бы идти об установлении «железного занавеса» между Россией и НАТО [Там же, 105]. Для реализации проекта необходима поддержка ЕС и США, а ее не так просто добиться.

Подведем итоги

Для современной Польши участие в НАТО и ЕС является гарантом глобальной и особенно региональной безопасности страны, катализатором «демократического транзита» [26, 120]. Приверженность евроатлантическим ценностям и политике не подвергается сомнению со стороны польского руководства. Однако происходящие сдвиги в трансатлантическом и европейском региональном пространстве, дисбаланс в отношениях между главными акторами на мировой арене, возрастание конфликтности в регионе влияют на повестку внешней политики Польши, в которой переплетаются солидарные евроатлантические, региональные и национальные интересы. После 2014 г. правящая элита Польши пытается использовать

русофобию и антироссийскую тематику с целью закрепления за Польшей региональной гегемонии и усиления ее позиций в ЕС и НАТО.

1. *Бископ С.* Региональные интеграционные процессы: в поисках оптимальных решений // Вестн. междунаrod. организаций. 2014. Т. 9, № 1.
2. О проекте [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euneighbours.eu/ru/policy/o-proekte> (дата обращения: 11.04.2017).
3. Основные результаты министерской встречи стран Восточного партнерства [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/28566/основные-результаты-министерской-встречи-стран-восточного-партнерства_ru (дата обращения: 11.04.2017).
4. Программа ЕС и Восточного партнерства «Культура и креативность» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euneighbours.eu/ru/eu-in-action/projects/programma-es-i-vostocnogo-partnerstva-kultura-i-kreativnost> (дата обращения: 11.04.2017).
5. *Стремидловский С.* Чего боится польский министр иностранных дел? [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2298523.html> (дата обращения: 07.07.2017).
6. *Biscop S.* Geopolitics with European Characteristics. An Essay on Pragmatic Idealism, Equality and Strategy [Electronic resource]. URL: http://eu.boell.org/sites/default/files/uploads/2016/03/geopolitics_with_european_characteristics_sven_biscop.pdf (accessed: 03.05.2017).
7. *Biscop S.* A strategy for Europe's neighbourhood: keep resilient and carry on? [Electronic resource]. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/riecano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/ari4-2017-biscop-strategy-europe-neighbourhood-keep-resilient-carry-on (accessed: 03.05.2017).
8. *Chojan A.* Polityka wschodnia Polski w myśli politycznej partii Prawo i Sprawiedliwość (lata 2005–2007) // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2016. Zeszyt 5A.
9. *Doktryna Giedroycia* [Electronic resource]. URL: <http://oczamiduszy.pl/doktryna-giedroycia/> (accessed: 25.06.2017).
10. European Commission. High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Brussels, 18.11.2015 Join (2015) 50 final Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Review of the European Neighbourhood Policy.
11. European Commission and External Action Service. A New Response to a Changing Neighbourhood: A review of European Neighbourhood Policy. Joint Communication by the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy and the European Commission, Brussels, 25 May 2011 // European Parliament. Support for culture in the Eastern Neighbourhood. Press Packs, 27 June 2013 [Electronic resource]. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/nest/dv/nest_20140213_14/nest_20140213_14en.pdf (accessed: 02.07.2017)
12. European Endowment for Democracy [Electronic resource]. URL: <http://democracyendowment.eu/> (accessed: 06.06.2017)
13. European Neighbourhood Policy [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/neighbourhood/overview/index_en.htm (accessed: 03.05.2017).
14. European Parliament. Support for culture in the Eastern Neighbourhood. Press Packs, 27 June 2013 [Electronic resource]. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/nest/dv/nest_20140213_14/nest_20140213_14en.pdf (accessed: 02.07.2017).
15. European Union and New Regionalism: Regional Actors and Global Governance in a Post-Hegemonic Era. Ed. by M. Telo'. Ashgate Publishing, Ltd., 2014.
16. *Falkowski K.* Testing the CEEs' model of transformation in the ENP framework: challenges and opportunities: the Eastern Dimension // Yearbook of the Institute of East-Central Europe. 2016. Vol. 14, № 6.

17. *Filipowicz F.* The idea of East-Central Europe and its role in shaping the logic behind Eastern Partnership // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. 2016. № 14(6).
18. *Halecki O.* *Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe*. N. Y., 1952.
19. Here's the Full Text of Donald Trump's Speech in Poland [Electronic resource]. URL: <http://www.nbcnews.com/politics/donald-trump/here-s-full-text-donald-trump-s-speech-poland-n780046> (accessed: 07.07.2017).
20. Joint Communication to the European Parliament. The Council. The European Economic and Social Committee and the Committee of Regions. Review of the European Neighbourhood Policy. SWD (2015) 500 final [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf (accessed: 03.05.2017).
21. Joint Declaration of the Eastern Partnership summit (Riga, 21–22 May 2015) [Electronic resource]. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2015/05/21-22/> (accessed: 03.05.2017).
22. Joint Staff Working Document. Eastern Partnership – 20 Deliverables for 2020. Focusing on key priorities and tangible results. Brussels, 9.6.2017 [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/swd_2017_300_f1_joint_staff_working_paper_en_v5_p1_940530.pdf (accessed: 25.06.2017).
23. *Józwiak B., Stepniewski T.* Transformacja, integracja i kryzysy w Europie Środkowej i Wschodniej [Electronic resource]. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_47325-1522-8-30.pdf?161206201525 (accessed: 05.05.2017).
24. *Kwiecień J.* ENP in the context of the EU's external policy framework: a critical examination of the ENP's outcomes and prospects. *Yearbook of the Institute of East-Central Europe*. 2016. Vol. 14, № 6.
25. *Lemmen D.* Up-coming breaking points in Polish-German Relations // *Yearbook of East-Central Europe*. Vol. 14, № 2.
26. *Sedelmeier U.* Eastern Enlargement. Risk, rationality and role-compliance // *The Politics of European Union Enlargement. Theoretical Approaches*. Routledge, 2005.
27. *Shapovalova N., Stepniewski T.* Poland and the Eastern Partnership of the European Union: a sustained commitment // *Yearbook of the Institute of East-Central Europe*. 2013. Vol. 11, № 6.
28. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 03.05.2017).
29. *Sierakowski S.* Długi cień Kremla // *Polityka*. 20.07–26.07.2016. № 30(3069).
30. *Sliva M.* The Horizons of Polish Political Thought // *Polish Political Science Yearbook*. 2012. Vol. 41.
31. *Stepniewski T.* NATO, ukraiński kryzys i szara strefa bezpieczeństwa Europy Wschodniej // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. 2016. Zeszyt 5A.
32. *Szabaciuk A.* *On the verge of a new "cold war"? The anti-Western dimension of Vladimir Putin's Eurasian integration project* // *Yearbook of the Institute of East-Central Europe*. 2013. Vol. 11, № 6.
33. *Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours*. Commission of the European Communities. Brussels, 11.3.2000. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (accessed: 02.05.2017).

Рукопись поступила в редакцию 10 июля 2017 г.

ДЕЙСТВИЯ САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ИРАНА В ЙЕМЕНСКОМ КОНФЛИКТЕ В 2015–2016 гг.

В течение нескольких последних лет внимание мировой общественности привлечено к событиям, происходящим в Сирии. При этом фактически в тени остается аналогичный гражданский конфликт в другой арабской стране — Йемене, где также противостоят проправительственные силы и разноликая оппозиция. Важной особенностью внутреннего конфликта в Йемене является глубокая вовлеченность в него некоторых внешних сил, особенно Саудовской Аравии и Ирана. На основе анализа малоизвестных в России материалов арабской и иранской периодической печати в статье рассматривается слабо освещенный вопрос о действиях Саудовской Аравии и Ирана в ходе гражданской войны в Йемене в течение 2015–2016 гг. Источники, привлеченные авторами, придают содержанию и основным положениям статьи существенный элемент новизны.

Ключевые слова: Йемен, хуситы, конфликт, интересы, Саудовская Аравия, коалиция, Иран.

Данная статья фактически является продолжением совместной статьи авторов «Политические цели и позиции Саудовской Аравии и Ирана в йеменском конфликте», опубликованной в первом номере журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки» за 2017 г.

В противостоянии Саудовской Аравии и Ирана в йеменском конфликте сконцентрированы практически все формы и методы ведения современных войн — непосредственно боевые действия, военная дипломатия, заключение временных союзов со своими противниками, тактика обмена взаимными угрозами, намеренное нагнетание напряженности, информационная война между сторонами, нестандартные политические маневры, привлечение внешних союзников и военных сил.

Все участники конфликта в той или иной мере осуществляли эти действия. Саудовская Аравия, ведя непосредственные боевые действия на территории Йемена, наиболее вовлечена в конфликт, а Иран участвует в конфликте опосредованно. Однако после того как началась военная операция коалиции арабских стран в Йемене, участие Ирана стало более активным. Иран в основном действовал дипломатическим путем, оказывал гуманитарную поддержку силам йеменской оппозиции, противостоял действиям Саудовской Аравии и выступал за мирное решение йеменского конфликта. Вместе с тем и Саудовская Аравия, и Иран использовали практику двойных стандартов, с одной стороны, декларируя мирные цели, а с другой — реализуя свои истинные намерения на территории Йемена.

В марте 2015 г. по просьбе президента Йемена Абд Раббо Мансура Хади началась военная операция коалиции войск арабских стран, возглавляемой

Саудовской Аравией, «Буря решимости», целью которой была ликвидация хуситских группировок и восстановление у власти законного президента Хади. На саммите Лиги арабских государств (ЛАГ) в египетском Шарм-эль-Шейхе 29 марта 2015 г. лидеры арабских стран заявили в итоговой декларации, что «полностью поддерживают военные действия по защите законности в Йемене, проводимые коалицией в соответствии с пактом ЛАГ о совместной обороне и статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций», а также выразили надежду, что эти «вынужденные военные действия приведут к восстановлению безопасности и стабильности в Йемене» [16].

Что касается Ирана, то он сразу же начал прилагать значительные дипломатические усилия, направленные на прекращение военных действий и проведение переговоров по йеменскому вопросу. Официальный представитель МИД Ирана Марзие Афхам заявила после начала операции «Буря решимости», что в результате действий Саудовской Аравии «увеличится напряженность во всем регионе и все те авиаудары, которые наносит Саудовская Аравия и которые повлекли уже гибель гражданского населения, только обострят внутренний кризис в Йемене и устроят возможность мирного урегулирования ситуации» [15].

Саудовская Аравия, однако, была уверена в правильности своих действий, так как имела свое понимание причин и целей проведения операции «Буря решимости». Советник министра по делам ислама и дипломатии Маджид Абдель-Азиз ат-Турки сказал, что «главная цель коалиции — восстановление законности и возвращение полномочий президенту Абд-Раббу Мансуру Хади, которого Эр-Рияд, наряду с ООН, считает легитимным» [1]. При этом ат-Турки выразил уверенность, что большинство йеменских племен также поддерживает Хади.

Иран придерживался прямо противоположной точки зрения и настаивал на переводе конфликта в политическое русло. Заместитель министра иностранных дел Ирана Хосейн Амир Абдоллахиян в интервью российскому каналу «Раша тудэй» выразил позицию Ирана, сказав, что «военное вмешательство иностранных сил не только не решит проблему, но еще и усложнит ситуацию» [2]. По мнению Абдоллахияна, все участники конфликта «сами себя загоняют в сложную ситуацию». Что касается хуситов, то, по мнению иранского дипломата, они «являются влиятельной силой в Йемене и принцип их работы — борьба с терроризмом» [Там же]. Он имел в виду террористические организации АКАП («Аль-Каида» на Аравийском полуострове) и ИГИЛ, действующие на территории Йемена¹.

Духовный лидер Ирана аятолла Хаменеи высказался еще более жестко: «То, что саудовцы делают в Йемене, — это преступление и геноцид. Все те, кто виновен в убийствах детей, разрушении домов мирных жителей и уничтожении жизненно важных объектов страны, должны отвечать на международном уровне. Эта агрессия в Йемене неприемлема, и я предупреждаю, что они должны прекратить свои преступления» [14].

В ответ на данные заявления министр иностранных дел Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсал высказался крайне негативно, обвинив Иран в неправомерности

¹ Указанные организации враждуют между собой, обе запрещены в России.

его претензий. На пресс-конференции в Эр-Рияде 12 апреля 2015 г. он сказал: «Как может Иран призывать нас прекратить столкновения в Йемене? Мы пришли в Йемен, чтобы помочь законным властям восстановить порядок. Иран не отвечает за Йемен и не играет в нем никакой роли» [33]. Таким образом, Саудовская Аравия была намерена довести до конца свою миссию, не обращая внимания на чьи-либо заявления и протесты.

Однако развитие конфликта и возрастающее количество жертв среди мирного населения Йемена привлекли внимание ООН, и 16 апреля 2015 г. Генеральный секретарь Организации Пан Ги Мун призвал прекратить все бомбардировки, подчеркнув, что они приведут Йемен, который является беднейшей страной арабского мира, к гуманитарной катастрофе. Он также призвал всех йеменцев принять участие в политическом диалоге [5]. Иран практически одновременно с этим призывом представил правительству Йемена свой мирный план. Министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф объяснил, что план состоит из четырех шагов, а именно: немедленное прекращение огня, поставка гуманитарной помощи, начало политического диалога внутри страны и формирование правительства национального согласия с участием всех политических движений. Он также отметил, что «Иран и Саудовская Аравия должны вести переговоры между собой» [23]. Иран в этом случае искал возможности занять лидирующие позиции в процессе мирного урегулирования в Йемене и на своих условиях, а возможно, и навязать их Саудовской Аравии.

Однако власти Йемена отвергли план Зарифа, посчитав его «политическим маневром». После этого Иран перешел к более жестким заявлениям в отношении Саудовской Аравии и даже к политическим угрозам. Президент Исламской Республики Хасан Роухани заявил, что авиаудары Королевства будут иметь последствия. Обращаясь к властям Саудовской Аравии, он сказал: «Какие ваши цели здесь? Вы сеете в этой стране семена ненависти, которые рано или поздно вам придется пожинать» [38].

Операция «Буря решимости» в Йемене была завершена 21 апреля 2015 г. По сообщению Министерства обороны Саудовской Аравии, за время проведения операции коалиция «устранила угрозы Королевству и соседним странам, а также решила основную часть своих задач» [19]. Одновременно Министерство обороны Королевства объявило о начале новой военной операции, «Возрождение надежды», с целью борьбы с террористическими группировками АКАП и ИГИЛ и дипломатического урегулирования конфликта. При этом операция допускала использование наземных войск коалиции. Однако, несмотря на завершение операции «Буря решимости», бомбардировки Йемена были продолжены.

На данном этапе в конфликт вступил и внешний союзник Саудовской Аравии — США, направив в Аденский залив свои военные корабли для «обеспечения свободы судоходства» и контроля грузов, которые иранский флот поставляет в Йемен. При этом президент США Б. Обама сообщил, что Ирану было сделано предупреждение о «недопустимости поставок оружия шиитам во избежание угрозы для всей навигации в Йемене» [26]. Поддержав такое решение, Саудовская Аравия заблокировала поставки гуманитарной помощи в Йемен со стороны

Ирана, в частности, 22 апреля 2015 г. истребители саудовских ВВС не позволили иранскому грузовому самолету совершить посадку в аэропорту Саны [36].

На это решение Иран отреагировал довольно жестко. Заместитель министра иностранных дел Ирана Амир Абдоллахиян заявил, что «действия Саудовской Аравии, которые привели к блокаде Йемена и невозможности передачи гуманитарной помощи, не останутся без ответной реакции», добавив, что «Иран готов к реализации любых вариантов действий по поддержке народа Йемена, поставкам гуманитарной помощи и перевозке раненых» [12]. Иран давал понять Саудовской Аравии, что в йеменском противостоянии он готов пойти на самые решительные действия в интересах сохранения и усиления своего влияния на Йемен.

В мае 2015 г. усилилась напряженность внутри самого Йемена, в связи с чем постоянный представитель Йемена в ООН Халед Альемани обратился к Совету Безопасности с просьбой о скорейшем введении сухопутных войск коалиции арабских стран, особенно в города Аден и Таиз, которые были заняты хуситами [18]. С другой стороны, бывший президент Йемена Али Абдалла Салех заключил союз с хуситами для борьбы с арабской коалицией. При этом он сказал, что готов заключить союз «с любым, кто будет защищать йеменский народ и национальные интересы Йемена», и призвал всех граждан Йемена оказывать вооруженное сопротивление «агрессии» Саудовской Аравии [32]. Кроме того, йеменцы стали нападать на саудовских военных в приграничных районах. 10 мая в провинции Джизан ополченцы из окрестных племен напали на пограничные посты Саудовской Аравии, и, как пояснили вожди этих племен, это было ответом на авиаудары коалиции.

В этой ситуации Иран предпринял ряд шагов, которые обострили его противостояние с Саудовской Аравией. Сначала президент Ирана Хасан Роухани заявил, что правительство Саудовской Аравии, «не понимая ничего в региональной и мировой политике, всегда делая все с помощью долларов, на этот раз решило показать свою силу с помощью бомб. Это стратегическая ошибка» [35]. Затем заместитель министра иностранных дел Ирана Амир Абдоллахиян подтвердил, что «Иран любым способом не допустит военной интервенции в Йемене» [7] во избежание дестабилизации в регионе.

Кульминацией противостояния стало направление Ираном 12 мая 2015 г. корабля «Иран шахид» с гуманитарной помощью для Йемена. Саудовская Аравия, военные корабли которой заблокировали йеменские порты, наотрез отказалась пропускать корабль, а представители Пентагона посоветовали Ирану передать помощь по каналам ООН. Однако Иран не последовал этим советам, более того, это вызвало его жесткую реакцию. Заместитель начальника Генерального штаба вооруженных сил Исламской Республики бригадный генерал Масуд Джазаيري выступил с резким обращением к Саудовской Аравии, сказав, что иранские вооруженные силы начнут боевые действия против любого государства, которое атакует гуманитарный корабль, и что это может разжечь войну в регионе. Он также добавил, что «степень сдержанности Ирана тоже имеет предел, и это должны понимать Соединенные Штаты и Саудовская Аравия» [29]. В результате «Иран шахид» был взят под сопровождение военными кораблями Ирана. Данным эпизодом

Иран показал, что его намерения в отношении Йемена достаточно серьезны и он будет отстаивать их до конца. В итоге корабль был отправлен по маршруту ООН и разгрузился в Республике Джибути 23 мая.

В июне — июле 2015 г. вследствие атак частей йеменской армии и коалиции началось отступление хуситов из Адена, а к началу августа войска президента Хади окружили Сану. Тогда же президент Хади обвинил Иран в дестабилизации ситуации в Йемене. Он заявил, что влияние Ирана на Йемен «опаснее, чем то, которое оказывают террористы “Аль-Каиды”», так как Иран «систематически совершает политические действия против йеменского государства» [11]. В ответ на это обвинение председатель Исламского совета (меджлиса) Ирана Али Лариджани возразил, что «Иран никогда не стремился к господству над другими государствами. Если Иран оказывал кому-то помощь, то только для стабильности и безопасности. Народ Ирана всегда стремился влиять на будущее мира и всегда ощущал свою ответственность за мусульман всего мира» [21]. Подобные заявления и готовность к жестким действиям подчеркивали прагматичность и решительность Ирана в достижении своих целей в Йемене, его желание занять ведущее место в регионе Ближнего Востока.

К концу июня 2015 г. ситуация, сложившаяся в Йемене, привела к усилению сепаратистских настроений в саудовских провинциях, перешедших к Королевству от Йемена в 2000 г. В Наджране, одной из этих провинций, саудовское оппозиционное движение «Ахрар ан-Наджран» захватило военную базу и объявило, что его цель — «борьба против саудовского режима за независимость Наджрана и отделение его от Эр-Рияда» [27]. В конце июля в Йемене 16 партий и общественно-политических движений поддержали действия «Ансар Аллаха» против «агрессии со стороны Саудовской Аравии» и террористов АКАП. Такая внутренняя активность обеспокоила Саудовскую Аравию, и уже в начале августа она продолжила авиаудары и обстрелы территории Йемена. В этом же месяце Саудовская Аравия сконцентрировала на южных границах Йемена мощные формирования из войск ОАЭ и ополченцев из «Народных комитетов», верных президенту Хади, для подкрепления йеменских войск, ведущих бои с хуситами за нефтяные провинции Марерб и Шабва [37].

В попытках удержать стратегически важный Аден Саудовская Аравия пошла на новый тактический ход, заключив временное соглашение с боевиками АКАП. 21 августа силы АКАП вошли в Аден и Занджибар практически без боя и установили с войсками коалиции контроль над этими двумя городами. По словам сотрудников йеменской службы безопасности, «боевики контролируют район, в котором расположен президентский дворец и главный порт Адена; АКАП с оружием патрулируют улицы Адена. Они патрулируют улицы, неся черные флаги» [6].

Через два дня, 23 августа, замминистра иностранных дел Ирана Амир Абдоллахиян открыто обвинил Королевство в сдаче Адена боевикам АКАП, сказав, что подобные действия являются настоящим геноцидом йеменского народа [8]. В конце концов Саудовская Аравия приняла решение официально заявить о проведении наземной операции в Йемене. Это заявление было сделано в начале сентября

министром иностранных дел Йемена Риядом Ясином, который сообщил, что на территории страны присутствуют войска Саудовской Аравии и ОАЭ. Министр выразил надежду, что «скоро для нас наступит новый праздник — освобождение Йемена от хуситов» [24].

Противостояние Саудовской Аравии и Ирана в йеменском конфликте постепенно усиливалось, и Иран позволял себе все более резкие заявления, напрямую касающиеся Саудовской Аравии. 15 сентября 2015 г. президент Ирана Хасан Роухани на собрании командиров Корпуса стражей исламской революции обратился к участникам со словами: «Разве мы можем позволить себе молча смотреть на то, как наши братья в Йемене... Сирии... и других мусульманских странах безжалостно уничтожаются врагами? Как такое возможно?». Он также особо отметил, что «Иран никогда не смирится с резней мусульман со стороны йеменского режима» [9].

Тем временем президент Хади вернулся в Йемен после своего бегства весной и тут же обвинил Иран в поддержке хуситов и гуманитарном кризисе в стране. «Иран заблокировал нам возможность политического диалога, и он несет полную ответственность за стремление к разрушению страны», — сказал Хади [30]. В начале октября Йемен закрыл свое посольство в Иране и объявил о высылке иранского посла из Йемена после ряда неприемлемых действий, совершенных Тегераном на территории Йемена, таких как «организация беспорядков, контрабанда оружия, поддержка хуситов с целью свержения законной власти Йемена и прочих враждебных действий» [17]. Таким способом официальный Йемен демонстрировал полную поддержку саудовского курса по вытеснению Ирана из Йемена.

Одновременно с этими заявлениями Саудовская Аравия наращивала свое присутствие в Йемене, получая подкрепление из других арабских стран, Катара и Египта, в виде живой силы и бронетехники. Укрепленная коалиция к 1 октября 2015 г. полностью освободила от контроля хуситов стратегически важный для Королевства Баб-эль-Мандебский пролив и закрепилась в провинции Мариб. Саудовский генерал Асири заметил по этому поводу, что «Мариб и Баб-эль-Мандеб — это часть плана по освобождению Саны» [25].

К концу 2015 г. Иран в противостоянии с Саудовской Аравией перешел в формат громких заявлений высокопоставленных генералов из Министерства обороны, не исключая и самого главу военного ведомства. На встрече с главами представительств Ирана за рубежом министр обороны бригадный генерал Хоссейн Дехкан, в частности, сказал, что «вооруженные силы Исламской Республики Иран способны дать быстрый ответ в соответствии с уровнем и видом вражеской угрозы» [22]. Он также добавил, что оборонная мощь и активная дипломатия способствуют росту сдерживающего потенциала страны.

Такого рода заявления не могли не вызвать ответа со стороны Саудовской Аравии. Известный политический аналитик Королевства Салман аль-Ансари заявил, что «если Иран и дальше будет вмешиваться во внутренние дела арабских стран, то Саудовская Аравия сможет взять под контроль воздушное пространство Ирана за несколько часов, точно так же как она взяла под контроль воздушное пространство Йемена за 15 минут» [13]. Кроме того, он выразил уверенность,

что Королевство может привлечь на свою сторону против Ирана большинство исламских стран [13].

В январе 2016 г. конфронтация Саудовской Аравии и Ирана достигла своего максимального значения после казни в Эр-Рияде саудовского шиитского проповедника Нимра ан-Нимра. Косвенным образом это событие отразилось и на конфликте в Йемене. В результате бомбардировок арабской коалиции пострадало здание посольства Ирана в Сане, а несколько сотрудников охраны были ранены. Представитель Министерства иностранных дел Ирана Хоссейн Джабер Ансари заявил, что «эти умышленные действия саудовских властей являются нарушением всех международных конвенций и правил обеспечения безопасности дипмиссий» [3]. В свою очередь, представитель Министерства обороны Королевства Ахмед аль-Асири стал утверждать, что подобные бомбардировки проводятся с целью уничтожения ракетных установок, которые хуситы размещают в гражданских и административных зданиях, в том числе и в посольствах, покинутых дипломатическим персоналом [34].

К февралю 2016 г. Саудовская Аравия снизила свою активность в йеменском конфликте, ведя боевые действия с переменным успехом. В интервью британскому журналу «Экономист» саудовский министр обороны Адель аль-Джубейр сказал, что «десять месяцев назад правительство Йемена не контролировало и половины Адена, а сейчас более 80 % территории Йемена — под контролем законного правительства» [4]. Через месяц, в середине марта 2016 г., саудовский генерал Асири заявил в интервью агентству «Франс Пресс», что «войсковая операция в Йемене близка к своему завершению, но нас ждет большая работа по восстановлению страны. Королевство больше никогда не покинет братскую нам страну, чтобы не допустить ее превращения во вторую Ливию и не допустить хаоса» [10].

В это же время Эр-Рияд усилил свои обвинения в отношении Ирана, выведя их на европейский уровень. В конце февраля 2016 г. посол Саудовской Аравии в Люксембурге Абдулрахман бин Сулейман, выступая перед комиссией Европейского парламента по связям со странами Аравийского полуострова, сказал: «В истории Ирана постоянно имели место агрессивные вмешательства во внутренние дела арабских стран, о чем свидетельствует в том числе и поддержка хуситов в Йемене», добавив, что Королевство очень заинтересовано в прекращении агрессивных иранских действий [20].

В ответ на столь прямое обвинение Иран в марте 2016 г. выразил свое видение роли Саудовской Аравии в вооруженных конфликтах. Секретарь Совета по определению политической целесообразности ИРИ Мохсен Резаи заявил: «В любом месте, где происходит теракт или взрыв, замечен след саудитов. Они причастны ко всем, без исключения, терактам» [28].

Между тем в Йемене, на фоне взаимных обвинений Саудовской Аравии и Ирана, стал набирать силу мирный процесс. 24 марта 2016 г. президент Хади выступил с заявлением, сообщив, что хуситы приняли к исполнению ранее отвергаемую ими резолюцию Совета Безопасности ООН № 2216 от 15 апреля 2015 г., согласно которой хуситы должны были прекратить насилие, вывести свои вооруженные силы из захваченных районов, сложить оружие, прекратить

деятельность, находящуюся в компетенции правительства Йемена, и воздерживаться от любых провокаций [31].

11 апреля 2016 г. вступило в силу перемирие, заключенное между силами сторонников президента Хади (также известными как «лоялисты») и хуситами, а 30 апреля в Кувейте между ними начались прямые переговоры о будущем Йемена. Однако двигались эти переговоры довольно тяжело, так как обе стороны настаивали на своих условиях. В частности, хуситы периодически отказывались от участия в переговорах, а представители правительства президента Хади требовали исключения из участия в мирном процессе бывшего президента Али Абдаллы Салеха. Тем не менее 27 мая 2016 г. стороны достигли соглашения о формировании правительства национального единства, включающего представителей всех сторон конфликта.

Однако последующие события, на ход которых продолжали оказывать влияние (напрямую или косвенным образом) как Саудовская Аравия, так и Иран, фактически сорвали мирный процесс в Йемене.

6 августа 2016 г. в Сане, по-прежнему находящейся под контролем сил хуситов и их сторонников, был создан новый руководящий орган страны — Верховный политический совет, 28 ноября там же было сформировано Правительство национального спасения.

В свою очередь, силы лоялистов, верные президенту Хади, при активной поддержке вооруженных сил Саудовской Аравии и ее союзников заняли 11 февраля 2017 г. важный портовый город Моха на побережье Красного моря, а в начале марта эти же силы уже приблизились к Сане на расстояние в 30 км.

25 марта 2017 г. контролируемый хуситами суд города Сана приговорил «бывшего президента» Хади к смертной казни по обвинению в «подстрекательстве и помощи агрессорскому государству — Саудовской Аравии и ее союзникам», а также «государственной измене».

Со своей стороны Хади, находящийся в президентской резиденции в южно-йеменском портовом городе Аден под защитой войск Саудовской Аравии, заявил о своей решимости продолжать борьбу с хуситами.

Однако анализ событий, произошедших в Йемене после срыва мирного процесса и оценка вовлеченности в них внешних сил, причем не только Саудовской Аравии и Ирана, выходят за рамки данной статьи и заслуживают специального освещения.

Таким образом, изучение действий Саудовской Аравии и Ирана в йеменском конфликте в 2015–2016 гг. позволяет сделать следующие основные выводы.

Военно-политическая борьба Эр-Рияда и Тегерана за Йемен имеет глубокие исторические корни и в указанный период приобрела весьма ожесточенный характер.

Саудовская Аравия стремилась выдавить Иран со стратегически важной территории Йемена с его транзитными портами и путями транспортировки нефти, она приняла непосредственное участие в боевых действиях против поддерживаемых Ираном хуситских повстанцев, создав и возглавив коалицию арабских стран. Вместе с тем в своем желании удержать Йемен в своей орбите влияния

и обезопасить свои границы от шиитского влияния Королевство шло даже на заключение тактических союзов с боевиками-террористами АКАП, использовало лояльность йеменских властей для проведения своих решений, обостряло политическое противостояние с Ираном, возлагая на него ответственность за дестабилизацию в Йемене.

Иран, имея целью сохранить и закрепить за собой Йемен как территорию своих интересов, активно задействовал политическую трибуну. Осуждая внешнее военное вмешательство и призывая к прекращению конфликта, Иран укреплял связи с ведущей оппозиционной силой Йемена — хуситами, оказывая им гуманитарную и иную помощь, провоцировал Саудовскую Аравию посредством резких заявлений и действий, обвиняя Королевство в геноциде и связях с террористами.

В результате активного вмешательства противоборствующих внешних сил во внутривнутриполитический кризис в Йемене этот конфликт до сих пор остается нерешенным.

1. Ефимова М. Неумный Йемен // Коммерсантъ. 27.03.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/2695001> (дата обращения: 13.11.2015).

2. Заместитель главы МИД Ирана: «Исламское государство» — результат военных действий США в Ираке // Russia Today. 28.03.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/82269> (дата обращения: 13.11.2015).

3. Foreign Ministry condemns Saudi air strike on Iran Embassy in Yemen // IRNA. 07.01.2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.irna.ir/en/News/81911421/> (accessed: 10.01.2016).

4. Interview with Muhammad bin Salman // Economist. 06.01.2016 [Electronic resource]. URL: http://www.economist.com/saudi_interview (accessed: 11.01.2016).

5. UN chief calls for immediate ceasefire by all parties in Yemen // UN News Centre. 16.04.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=50601#.V0mR9iHzNmM> (accessed: 14.11.2015).

6. Аль-Каида захватывает главные районы Адена // Аль-Ватан. 22.08.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.elwatannews.com/news/details/791086> (accessed: 16.11.2015).

7. Амир Абдуллахиян: мы знаем о безопасности Йемена // Тасним. 02.05.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1XEPZGw> (accessed: 16.11.2015).

8. Амир Абдуллахиян: эскалация войны в Йемене обречена на провал // Тасним. 23.08.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1qSDL04> (accessed: 17.11.2015).

9. Армия является хранителем революции и ее достижений // Раисе джомхурие есламие Ирон. 15.09.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.president.ir/en/89345> (accessed: 17.11.2015).

10. Асири: военные действия в Йемене близятся к завершению // Аджиль. 17.03.2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.ajel.sa/local/1720761> (accessed: 20.03.2016).

11. Вмешательство Ирана в дела Йемена опаснее, чем «Аль-Каида» // Аль-Арабия. 08.06.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1dpCLKB> (accessed: 16.11.2015).

12. Действия Саудовской Аравии не останутся без ответа // Джаме Джам. 26.04.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1Ukc0I1> (accessed: 15.11.2015).

13. За 4 часа королевство вполне способно взять под контроль воздушное пространство Ирана // Аджиль. 01.12.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.ajel.sa/local/1673316> (accessed: 02.12.2015).

14. Заявление Али Хаменеи о Йемене: действия саудитов — это преступление // ИРАН РУ [Electronic resource]. URL: http://pers.iran.ru/news/analytics/80414/r_d_V_l_p_f_d_d_p_f_d_n_V_f_n (accessed: 15.11.2015).

15. Иран осудил вторжение в Йемен под руководством Саудовской Аравии // Press TV. 26.03.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.presstv.ir/Detail/Fa/2015/03/26/403427/IranYemeninvasion> (accessed: 13.11.2015).

16. Итоговое решение встречи арабских стран на высшем уровне // Аль-Хайят. 29.03.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1U2KBiB> (accessed: 13.11.2015).

17. Йемен и Бахрейн разрывают дипломатические отношения с Ираном // Аль-Арабия. 02.10.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1jFgXOk> (accessed: 18.11.2015).

18. Йемен призывает Совет Безопасности к наземному вмешательству // Ар-Рияд. 07.05.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.alriyadh.com/1046101> (accessed: 15.11.2015).

19. Коалиция объявляет о завершении «Бури решимости» и начале «Возрождения надежды» // Аль-Джазира. 21.04.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/22rV8mg> (accessed: 15.11.2015).

20. Королевство подтверждает глубину своих отношений с ЕС // Saudi Press Agency. 28.02.2016 [Electronic resource]. URL: <http://spa.gov.sa/viewstory.php?lang=ar&newsid=1472127> (accessed: 03.03.2016).

21. Лариджани: мы должны знать цену нашему единству // ИРНА. 13.06.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.irna.ir/fa/News/81644924/> (accessed: 16.11.2015).

22. Министр Дехкан: оборонная мощь и активная дипломатия — главный фактор безопасности страны // Азад. 05.11.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.ana.ir/news/63082> (accessed: 18.11.2015).

23. Министр иностранных дел Ирана предложил Йемену мирный план. Джавад Зариф готов к переговорам и оказанию помощи Йемену // Азад. 16.04.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.ana.ir/news/23323> (accessed: 14.11.2015).

24. Восьминедельный план освобождения Саны // Аль-Ватан. 28.08.2015 [Electronic resource]. URL: http://www.alwatan.com.sa/Politics/News_Detail.aspx?ArticleID=233679 (accessed: 17.11.2015).

25. Новое заявление представителя коалиции о сроках освобождения Саны // Йемен-пресс. 03.10.2015 [Electronic resource]. URL: <http://yemen-press.com/news55268.html> (accessed: 18.11.2015).

26. Обама: мы сказали прямо Ирану и Йемену: поставка оружия йеменским группировкам — это проблема // Энтехоб. 22.04.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1VqEx18> (accessed: 15.11.2015).

27. Объявление о создании первого военного объединения против саудовского режима в регионе Наджран // Тасним. 19.06.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/25pm2wP> (accessed: 16.11.2015).

28. Ответ Мохсена Резаи министру обороны Саудовской Аравии // Джаме Джам. 29.03.2016 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1X4U5JK> (accessed: 03.04.2016).

29. Предупреждение генерала Джазаيري для Саудовской Аравии и США по поводу иранского корабля // Аль-Аалям. 12.05.2015 [Electronic resource]. URL: <http://fa.alalam.ir/news/1702536> (accessed: 16.11.2015).

30. Президент Йемена обвиняет Иран в стремлении уничтожить страну // Ар-Рияд. 30.09.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.alriyadh.com/1086791> (accessed: 17.11.2015).

31. Резолюция 2216, принятая Советом Безопасности на его 7426-м заседании 14 апреля 2015 г. // Совет Безопасности ООН. 14.04.2015 [Electronic resource]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/103/70/PDF/N1510370.pdf?OpenElement> (accessed: 25.11.2015).

32. Салех заявляет о союзе с хуситами и бросает вызов коалиции, вводящей войска в Йемен // Russia Today Arabic. 10.05.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1qROrfl> (accessed: 15.11.2015).

33. Сауд аль-Фейсал: Мы пришли, чтобы помочь законной власти Йемена... Мы не воюем с Ираном и он не может призывать нас к прекращению боевых действий // Ар-Рияд. 13.04.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.alriyadh.com/1038656> (accessed: 14.11.2015).

34. Саудовская Аравия заявляет, что расследует утверждения Ирана о нападении на его посольство // Reuters. 07.01.2016 [Electronic resource]. URL: <http://ara.reuters.com/article/topNews/idARAKBN0UL17I20160107> (accessed: 11.01.2016).

35. Саудовская Аравия, напав на Йемен, совершила стратегическую ошибку // Press TV. 09.05.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.presstv.ir/detail/fa/2015/05/09/410164/hassan-rouhani-saudi-arabia-strategic-mistake-yemen-strike> (accessed: 16.11.2015).

36. Саудовские истребители запретили иранскому самолету посадку в Сане // Фарханг. 24.04.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.farhangnews.ir/content/121170> (accessed: 15.11.2015).

37. Саудовское наземное подкрепление и народные комитеты продолжают движение на Юге // Russia Today Arabic. 07.08.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/24haOYS> (accessed: 16.11.2015).

38. Хасан Роухани, выступая на Дне армии, подверг критике Саудовскую Аравию за нападение на Йемен // BBC Persian. 18.04.2015 [Electronic resource]. URL: http://www.bbc.com/persian/iran/2015/04/150418_an_iran_rouhani_army_day (accessed: 14.11.2015).

Рукопись поступила в редакцию 10 мая 2017 г.

УДК 327.5(5-12) + 327.2(591) + 327.2(593) + 327.51 АСЕАН **Н. Сомкамнерд**

ПРОБЛЕМА НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ НАРОДНОСТИ РОХИНДЖА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Статья посвящена исследованию проблемы незаконной миграции народности рохинджа в регионе Юго-Восточной Азии — некоторых странах АСЕАН, в частности в Мьянме и Таиланде. Анализируется роль Таиланда, Мьянмы, Бангладеш, международных и региональных организаций, особенно ООН и АСЕАН, в решении проблемы незаконной миграции народности рохинджа. Особый акцент сделан на деятельности АСЕАН и Таиланда в этом направлении. Установлено, что эффективное урегулирование вопроса незаконной миграции рохинджа в регионе возможно путем развития международного сотрудничества в данной сфере.

К л ю ч е в ы е с л о в а: рохинджа, Таиланд, Мьянма, АСЕАН, Юго-Восточная Азия, незаконная миграция, региональная проблема.

На сегодняшний день многие страны сталкиваются с проблемами, характерными для различных регионов мира. Одна из самых глобальных — проблема прав человека, особенно проблема миграции. Она возникла и существует не только в странах Европы, но и в странах Азии, например, проблема миграции населения Сирии в европейские страны. Уже с 2010 г. страны Европейского союза сталкиваются с проблемой кризиса европейской зоны, но сейчас появилась еще одна большая проблема — миграционные движения в этих странах. В азиатских государствах те же проблемы, особенно в странах региона Юго-Восточной Азии. Так, сегодня стала предельно актуальной проблема мигрантов рохинджа, индо-арийского народа в штате Ракхайн (другое название — Аракан) в Мьянме.

В последнее время, а именно с 2012 г., в странах Юго-Восточной Азии особенно остро стал вопрос этнических меньшинств в Мьянме, а также взаимоотношений между племенами мусульман и буддистов. Буддизм — наиболее распространенная религия в стране, но самое крупное племя Мьянмы, рохинджа, исповедует ислам. В стране идет буддийско-мусульманское противостояние. Из-за жесткой политической ситуации в Мьянме объявлен военно-буддийский режим, в который мусульмане рохинджа вписаться не могут.

Мусульмане рохинджа проживают в штате Ракхайн в западной Мьянме. Данное племя говорит на своем языке, более того, по стилю одежды оно больше похоже на население Бангладеш. Рохинджа не имеют гражданства, в Мьянме считают, что это бангладешские беженцы. Сложность заключается в том, что племена рохинджа не нужны ни одной стране.

Примерная численность этих племен в Мьянме составляет около 2 млн человек. Многие из них живут в лагерях беженцев в соседних странах, например, в Бангладеш, а также вдоль тайско-мьянманской границы на территории Таиланда. Остальные рассредоточены по всему региону (Пакистан, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Малайзия). Некоторые из них добрались до Японии и Австралии [1].

С 2006 г. рохинджа на лодках приплывали к берегам Таиланда, чтобы остаться там либо перебраться в Малайзию и Индонезию. Мусульмане рохинджа скрываются от властей Мьянмы и добираются до таких стран, как Индия, Бангладеш, Таиланд, Индонезия и др. Ни одна из соседних стран не принимает их и не предоставляет им статус беженцев по разным причинам. Направляясь в соседние страны, рохинджа пытаются незаконно пересечь их границу, например, через Таиланд они хотят достичь Малайзии и Индонезии. В этих двух странах население по цвету кожи и глаз имеет сходство с представителями рохинджа, но самое главное — большинство населения здесь являются мусульманами. Однако правительство Таиланда не разрешает рохинджа жить в стране и отправляет обратно в Мьянму.

Численность племени рохинджа в Таиланде составляет 200 тыс. человек. Некоторые из них живут и работают здесь незаконно, поэтому возникает немало проблем, которые отражаются на многих областях политической жизни страны. Некоторые из рохинджа занимаются преступной деятельностью, торгуя людьми, оружием и наркотиками. Также рохинджа создали группу «Burmese Rohingya Association in Thailand (BRAT)» [7], чтобы запросить статус беженцев в Таиланде. Правительство Таиланда считает, что среди беженцев рохинджа есть исламские наемники, замаскированные под рабочих-мигрантов, их цель — оказать помощь и поддержку мусульманским сепаратистам в южной части Таиланда, а именно в Патани. Предприниматели нанимают все больше рабочих-мигрантов. Благодаря своей неприхотливости и низкому размеру заработной платы мигранты вытесняют коренное население, делая их безработными. Кроме того, у этнических групп рохинджа существуют серьезные санитарные проблемы, они являются разносчиками таких опасных болезней, как малярия, филяриоз и др.

Правительство Таиланда тратит немало денег из бюджета здравоохранения на профилактику инфекционных заболеваний, а также на поддержку рохинджа

в области обеспечения гуманитарных прав. В связи с борьбой Таиланда против незаконной иммиграции рохинджа страна несет репутационные издержки. Рохинджа жалуются в международные правозащитные организации на жестокое обращение со стороны правительства Таиланда, которое возвращает их в страны, из которых они нелегально прибыли. На обратном пути их зачастую оставляли в открытом море без еды и воды. Правительство Таиланда не беспокоилось о здоровье мигрантов, и многие из них действительно погибали при транспортировке.

Незаконной миграции рохинджа уделяется особое внимание со стороны и мирового, и регионального сообщества, особенно в странах Юго-Восточной Азии. Проблема незаконной миграции рохинджа сильно отражается не только на обществе Таиланда, но и на других странах Юго-Восточной Азии, особенно на ситуации в странах-соседах Мьянмы — Индонезии и Малайзии. Правительства перечисленных стран стремятся уделять большое внимание решению этой проблемы, чтобы предотвратить ее развитие и содействовать политической и экономической безопасности, а также региональной стабильности.

Что касается роли Мьянмы и Бангладеш в решении проблемы рохинджа, то, во-первых, надо учитывать, что Бангладеш является бедной страной, где правительство не может обеспечить благосостояние населения из-за экономических проблем, поэтому местное население готово эмигрировать в другие страны. А мусульмане рохинджа, которые живут в Мьянме, стремятся эмигрировать в другие страны из-за преследования мусульман. Они живут в условиях полной нищеты и не имеют возможности защищать свои права. Важно отметить, что ни Мьянма, ни Бангладеш не хотят принимать их. Во время столкновений были погибшие среди рохинджа, многие из них вынуждены были покинуть родные места.

В декабре 2015 г. АСЕАН принял решение о формировании системы свободной и открытой торговли и инвестиций, об устранении торговых и инвестиционных барьеров, что должно привести к свободному передвижению товаров, услуг, капиталов в регионе Юго-Восточной Азии. Для правительства Мьянмы это открывает возможность вытеснения этнической группы рохинджа в другие страны Юго-Восточной Азии.

Согласно данным ООН в 2015 г. более 20 тыс. рохинджа пытались перебраться в другие страны на лодках, количество мигрантов рохинджа превысило уровень 2014 г., поэтому правительство Таиланда стремится усилить контроль за маршрутами их передвижения [5]. Таиланд не разрешил группе беженцев рохинджа высадиться на своей территории, но оказал помощь: дал пищу, воду и отправил обратно в Мьянму. Таиланд заявил, что предоставит временные лагеря для беженцев из Мьянмы на срок не более 6 месяцев. Отмечается, что не только Таиланд отказался принимать беженцев-рохинджа, но и другие страны Юго-Восточной Азии.

По мнению тайского дипломата Прапата Тэбчатри, проблема незаконной миграции — проблема быстрорешаемая. Он считает, что правительство может решить этот вопрос путем проведения международной встречи с участием представителей мирового сообщества. В ходе данного мероприятия стороны смогут разработать план совместного решения проблемы рохинджа [4]. Этот вопрос не является локальным, он затрагивает интересы многих стран региона, включая

Таиланд, угрожает стабильности и безопасности региона Юго-Восточной Азии. Таиланд пригласил на встречу представителей из 17 стран, таких как Австралия, Индонезия, Малайзия, Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Бангладеш, Мьянма. В качестве стран-наблюдателей участвовали представители США и международных организаций — от Комиссариата Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ), Международной организации по миграции (МОМ) и Управления по наркотикам и преступности ООН (УНП ООН). В открывшейся 29 мая 2015 г. встрече по вопросам беженцев и незаконной миграции в странах, имеющих выход в Индийский океан, представители Таиланда поставили вопросы нелегальной миграции рохинджа и, в более широком контексте, торговли людьми [10].

По мнению Прапата Тэбчатри, правительство правильно решает проблему, понимает ситуацию и хорошо играет свою роль на международной арене. Он утверждает, что для решения проблемы мигрантов рохинджа все стороны должны акцентировать внимание на балансе между стабильностью и правами человека. Проблемы торговли людьми и незаконной миграции очень важны для региона, всем странам необходимо сотрудничать для их урегулирования [4].

В статье «Тайна рохинджа» Порнтив Роджанасунан, директор Института судебных экспертиз Министерства юстиции, отмечает, что некоторые мигранты рохинджа (граждане Малайзии) эмигрировали в Таиланд и совершали преступления на юге страны [5]. В Таиланде много раз происходили беспорядки, поджоги государственных зданий, школ, больниц, храмов и убийства невинных людей, в том числе детей и солдат. Сепаратисты в Таиланде могут быть причастны к международным терактам. Они могут получать поддержку, например, финансовые средства, технологии и оружие, из стран Ближнего Востока или Малайзии. Проблема поддержки экстремистов со стороны Малайзии неоднократно поднималась в экспертном сообществе. Малайзия граничит с югом Таиланда, и в некоторых источниках отмечается, что Малайзия имеет притязания на территории в южной части Таиланда, поэтому она может поддерживать здесь действия мусульманских сепаратистов.

Порнтив Роджанасунан не сомневается в том, что мигранты рохинджа подрывают стабильность на юге Таиланда. В 2009 г. правительство Таиланда обнаружило, что рохинджа незаконно находятся на территории страны. Как уже упоминалось, они привезли оружие, бомбы и совершали преступные действия. По мнению Порнтива Роджанасунан, кто-то из-за границы поддерживает применение ими насилия в стране [Там же]. Таким образом, нельзя не отметить, что на сегодняшний день проблема сепаратизма на юге Таиланда негативно отражается на стабильности и политической и экономической безопасности Таиланда. Более того, эта проблема негативно влияет на отношения между Таиландом и Малайзией. На наш взгляд, сепаратизм в Таиланде является острой проблемой, которая негативно отражается на обществе Таиланда, политической и экономической безопасности, развитии страны и экономики, имидже Таиланда на международной арене и на отношениях со странами ЮВА, в том числе с Малайзией и Индонезией.

По сравнению с другими соседними странами у Малайзии немного нерешенных вопросов с Таиландом. Обе страны развиваются как политически, так

и экономически. Приграничных конфликтов практически нет. Однако их ровные отношения были подорваны беспорядками в южных провинциях Таиланда: здесь Таиланд столкнулся с различными проявлениями сепаратизма, и это способствовало перелому в отношениях Таиланда и Малайзии. По мнению премьер-министра Таксина, Малайзия поддержала беспорядки и вмешалась во внутренние дела Таиланда. Она выразила сочувствие тайским мусульманам на юге Таиланда из-за ужасных условий их существования. Поэтому незаконная миграция рохинджа явилась причиной проявления сепаратизма в Таиланде. Между Таиландом и соседними странами существуют проблемы, вызванные историческими конфликтами, подорвавшими их доверие друг к другу. Таиланд стремится к укреплению и развитию добрососедских отношений. Кроме того, необходимо учитывать, что укрепление партнерских отношений также является важной частью создания стабильной и устойчивой экономической среды для тайцев, живущих вдоль границы.

Премьер-министр Таиланда Прают Чан-о-Ча заявил, что эта проблема возникла уже давно. Он считает, что всем странам необходимо было взаимно решать ее с момента возникновения [5]. В одиночку Таиланд не может урегулировать сложившуюся проблему, оказывающую влияние на безопасность и стабильность стран Юго-Восточной Азии, в особенности на соседей.

О роли международных организаций в обсуждении проблемы незаконной миграции в ЮВА говорит тот факт, что Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун напрямую контактировал с премьер-министром Таиланда. Таиланд акцентирует внимание на данном вопросе и стремится решить его совместно с другими странами. Государственный секретарь США Джон Керри также напрямую связывался с вице-премьером и министром иностранных дел Таиланда Танасак Патимапракорн для открытия дипломатических каналов с целью урегулирования проблемы. Саккарин Ниюймсин, эксперт переселения АСЕАН, и Сурин Питсуван, бывший генеральный секретарь АСЕАН, отмечают, что эти действия международных организаций и других стран подняли международный авторитет Таиланда [9].

Как отмечает Сурин Питсуван, проблема с рохинджа выходит за рамки внутренней проблемы Мьянмы и превращается в проблему безопасности для всех стран в регионе Юго-Восточной Азии. Незаконная миграция рохинджа является одной из острых угроз региональной стабильности и безопасности [Там же].

Кроме того, заместитель министра иностранных дел Таиланда Дон Порматвилай заявил, что все стороны должны сотрудничать и совместно урегулировать эту уже давно возникшую проблему. Очень важно предотвратить переселение рохинджа в другие страны, также нужно позаботиться об их благосостоянии. Необходимо найти способы и средства решения проблемы незаконной миграции в долгосрочной перспективе. Более того, Дон Порматвилай предложил создать специальный фонд для ее решения.

По мнению первого тайского представителя в Межправительственной комиссии по правам человека АСЕАН Срипрапха Пэчмисри, для решения проблемы правительство Мьянмы должно предоставить гражданство мусульманам рохинджа. По мнению координатора сети организаций, защищающих права мигрантов, Сивонг Суктави, Мьянма должна предоставить гражданство рохинджа, чтобы

обеспечить их благосостояние. Когда они получают гражданство, количество беженцев в Таиланд уменьшится и проблема незаконной миграции будет решена [9].

В рамках АСЕАН страны-члены также должны обсудить проблему мигрантов рохинджа. Страны Юго-Восточной Азии проводят встречи стран АСЕАН для ее решения, потому что Мьянма тоже является одним из членов АСЕАН. Отмечается, что Таиланд пытался содействовать АСЕАН в решении проблемы рохинджа, которая считается региональной, поэтому странам АСЕАН необходимо сотрудничать в урегулировании ее между странами в регионе. Страны АСЕАН уделяют внимание решению региональных проблем и содействию региональной безопасности. Кроме того, они согласились обмениваться информацией о миграции рохинджа внутри своих стран.

Поиск решения этой проблемы в рамках АСЕАН является одним из важнейших процессов, которому Таиланд активно содействует. На 14-м саммите АСЕАН, состоявшемся в 2009 г. в Таиланде, внимание уделялось вопросу мигрантов рохинджа. Все страны АСЕАН согласились сотрудничать для решения этой проблемы в рамках «Процесса Бали» (Bali process), состоявшегося 14–15 апреля 2015 г. на индонезийском острове Бали. В Индонезии прошла III Региональная конференция по вопросам незаконной миграции, на которой участники обсудили проблемы мигрантов рохинджа [7]. Тем не менее АСЕАН пока не удалось решить проблему, Мьянма же выразила готовность принимать мигрантов-бенгальцев и продолжать обсуждение проблемы рохинджа. Несмотря на переговоры между Мьянмой и Бангладеш относительно урегулирования проблемы незаконных мигрантов рохинджа, ситуация не изменилась до настоящего времени.

На 14-м саммите АСЕАН 27 февраля — 1 марта 2009 г. Таиланд в качестве председателя АСЕАН содействовал созданию комитета по защите прав человека в рамках данной организации [11]. На этом саммите бывший премьер-министр Таиланда Аписит Вэтчачива заявил, что страна готова принять беженцев и временно предоставить размещение в лагерях, а затем уже правительство планирует выслать незаконных мигрантов в их страну.

Очевидно, что в рамках АСЕАН Таиланд играет значительную роль в создании многих правовых актов по предотвращению и решению проблем торговли людьми. Таиланд инициировал Декларацию о борьбе с торговлей людьми (ASEAN Declaration against Trafficking in Persons, Particularly Women and Children) и Декларацию о защите прав трудящихся-мигрантов (ASEAN Declaration on the Protection and Promotion of the Rights of Migrant Workers) [8]. Широко известно, что Таиланд сотрудничает в области обмена информацией со странами в регионе ЮВА и в других регионах, чтобы эффективно решить проблему торговли людьми [Там же].

На 26-м саммите АСЕАН 26–28 апреля 2015 г. в Малайзии обсуждалась проблема рохинджа. На заседании один из членов Совета по правам человека АСЕАН утверждал, что следует отменить принцип невмешательства во внутренние дела стран-членов, так как государства пользуются этим правом, чтобы избежать обсуждения вопросов племени рохинджа [2]. А проблема эта региональная, ведущая

к проблеме торговли людьми. Очевидно, что в регионе возникает нарушение прав человека и этнических меньшинств.

Таким образом, страны АСЕАН, стремясь содействовать стабильности в Юго-Восточной Азии, проявляют заинтересованность в предотвращении нелегальной миграции. Таиланд поддерживает развитие взаимодействия со странами в регионе, а также с внешним миром; акцентирует внимание на безопасности и стабильности страны и региона и стремится решить региональную проблему рохинджа на уровне АСЕАН. Однако в данном контексте нужно отметить, что АСЕАН не может решить проблемы, которые возникают в регионе, например, территориальный конфликт между Таиландом и Камбоджей, территориальный спор между Малайзией и Индонезией на острове Сипадан, внутреннюю проблему в Мьянме, особенно проблему незаконной миграции рохинджа и т. д.

Проблема рохинджа причиняет вред и провоцирует беспорядки не только в Таиланде, но и во всем регионе Юго-Восточной Азии, поэтому для более эффективного ее решения Мьянма, Таиланд и другие соседние страны должны активнее сотрудничать друг с другом. На сегодняшний день государства региона не могут быть равнодушными к проблемам друг друга. Им необходимо сотрудничество, если они хотят добиться цели.

1. Newmedia. เจาะจุดกำเนิดปมโรฮิงญา ผู้ปัญหาหาค้นไม่ได้ไปไม่ถึง [Electronic resource]. URL: <http://www.tnamcot.com/content/187634> (accessed: 23.01.2017).
2. การประชุมสุดยอดอาเซียน (ASEAN Summit) ครั้งที่ 26 [Electronic resource]. URL: http://www2.moc.go.th/ewt_news.php?nid=7666&filename=index (accessed: 23.01.2017).
3. ประเทศไทยกับอาเซียน [Electronic resource]. URL: <http://www.inspect3.moe.go.th/strategy3/upload/asean/106.pdf> (accessed: 23.01.2017).
4. ประภัศร์ เทพชาตรี. ผลการประชุมสุดยอดอาเซียนครั้งที่ 14 [Electronic resource]. URL: http://thepchatree.blogspot.ru/2009/03/14_24.html (accessed: 03.02.2017).
5. ปัญหาไทยกับชาวโรฮิงญา [Electronic resource]. URL: <http://www.sreechai.com/index.php/2013-05-01-06-34-27/2013-05-01-07-27-26/109-2013-05-02-04-27-05> (accessed: 03.02.2017).
6. สิทธิมนุษยชนในอาเซียน [Electronic resource]. URL: <http://www.uasean.com/travel/2051> (accessed: 03.02.2017).
7. โรฮิงญาถูกคุมขังที่ถูกทิ้ง ผลกระทบต่อไทย [Electronic resource]. URL: http://kittimaa004.blogspot.ru/p/blog-page_2.html (accessed: 03.02.2017).
8. อธิศักดิ์ ศรีสม. ปฏิญญาอาเซียนกับปัญหาแรงงานข้ามชาติ [Electronic resource]. URL: http://www.asean thai.net/ewt_news.php?nid=1012&filename=index (accessed: 03.02.2017).
9. อนาคตของสิทธิมนุษยชนไทย [Electronic resource]. URL: <http://kanthup.tumblr.com/post/398428149> (accessed: 03.02.2017).
10. 20ชาติ-3องค์กรระหว่างประเทศ คอรับเข้าร่วมประชุมแก้ปัญหาโรฮิงญา ไทยเป็นเจ้าภาพพุ่งนี้ [Electronic resource]. URL: http://www.tnnthailand.com/news_detail.php?id=67043&t=news (accessed: 03.02.2017).
11. อาเซียนซุ่มมีตรัมเปิดฉากแล้ว [Electronic resource]. URL: http://aseansummit.police7.go.th/index.php?option=com_content&task=view&id=99&Itemid=50 (accessed: 03.02.2017).

Рукопись поступила в редакцию 10 мая 2017 г.

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 314.925 + 911.372.52 + 351.85 + 316.7

Е. В. Головнёва

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ РЕГИОНА

В статье обосновывается необходимость смыслового разграничения понятий «региональная идентичность» и «идентичность региона». Показано, что в онтологическом плане региональная идентичность в рамках философии культуры может анализироваться двояко. С одной стороны, она предстает как самоопределение регионального сообщества в современной культуре, включающее в себя когнитивное, ценностное, эмоциональное и регулятивное отношение к занимаемой территории. С другой стороны, региональная идентичность обнаруживает себя как идентичность региона, существует в форме коллективного дискурса, представленности Другому и коррелирует с понятием «имидж региона».

К л ю ч е в ы е с л о в а: региональная идентичность, идентичность региона, институциализация региона, имидж региона, региональный дискурс, современная культура.

Понятие «региональная идентичность» имеет довольно длительную традицию изучения в социально-гуманитарном знании. В частности, региональная идентичность по-разному осмысливалась в рамках модернистской и постмодернистской концепций философии культуры.

Модернистское понимание региональной идентичности основано на эссенциалистском подходе [9, 12] и исходит из того, что ее развитие обусловлено рядом объективных внешних факторов и что идентичность носит тождественный характер у всех членов регионального сообщества. Постмодернистская концепция ставит под сомнение очевидность многих традиционных концептов, включая самоидентичность, а региональная идентичность рассматривается как непрерывный процесс самоидентификации, как результат многочисленных само- и иноприписываний, аскриптивной классификационной практики множеств людей. Представители данного подхода [7, 18] полагают, что использование региональной идентичности в социальном взаимодействии, отнесение себя и других к определенным категориям, собственно, и формирует региональные сообщества в их организационном качестве. Отмечается, в частности, что в своем

конкретном выражении региональная идентичность, к примеру, может являться результатом объединения с одними группами и дистанцирования от других, быть инструментом освоения новых культурных практик, испытывать воздействие идеологических средств по формированию имиджа региона, зависеть от долгосрочных и краткосрочных факторов.

Однако, несмотря на появление различных концепций региональной идентичности, можно с уверенностью утверждать, что до сих сохраняется неопределенность как в содержательной трактовке данного феномена, так и в оценке его смысловой нагруженности. В конкретных исследованиях часто не проводится смысловой разницы между терминами «региональная идентичность», «идентичность региона» и «имидж территории». Имеющиеся работы по региональной идентичности в основном располагаются в плоскости политической практики и брендинга территорий, а рассмотрению теоретического статуса этого понятия уделяется недостаточное внимание.

Данное обстоятельство позволяет заявить, что одним из приоритетных направлений в изучении региональной идентичности в настоящее время оказывается обнаружение ключевых понятий, соотносимых с данным феноменом, прояснение того, какие смыслы скрываются за концептом «региональная идентичность» и в чем состоит ее отличие от идентичности региона. Именно на теоретическую концептуализацию понятий «региональная идентичность» и «идентичность региона», на их соотношение предлагается далее обратить особое внимание.

В первую очередь для обозначения смысловой разницы между этими понятиями, вслед за некоторыми отечественными и зарубежными исследователями, можно выделить две стороны в понимании онтологического статуса региональной идентичности — субъективную (внутреннюю) и объективную (внешнюю). В первом случае речь идет об идентичности как самоопределении регионального сообщества (корреляция с субъектной идентичностью), во втором — об идентичности как представленности *Другому* (корреляция с понятием «имидж»¹).

Так, по мнению Г. С. Корепанова, «в *объективном плане* региональная идентичность часто выступает как процесс интерпретации региональной уникальности, когда данный регион становится институционализированным в определенном виде сообщества. Этот процесс обусловлен и поддерживается дискурсивными практиками и ритуалами и состоит из производства региональных границ, системы символов, смыслов и институтов. Акцент делается на объединении людей по региональному признаку для выражения своих региональных (локальных) интересов в тех или иных сообществах вне прямой связи с территориальным делением... В *субъективном плане* региональная идентичность выступает как осознание интересов, индивидуальных когнитивных механизмов, мотивации индивидов, которые лежат в основе формирования межличностных связей; групповых и межгрупповых феноменов в терминах их преимущественного порождения коллективным региональным сознанием» [2, 18, 19].

¹ Под имиджем региона в данном случае понимается совокупность представлений и медийных обобщений, раскрывающих специфику территории, тиражируемая и транслируемая средствами массовой коммуникации для достижения определенных экономических и общественно-политических изменений [5].

Для характеристики региональной идентичности в субъективном плане часто используется также термин «региональное самосознание». Например, в трактовке Г. М. Казаковой региональное самосознание есть «осознание региональным сообществом своих нравственных ориентиров, идеалов и мотивов поведения, своих знаний, целостная оценка самих себя как мыслящих и чувствующих существ, выбор определенного способа своего бытия» [1, 18].

Подразделение на субъективную и объективную региональную идентичность присутствует также в концепции финского исследователя А. Пааси, который отличает *идентичность региона*, как конструкт, используемый политиками, культурными активистами, девелоперами и пр., от *региональной идентичности*, связанной в первую очередь с принадлежностью индивида или группы к определенному месту [12, 15]. И. Я. Мурзина прямо определяет региональную идентичность как связь, которую ощущает житель определенной территории (региона) с местом его жизни и которая настолько оказывает воздействие на существование человека, что формируется особый тип личности [6, 102].

На индивидуальном уровне идентификация означает, что индивид чувствует привязанность к региону и воспринимает его как отличающийся по своим характеристикам от других регионов, причем на первый план здесь выходят критерии выделения своей территории, отличные от политических и административных. Это может быть система коммуникаций между людьми, общая для них культурная память и «картина мира». Современными географами, например, используется метод анализа границ ментальных регионов: при проведении опроса населения в анкету включается условная географическая карта, на которой респондентов просят показать территорию их «малой родины» [3]. Социологические исследования французских ученых Чартона-Ваше и Ломбарта, в частности, демонстрируют, что респонденты определяют свою принадлежность к регионам не как к административным образованиям, а прежде всего как к «жизненному пространству» [8, 55].

Привязанность к региону, идентификация с ним также является частью индивидуальной/персональной идентичности, поскольку отсылает к процессам социализации индивида в рамках территориальных групп и усвоения региональных имиджей и репрезентаций [Там же, 57]. Например, наши представления о характере и структуре пространства формируются с детства, они обусловлены географическими картами и нашим опытом перемещения в пространстве. Региональная идентичность в этом смысле характеризуется как эмоциональная категория, предполагающая чувство места и привязанности к нему в терминах гуманитарной географии. Являясь лишь определенными интерпретациями реального пространства, данные субъективные знания о регионе воспринимаются их носителями как объективные и носят устойчивый характер. К числу устойчивых идей в структуре региональной идентичности относятся, например, идеи об историческом развитии региона, представления о его освоении, связанные с регионом культурные стереотипы. Это свидетельствует о том, что регионы не являются просто результатом целенаправленного моделирования определенными силами.

В таком контексте структура региональной идентичности может быть представлена как четырехаспектная, которая включает в себя *когнитивный*

компонент — географические образы, т. е. устойчивые пространственные представления о регионе, формирующиеся на обыденном и профессиональном уровне; *ценностный* компонент — переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности той или иной региональной общности, сопровождающиеся оценкой качества собственной региональной инаковости; *эмоциональный* компонент — стандартные стереотипы эмоционального реагирования жителей региона на конкретные ситуации, интенсивность реакций, преобладающие эмоции; *регулятивный* компонент — predisposition к определенным действиям, способам поведения и ориентирования в региональном пространстве. Данная результирующая структура позволяет анализировать региональную идентичность в философско-культурологическом смысле как образное, ценностное, эмоциональное и поведенческое «освоение» субъектом регионального пространства.

Концепт региональной идентичности сложен, поскольку он отсылает не только к процессам идентификации и регионального самосознания, но также и к чертам самого региона. Последнее, по А. Пааси, именуется *идентичностью региона* и подразумевает целенаправленное создание образов региона, отличающих его от других регионов. Если региональная идентичность воспроизводится стихийно, то идентичность региона — продукт решений интеллектуальной и политической элиты, нередко научного сообщества, а также коммуникативная категория, зависимая от маркетинговых стратегий. Ее формируют образы, регулярно продуцируемые в средствах массовой информации, а также в научной и учебной литературе. Как отмечал К. Линч, «существует возможность усилить образ или переучив наблюдателя, или перестроив окружение» [4, 22]. В какой-то момент один из таких конструктов может закрепиться политическими акторами, которые из различных образов региона выбирают один и маргинализируют другие. Начинается процесс институционализации идеального образа региона — в пространственной структуре страны, нормах и правилах политико-территориальной организации, символическом пространстве. Идентичность региона, понимаемая в таком ключе, служит средством конструирования отличий одного региона от другого и включается в профессиональное брендингирование.

Представляется, что региональная идентичность может быть в строгом смысле определена только как региональная принадлежность или привязанность региональных субъектов к определенной территории. В отличие от жителей регионов сами регионы как административные образования не имеют сознания. Соответственно *идентичность региона* должна быть определена как *социальный конструкт* со своими особенностями формирования: как только происходит акт определения уникальности и особенностей территориальных сообществ, происходит их символизация, они начинают существовать в объективированном состоянии, а сконструированные образы региона осознаются как естественные и предопределенные.

В наиболее полном виде данная концепция получила развитие в работах финского исследователя А. Пааси [13, 14, 16], который связывает формирование регионов и возникновение их идентичности прежде всего с институционализацией регионов. Данный подход предполагает, что регионы должны быть

концептуализированы, как исторически разворачивающиеся образования, формирующиеся под воздействием внутренних и внешних факторов. Именно в процессе институционализации регионы приобретают свои границы, символические структуры и институты. Категория идентичности связывает воедино элементы, которые становятся значимыми в процессе институционализации.

В представленной А. Пааси модели институционализация регионов проходит четыре фазы. Хотя эти фазы могут варьироваться, признается, что *первая фаза* включает в себя осознание и оформление территории, процесс, в котором регион осознается в определенных границах. Территориальное оформление может быть исторически обусловлено (что характерно для ситуации «старого регионализма») или изобретаться в данный момент («новый регионализм»). Этот этап может быть назван борьбой за определенный географический образ. *Вторая фаза* предполагает приобретение регионом концептуальной формы и его притязания на символическое оформление. Эта фаза предусматривает выработку стратегии «символического производства» региона. На этой фазе происходит наименование региона, использование определенных региональных символов (флаги, гербы, гимны, монументы и т. п.), которые выражают и усиливают региональную идентичность. Наименование региона опирается на культурные, исторические и политические интересы, а топонимы, как правило, связаны с ландшафтом, в них закодирована коллективная память. Выбор «иконографии» региона, по мнению А. Пааси, представляет собой постоянно оспариваемый процесс.

В *третьей фазе* возникают региональные институты (образовательные, политические, региональные художественные организации, спортивные клубы и др.), которые служат повышению регионального самосознания. *Четвертая, последняя, фаза* предусматривает утверждение региона в пространственной структуре и массовом сознании. Признание региона как самими его жителями, так и аутсайдерами влечет за собой разворачивание борьбы за власть и ресурсы (что проявляется в деятельности региональной политической элиты) и формирование региональных дискурсов и соответствующих им социальных практик. А. Пааси определяет такую ситуацию как «картографическое беспокойство» (cartographic anxiety) [16, 129], подчеркивая значимость географической информации для оформления региональных миров. К этому времени роль и статус региона уже стабильны и более-менее определены.

Ван Клустер, так же как и А. Пааси, рассматривает институционализацию региона как четырехфазный процесс, но подчеркивает, что идентификация субъекта с регионом отсутствует в первой фазе институционализации, когда регион каким-либо образом определяется. Здесь еще отсутствует четкое представление о характеристиках, отличающих один регион от другого. Отличительные черты, по его мнению, проявляются лишь во второй фазе вместе с появлением региональных дискурсов и репрезентаций. В третьей фазе появляется региональный активизм, часто политического характера, как результат борьбы за улучшение региональных позиций или условий. Последняя фаза предполагает утверждение региона в массовом сознании как уникального и стабильного образования [19, 245].

К. Зиммербауэр [19] полагает, что в этой концепции отсутствует пятая фаза, включающая в себя представление о том, что происходит с регионом после того, как он институционализирован. Этот вопрос получил развитие в теории Г. Раагмаа [17], который обозначил два варианта развития региона после институционализации. Первый предполагает обновление региона, его физическую и символическую трансформацию, второй — деинституционализацию, исчезновение региона в процессе региональной реструктуризации. Последнее может произойти, к примеру, в результате территориальных административных изменений. Таким образом, ошибочно рассматривать регионы как стабильные после того, как они институционализированы. Сегодня регионы, по крайней мере как административные образования, часто исчезают в результате политических преобразований и конструируются заново. Регионы могут и не исчезнуть в политических процессах, а стать так называемыми «регионами-призраками». Такими «регионами-призраками» К. Зиммербауэр называет муниципалитеты в Финляндии.

Во всех представленных рассуждениях зарубежных исследователей выделим общие моменты: во-первых, коллективный аспект региональной идентичности связывается ими с тем фактом, что идентичность региона в значительной степени конструируется разделяемыми символами, что делает процесс институционализации регионов символическим и языковым [10]; во-вторых, в качестве существенного фактора формирования идентичности регионов рассматривается поиск ими уникальности и отличительности. По словам М. Китинга, «регион может иметь исторический резонанс, или выражать идентичность его жителей. Он может представлять ландшафт, архитектуру или способ приготовления еды. Он включает в себя культурный элемент, представленный особым языковым диалектом. Регионом может называться экономическое сообщество, политическое или административное единство» [11, 11].

Конструирование регионального имиджа и конструирование идентичности региона оказываются фундаментально похожими процессами, поскольку оба предполагают производство территориальных границ, символов и институтов. В основании регионального имиджа, как и идентичности региона, лежит процесс отделения одного региона от другого. Важным подкреплением идентичности региона при этом выступает не только культурная самобытность региона, но и фискальная автономия, агрессивное утверждение которой порой опирается на динамичное экономическое развитие регионов. Через процесс интерпретации регионального своеобразия регион институционализируется в определенном виде сообщества. При таком подходе идентичность рассматривается как конструкт, а основное внимание обращается на анализ дискурсивных практик, которые ее определяют и обозначают территориальные различия [13, 478]. *Идентичность региона*, таким образом, можно определить как *коллективно создаваемый дискурс, имеющий географическую привязку*.

Как и региональная идентичность, идентичность региона также может быть структурирована. В этом случае структурными компонентами идентичности региона оказываются системы дискурсов, различных по форме и уровню существования. Например, идентичность региона становится возможным анализировать,

с одной стороны, как совокупность мифологического, художественного, политического, научного, философского дискурсов о регионе, с другой — как систему представлений, функционирующую на «низовом» и «официальном» уровне.

Таким образом, в онтологическом плане региональная идентичность в рамках философии культуры может анализироваться двояко. С одной стороны, она предстает как самоопределение регионального сообщества в современной культуре, включающее в себя когнитивное, ценностное, эмоциональное и регулятивное отношение к занимаемой территории. С другой стороны, региональная идентичность обнаруживает себя как идентичность региона, существует в форме коллективного дискурса, представленности *Другому* и коррелирует с понятием «имидж региона». И в том и в другом случае при ее формировании и функционировании оказывается важным существование конвенционально оформленных способов говорения о *территориальном и региональном*, которые становятся существенной частью определения субъектом своей региональной принадлежности на индивидуальном уровне.

1. Казакова Г. М. Российская региональная идентичность: культурологический дискурс // Вестн. МГУКИ. 2008. № 6. С. 16–20.

2. Корепанов Г. С. Региональная идентичность как объект социологического анализа // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2009. № 1. С. 16–23.

3. Крылов М. П., Гриценко А. А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 28–42.

4. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М., 1982.

5. Морозова Т. А. Медиатизация технологий конструирования имиджа города : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2013.

6. Мурзина И. Я. Региональная идентичность и региональное самосознание // Дискурс-Пи. 2003. Т. 3, № 1. С. 101–104.

7. Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity» // Theory and Society. 2000. № 1. P. 1–47.

8. Charton Vachet F., Lombart C. New conceptual and operational approach to the link between individual and region: regional belonging // Recherche et Applications en Marketing. 2015. Vol. 30(1). P. 50–75.

9. Cohen A. P. Culture as Identity: An Anthropologist's View // New Literary History. Vol. 24, № 1. Culture and Everyday Life. Winter 1993. P. 195–209.

10. Jones A. Narrative-Based Production of State Spaces for International Region Building: Europeanization and Mediterranean // Annals of the Association of American Geographers. 2006. Vol. 96. P. 415–431.

11. Keating M. The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change. Cheltenham, 1998.

12. Paasi A. Deconstructing regions: notes on the scales of socio-spatial life // Environment and Planning. 1991. A 23. P. 239–254.

13. Paasi A. Place and region: regional identity in question // Progress in Human Geography. 2003. Vol. 27, № 4. P. 475–485.

14. Paasi A. Place and region: regional worlds and words // Progress in Human Geography. 2002. Vol. 26, № 6. P. 802–811.

15. Paasi A. The institutionalization of regions: a theoretical framework for understanding the emergence of regions and the constitution of regional identity // Fennia. 1986. № 164. P. 105–146.

16. *Paasi A.* The Resurgence of the “Region” and “Regional Identity”: Theoretical Perspectives and Empirical Observations on Regional Dynamics in Europe // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35. S1. P. 121–146.

17. *Raagmaa G.* Regional Identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning // *European Planning Studies*. 2002. Vol. 1, Iss. 10. P. 55–76.

18. *Sarup M.* Identity, culture and the postmodern world. Edinburgh University Press, Edinburgh, 1996.

19. *Zimmerbauer K.* From image to identity: building regions by place promotion // *European Planning Studies*. 2011. №19(2). P. 243–260.

Рукопись поступила в редакцию 19 мая 2017 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

АБРАМОВА Софья Борисовна — доцент кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат социологических наук. E-mail: sofia_abramova@mail.ru

БАРГ Анастасия Олеговна — старший научный сотрудник лаборатории методов анализа социальных рисков Федерального бюджетного учреждения науки «Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения». E-mail: an-bg@yandex.ru

ГОЛОВНЁВА Елена Валентиновна — доцент кафедры культурологии и дизайна департамента гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: golovneva.elena@gmail.com

ГРУНТ Елена Викторовна — профессор кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

ГУРАРИЙ Анна Дмитриевна — ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках департамента лингвистики Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: Anna.sinitsyna@urfu.ru

ДАВЛЕТШИНА Анна Маратовна — ассистент Института по профессиональной переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: davletshina.anna@gmail.com

ДОВЖИК Наталья Родионовна — аспирант кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор исторических наук. E-mail: dipacademy@aol.com

ДРОНИШИНЕЦ Николай Павлович — заведующий кафедрой философии Новоуральского технологического института Национального исследовательского ядерного университета-МИФИ, профессор, доктор философских наук. E-mail: dronishinets1@yandex.ru

КАТАШИНСКИХ Варвара Сергеевна — доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института управления и предпринимательства Уральского федерального университета, кандидат социологических наук. E-mail: varvarass@bk.ru

КОМЛЕВА Наталья Александровна — директор Центра геополитического анализа Академии геополитических проблем (Москва), профессор, доктор политических наук. E-mail: Komleva1@yandex.ru

КРАВЧЕНКО Альберт Иванович — ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета, профессор, доктор социологических наук. E-mail: kravchenkoai@mail.ru

КУЗЬМИН Вадим Александрович — заведующий кафедрой востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор исторических наук. E-mail: kuzmin16@yandex.ru

КУЗЬМИНЫХ Наталья Евгеньевна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: kuzminykh.natalia@yandex.ru

КУЛЬМИНСКАЯ Алина Владимировна — доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института управления и предпринимательства Уральского федерального университета, кандидат социологических наук. E-mail: avkulm@yandex.ru

ЛЕБЕДЕВА-НЕСЕВРЯ Наталья Александровна — заведующая лабораторией методов анализа социальных рисков Федерального бюджетного учреждения науки «Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения», доцент, доктор социологических наук. E-mail: natnes@list.ru

ЛОГИНОВ Алексей Валерьевич — директор департамента философии Уральского гуманитарного института, доцент кафедры социальной философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: alexeyloginov@urfu.ru

МЕНЬШИКОВ Андрей Сергеевич — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: andreimenchikov@gmail.com

МЕРЕНКОВ Анатолий Васильевич — директор департамента социологии и политологии, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: anatoly.mer@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Валерий Иванович — заведующий кафедрой теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор исторических наук. E-mail: valermik@gmail.com

НОСЫРЕВ Николай Анатольевич — заведующий кафедрой математики Новоуральского технологического института Национального исследовательского ядерного университета-МИФИ, доцент, кандидат физико-математических наук. E-mail: nanosyrev@mephi.ru

СМИРНОВА Ольга Геннадьевна — доцент кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат социологических наук. E-mail: olga.smirnova@urfu.ru

СОКОЛОВ Николай Владимирович — директор Центра арабского языка и культуры «РУСАРА» (Екатеринбург). E-mail: sokolov@rusara-international.com

СОЛОВЬЕВ Семен Сергеевич — старший преподаватель кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: semyons@mail.ru

СОМКАМНЕРД Наванат — аспирант второго курса кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: zomnavapat@gmail.com

СУХАРЕВА Виктория Алексеевна — аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: Siberian-pegas@yandex.ru

ТАБАРИНЦЕВА-РОМАНОВА Ксения Михайловна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат филологических наук. E-mail: kmromanova@mail.ru

ТЕЙТЕЛЬБАУМ Елена Сергеевна — старший преподаватель кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: correo.est@gmail.com

ЧЕРЕПАНОВА Екатерина Сергеевна — директор Института по профессиональной переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института этого же университета, доктор философских наук. E-mail: director.ippk@yandex.ru

SUMMARY

ON THE EVE OF THE 4TH INTERNATIONAL SYMPOSIUM “AUSTRIA AS A CULTURAL CENTER OF EUROPE”

Davletshina A. M. Identity Problems of Jewish Citizens in the Legal Reality of Austria’s Pre-War and Inter-War Period5

The article analyzes the problems of identity of the Jewish citizens caused by the change of their status in the legal reality of Austria in the period from the end of the 19th century to the first third of the 20th century. The author considers the process of emancipation of the Jewish citizens in the Austria-Hungary in detail and in particular, adoption of a number of legal acts. Then the author discusses successes and failures of assimilation such as the case of «Viennese Jews», emergence of anti-Semitism, and infringement of Jews’ civil rights after Austria-Hungary’s dissolution. The author argues that rights equality was formal rather than substantial. The changes in Austria’s legal reality were keenly felt by Jewish intellectuals and influenced the construction of Jewish identity.

Key words: crisis of identity, Jewish identity, legal reality, legal experience, anti-Semitism, assimilation, pre-war period, inter-war period.

Cherepanova E. S. Critique of Language and the Problem of Values in the Austrian Culture in the Inter-War-Period: H. Broch, K. Kraus, F. Ebner14

The article describes a transformation of a critical discourse analysis and values interpretation in the Austrian literature and philosophy. The focus is on H. Broch, K. Kraus and F. Ebner’s writings in the period before 1914 and in the inter-war period. The article also discusses cultural context of identity formation which shaped the specific view of critique of language and axiological debates.

Key words: critique of language, problem of values, war, anthropological problem, imperial and post-imperial conditions, interwar period of Austrian history.

POST-IMPERIAL SITUATION AND WAR IN INTELLECTUAL REFLECTION

Menshikov A. S. Problematization of War in Theory of Modernity: Methodological Survey27

The article seeks to explore how the social phenomenon of war is thematized in social theory, and in theory of modernity in particular. The author makes clear the distinction between military sociology, or sociology of war, narrowly understood, and social-theoretical analysis of war. Approaches to analyzing conceptualizations of war such as discourse analysis and intellectual history are discussed in some detail. The author then highlights the importance of formative period in social thought after the Great War and suggests a comparative and typological approach in contrast to national or evolutionary frameworks. The last part is primarily a review of extant research on social theoretical thematization of war, with special attention to H. Joas and W. Knöbl’s “War in Social Thought”.

Key words: theory of modernity; war in social thought; conceptualization of war; thematization of war; H. Joas and W. Knöbl’s “War in Social Thought”.

Loginov A. V. Justifying War: Debates Over Legitimacy.....37

In my paper, I analyze arguments for moral justification of war, which are widely accepted within Anglophonic political philosophy (M. Walzer, D. Luban, B. Orend). I indicate that there is a clash between juridical permission for and moral justification of war; I highlight the role of state sovereignty plays in contractualism. Then, I discuss what makes a regime illegitimate and argue that a criterion that normative political theory offers such as violation of basic human rights should be pluralized and diversified — especially in modern (P. Wagner) societies. In conclusion, every moral claim for what legitimacy is and how consent should be achieved needs to be grounded in history — at least in intellectual history. Historical approach would enable us not only to find out strengths or weaknesses of concrete form of legitimacy but to reconstruct the specific, even hidden ways of shaping the consent by intellectuals in everyday life within a given period.

Key words: war, *jus ad bellum*, justice, sovereignty, human rights, consent, contract, legitimacy, intellectuals, ideology.

Sukhareva V. A. The First World War as a Non-Classical Object: the Formation of Non-Classical Philosophy45

The article is devoted to the consideration of the First World War in the context of the crisis of classical type of philosophy and subsequent development of non-classical philosophy. The description of essential features of the First World War and the connection between the crisis of classical philosophy and the First World War are presented with the reflection of the representatives of the French philosophical tradition. Characterizing the First World War as a non-classical object allows to present it as a system-forming element of non-classical philosophy and to give a detailed description of the stages of non-classical philosophy formation.

Key words: First World War; non-classical philosophy; crisis of classical philosophy; war as a non-classical object.

Teytelbaum E. S. Post-Imperial Period in Spanish Culture: “1898 Generation” and “1914 Generation” ...53

The article deals with the reaction of the Spanish intellectuals to post-imperial situation in Europe. The crisis was caused by the loss of Spanish colonies in Latin America, on the one hand, and then exacerbated by the First World War. The influence of these major events on discussions about Spanish national identity and culture is analyzed.

Key words: Spanish philosophy, post-colonial crisis, “the two Spains”, post-imperial situation.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Kravchenko A. I. Crisis of Generations? Or Our Representations?61

Is there really a notorious crisis of generations? Or is it, from the standpoint of sociology, a normal, not a pathological phenomenon? The author believes that young people enter the crisis earlier, experienced by society, and it comes out of it earlier. A change of value paradigms in the public mind is a common and typical phenomenon for all societies in all historical epochs. On the basis of a secondary analysis of sociological data, the article analyzes the value-motivational complex of modern youth.

Key words: youth, values, crisis, Russian society, public opinion.

Abramova S. B. Factors Determining Career Choice in Academic Professions71

The article gives a theoretical analysis of sociological approaches to the concepts of profession, choice of profession, defines the main contradictions of the current state of science in Russia. The main attention is paid to the problem of factors that determined the choice of their profession in different status-age groups of scientists. Professional needs and motives of professional choice are identified as well as their generation dynamics. Based on the conducted polymethodic sociological research, the changes and ambivalence of the model of profession choice by young scientists are shown.

Key words: scientists, choice of profession, institute of science, professional community.

Katashinskikh V. S., Kulminskaya A. V. Contradictions of Educational Orientations of Students to Obtaining a Master’s Degree in Modern Conditions82

Master’s degree is a relatively new phenomenon in the system of higher education in Russia. However, at the same time, understanding of the educational process on Master’s level is contradictory, often mythologized. Therefore,

at the present stage of development of Master's programs in Russia it is necessary to study students' orientations to obtaining a Master degree. The goal of the article is to develop a typology of students on the basis of their educational orientations to obtaining a Master's degree. The methods of this study were full-time survey of students and in-depth interviews with the graduates. The authors identified three types of students: career-oriented, diploma-oriented, profession-oriented. Typology created by the authors allows us to understand the main characteristics of students, which makes it possible to develop some measures to institutionalization of Master degree in Russia.

Key words: sociology of education, Master degree, Bachelor degree, student, typology, orientations, higher education.

Merenkov A. V., Gurarii A. D. Reappraisal of Value of the Liberal Arts Education in Modern World90

The article demonstrates the current issues of Liberal Arts Education and its value transformation in the modern world and is based on the examples of Russia, the USA and Germany. It is proved that due to the constant increase in the role of sciences that provide the creation of new technical devices that significantly transform production, everyday life, ways of obtaining and transmitting information, the nature of communication, the importance of the development of knowledge revealing the patterns of interaction of individuals in small and large communities has declined. Contradictory socio-political, economic, sociocultural changes take place in the context of globalization. This leads to a reduction of funding for universities that train specialists in liberal arts in many countries around the world and to further difficulties in recruitment for graduates of the previously popular majors. It is shown that Liberal Arts education in conditions dictated by modern society requires revision of its content, extension of spheres of application.

Key words: values of Liberal Arts Education, liberal arts, globalization, sociocultural situation, educational process.

Dronishinets N. P., Nosyrev N. A. Nuclear Education in Annual Reports of the IAEA: a Sociological Analysis 101

In the article, on the basis of content analysis Annual reports of the IAEA Director General between 1997 and 2015 are analyzed, in order to understand the use of concepts "knowledge", "nuclear knowledge" and "nuclear knowledge management", "nuclear education". The authors stress that in IAEA Reports the concept of "knowledge" was used only four times in 1997 and seven times in 1998, mainly in parts on technical, expert, library information. In subsequent Reports there appeared new chapters, which reflected the growing need in nuclear knowledge; new concepts were used such as nuclear education, nuclear knowledge management, risk management of knowledge loss in nuclear industry organizations.

Key words: IAEA, knowledge, nuclear knowledge, nuclear knowledge management, nuclear education.

Lebedeva-Nesevria N. A., Barg A. O., Solovev S. S. Self-Rated Health of the Working Population in Russia 108

Self-rated health is a marker of morbidity and prediction of mortality in working population, and it shows the potential of economic growth in modern Russia. The dynamics of self-rated health of the working population is analyzed on the basis of RLMS data (2006–2015). It is shown that integrative index of self-rated health has a tendency to grow. The main socio-psychological and socio-demographic factors of self-rated health are described. Working men and women differ in their self-rated health. Family status is an important factor of self-rated health in middle-aged groups.

Key words: self-rated health, working population, factors.

Grunt E. V., Smirnova O. G. Russians' Attitude Towards Protestantism in Contemporary Russia: Regional Aspect 115

The article deals with the Russians' attitude towards Protestantism in the post-soviet Russia. The authors' periodization of Protestantism formation in Russia is proposed. This periodization is based on three criteria: types of Protestants' activities at each stage; the government's attitude to it; its functions. The authors show that the establishment of the Russian Protestantism took five basic steps. In modern Russia, Protestantism has its own history, it has built its tradition, and it has its own distinctive character. The authors suggest that the most authoritative protestant communities should acquire the status of social partners of state institutions. According to the article, the attitude of the majority of Russians to Protestantism is largely negative, although most of them

have friends or acquaintances among the followers of this religion. This can be explained by the stereotypes in the public opinion of Russians: about the church itself (simplification of ceremonies, of the Bible, of the decoration of the church), and about the personal qualities of the congregation (the rejection of community service and charity, lack of citizenship).

Key words: church, religion, Protestantism, Protestants, spirituality, morality, social partnership, interfaith cooperation, Russians.

POLITICAL THEORY, POLITICAL SCIENCE AND POLICY ANALYSIS

Komleva N. A. Hybrid Warfare: its Essence and Specificity.....128

In the article for the first time in Russian scientific literature, hybrid warfare is seen as solely a geopolitical phenomenon, which one cannot define in other research paradigms in its full extent. The problem is considered in the methodology of geopolitical realism. The author believes that the essence of hybrid warfare is a set of actions aiming at the destruction of all major geopolitical spaces of rival society, i.e. its absolute destruction, and aggression in all major types of geopolitical spaces is realized simultaneously. Main technology of hybrid warfare and its key actors are highlighted. The author expresses his point of view on ways to counter the acts of a hybrid war against contemporary Russia.

Key words: war, hybrid warfare, hybrid warfare actors, technologies of hybrid war, ways of counteraction to acts of a hybrid war.

INTERNATIONAL RELATIONS

Tabarintseva-Romanova K. M. Archetypes in Modern European Identity: Philosophical Rethinking138

The article offers a description of the European identity and identity of the European Union in the context of European cultural policy. The author attempts to distinguish between these two concepts and to determine their coexistence in a European space. The most significant “classical” and “new” archetypes are described, as well as their interaction principle and the mechanism for securing new archetypes.

Key words: Cultural policy of the EU, the European Union, European identity, archetypes.

Kuzminykh N. E. European Voluntary Service (Evs) as an Instrument of Realization of EU Cultural Policy.....147

This article analyzes the functioning of European Voluntary Service program from the moment when it was introduced in 1996 until the present, including its values and goals, actors taking part in the realization of the program, activities held in the frame of the program, some results and the impact of the program for the EU.

Key words: The EU, voluntary service, Erasmus, youth policy, culture policy.

Mikhaylenko V. I., Dovzhik N. R. Eastern Partnership and Polish Concepts of Formatting Central-Eastern Europe153

In the article, the authors trace the formation and evolution of Poland’s “multilayered” state policy in the field of regional security and ensuring national interests. Poland is a consistent supporter of NATO and the EU; however, Poland’s Eastern European Policy is in competition with the Brussels plans for reformatting Central and Eastern Europe. The article analyzes the peculiarities of Polish Eastern European Policy, their historical origins.

Key words: The European Union, the European Neighborhood Policy, the Eastern Partnership, Central Eastern Europe, the eastern policy of Poland, the concept of O. Khaletsky, the geopolitical concept of E. Heydroits, the Polish draft of the Intermarie Pact, the new eastern bloc.

Kuzmin V. A., Sokolov N. V. The Actions of Saudi Arabia and Iran in The Yemeni Conflict in 2015–2016.....165

Over the past few years, the world’s attention has been drawn to the events taking place in Syria. In fact, there is a similar civil conflict in another Arab country — Yemen, where pro-government forces are also fighting

against the differentiating opposition, which remains largely in the shadow. An important feature of the internal conflict in Yemen is the deep involvement of some external forces, especially Saudi Arabia and Iran. Based on the analysis of materials of the Arab and Iranian periodicals little known in Russia, the article examines the actions of Saudi Arabia and Iran during the civil war in Yemen during 2015-2016.

Key words: Yemen, Khusits, Conflict, Interests, Saudi Arabia, Coalition, Iran.

Somkamnerd N. The Problem of Illegal Migration of Ethnic Rohingya in Southeast Asia.....175

The article is devoted to the problem of illegal migration of ethnic Rohingya in the region of South-East Asia, in some ASEAN countries, especially in Myanmar and Thailand. An overview focuses on the role of Thailand, Myanmar, Bangladesh and the role of international and regional organizations, especially the role of the UN and ASEAN in resolution of the problem of illegal migration of Rohingya. Particular emphasis is placed on activities of ASEAN and Thailand to tackle the problem of illegal migration of ethnic Rohingya. It is established that the effective resolution of the problem of illegal migration of Rohingya in the region is possible through the development of international cooperation in this field.

Key words: Rohingya, Thailand, Myanmar, ASEAN, Southeast Asia, Illegal migration, regional problem.

AESTHETICS AND PHILOSOPHY OF CULTURE

Golovneva E. V. Regional Identity and Identity of a Region182

The article offers arguments in favor of a scientific demarcation of the concepts “regional identity” and “identity of a region”. The paper demonstrates that an ontological status of the regional identity in a contemporary philosophy of culture can be considered in two ways. On the one hand, the regional identity is defined as an identification of the regional community in a modern culture and based on cognitive, value, emotional and regulative relation towards specified territory. On the other hand, the regional identity manifests itself as identity of a region, as a collective discourse, representation for *Others* as well as regional image.

Key words: regional identity, identity of a region, institutionalization of a region, regional image, regional discourse, modern culture.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3
Общественные науки
2017. Т. 12
№ 3 (167)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 29.09.2017. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 16,5. Усл. печ. л. 16,41. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 286.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета».
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2291;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в подписной каталог «Пресса России» ОАО «Агентство “Роспечать”». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/ru/science/scientific-journals/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/index>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.
2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.
3. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
4. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.
2. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносят решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.
3. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом при принятии решения о необходимости доработки текста или о его отклонении к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.
4. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

5. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

6. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

7. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;

б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;

г) заголовок статьи на русском языке;

д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;

— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;

— основные этапы анализа или аргументации;

— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;

и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ

Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Департамент философии.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 389-97-34).

Электронный адрес: izvestia_3@urfu.ru

АНКЕТА СТАТЬИ

ФИО автора 1 (полностью)	
Организация	
Должность	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
ФИО автора 2 (полностью)	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	